

ИСТОРИЯ
РОССИИ
XX век

Под редакцией А. Б. ЗУБОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ
XX век

**ДЕГРАДАЦИЯ ТОТАЛИТАРНОГО
ГОСУДАРСТВА И ДВИЖЕНИЕ
К НОВОЙ РОССИИ
(1953 – 2008)**

Том III

МОСКВА
2022

УДК 94(470)“1953/08”
ББК 63.2(6)
И90

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
Владимир Акимов, Юрий Абрамочкин, Лев Иванов,
Борис Кауфман, Александр Макаров, И. Снегирев / РИА Новости;
Архивный фонд РИА Новости;
AP Photo / East News.
WOJTEK LASKI / East News

В оформлении обложки использованы фотографии:
Максим Блинов / РИА Новости;
Архивный фонд РИА Новости.

И90 **История** России XX век. Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953—2008). Том III / под ред. А. Б. Зубова. — Москва : Эксмо, 2022. — 688 с. — (История России. XX век).

ISBN 978-5-699-93347-1

Эта книга — первая из множества современных изданий — возвращает русской истории Человека. Из безличного описания «объективных процессов» и «движущих сил» она делает историю живой, личностной и фактической.

Исторический материал в книге дополняет множество воспоминаний очевидцев, биографических справок-досье, фрагментов важнейших документов, фотографий и других живых свидетельств нашего прошлого. История России — это история людей, а не процессов и сил.

В создании этой книги принимали участие ведущие ученые России и других стран мира, поставившие перед собой совершенно определенную задачу — представить читателю новый, непредвзятый взгляд на жизнь и пути России в самую драматичную эпоху ее существования.

УДК 94(470)“1953/08”
ББК 63.2(6)

© Зубов А.Б., 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-699-93347-1

Авторский коллектив

Генеральный директор проекта и ответственный редактор:
Доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ
Андрей Борисович Зубов.

Авторы (*должности и научные звания авторов указаны на момент написания ими разделов книги*):

Кирилл Михайлович Александров, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Александрович Артемов, протоиерей (Мюнхен, Германия).

Сергей Станиславович Балмасов, историк (Тверь).

Алексей Николаевич Бобринский, заместитель директора Российского центра защиты леса (Москва).

Николай Алексеевич Бобринский, магистрант МГИМО (У) МИД РФ.

Сергей Владимирович Волков, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российской государственной публичной библиотеки (Москва).

Иван Иванович Воронов, кандидат исторических наук, доцент Хакасского университета (Абакан).

Наталья Львовна Жуковская, доктор исторических наук, профессор Института этнологии и антропологии РАН (Москва).

Александр Владимирович Журавский, кандидат исторических наук, кандидат богословия.

Ирина Андреевна Зубова, аспирант МГИМО (У) МИД РФ.

Андрей Борисович Зубов, доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

Даниил Андреевич Зубов, журналист.

Владислав Мартинович Зубок, доктор исторических наук, профессор университета Темпл (Филадельфия, США).

Борис Семенович Илизаров, доктор исторических наук, директор Народно-го архива (Москва).

Дмитрий Михайлович Калихман, доктор технических наук, профессор Саратовского государственного технического университета.

Алексей Алексеевич Кара-Мурза, доктор философских наук, заведующий отделом Института философии РАН (Москва).

Алексей Николаевич Келин, член Совета правительства Чешской Республики по вопросам национальных меньшинств, член правления общества «Русская традиция» (Прага).

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, заведующий отделом Института географии РАН (Москва).

Михаил Александрович Краснов, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Высшей школы экономики (Москва).

Владимир Михайлович Лавров, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН (Москва).

Вячеслав Викторович Лобанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Ирина Владимировна Лобанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Борис Николаевич Любимов, кандидат искусствоведения, профессор, ректор Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина (Москва).

Владимир Иванович Марахонов, кандидат физико-математических наук (Санкт-Петербург).

Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, протоиерей, профессор, заведующий кафедрой истории русской церкви Санкт-Петербургской Духовной академии.

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Ричард Пайпс, почетный профессор Гарвардского университета (США).

Александр Вадимович Панцов, доктор исторических наук, профессор Капитолийского университета (Колумбус, Огайо, США).

Юрий Сергеевич Пивоваров, академик РАН, доктор политических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва).

Геннадий Викторович Попов, доктор искусствоведения, директор Музея им. преп. Андрея Рублева (Москва).

Борис Сергеевич Пушкарев, директор НП «Содружество “Посев”» (Москва).

Михаил Викторович Славинский, филолог (Франкфурт-на-Майне, Германия).

Владимир Викторович Согрин, доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

Витторио Страда, доктор философских наук, почетный профессор Венецианского университета (Италия).

Никита Алексеевич Струве, доктор философских наук, профессор университета Париж-10 (Франция).

Леон-Габриэль Тайван, доктор исторических наук, профессор Латвийского университета (Рига).

Николай Дмитриевич Толстой-Милославский (Лондон, Великобритания).

Тихон Игоревич Троянов, доктор юридических наук, адвокат (Женева, Швейцария).

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Василий Жанович Цветков, кандидат исторических наук (Москва).

Юрий Станиславович Цурганов, кандидат исторических наук (Москва).

Владимир Алексеевич Шестаков, доктор исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН (Москва).

Светлана Всеволодовна Шешунова, доктор филологических наук, профессор Международного университета природы, общества и человека (г. Дубна, Московская область).

Рустам Мухамедович Шукуров, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета.

Шариф Мухамедович Шукуров, доктор искусствоведения, заведующий отделом Института востоковедения РАН (Москва).

РОССИЯ В ПЕРИОД ДЕГРАДАЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА (1953—1991)

Глава 1

«ОТТЕПЕЛЬ» КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА 1953—1964 ГГ.

5.1.1. Борьба за сталинское наследство. Свержение Берии

Новое руководство СССР немедленно отказалось от сталинских планов подготовки к Третьей Мировой войне. Преемники Сталина, прежде всего **Маленков, Берия и Молотов**, отчетливо понимали гибельность такой войны для СССР. В ноябре 1952 г. США первыми испытали термоядерное устройство. Первое советское термоядерное устройство испытано было только через десять месяцев (см. **5.1.14**), а к тому времени находилось еще в стадии разработки. Американская стратегическая авиация со своих баз могла достичь Москвы. СССР не имел аналогичных возможностей в отношении США. Все, что мог сделать Сталин и военные, — это построить дорогостоящую систему ПВО вокруг Москвы и готовиться к молниеносному захвату Западной Европы и Турции, чтобы лишить американцев их передовых плацдармов. Все это вряд ли предотвратило бы разгром СССР в случае войны.

Через десять дней после смерти Сталина, 16 марта 1953 г. Маленков публично заявил, что США и СССР могут договориться по любой международной проблеме. Крупнейшей из них была Корейская война. Во время похорон

Сталина Молотов обменялся мнениями с приехавшим на похороны премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем о возможности положить конец войне в Корее.

19 марта были направлены официальные письма Мао Цзэдуну и Ким Ир Сену, в которых предлагались меры, чтобы «обеспечить выход Кореи и Китая из войны в соответствии с коренными интересами китайского и корейского народов». Мао и Ким, которые не ставили этого вопроса перед Сталиным из-за гордости или боязни показать «слабину», немедленно согласились. 27 июля 1953 г. на нейтральной полосе в Корее было подписано соглашение о перемирии. Война закончилась, но Корея осталась разделенной.

В СССР антиамериканская истерия и шпиономания начали спадать. Советские женщины — жены иностранных дипломатов, получили разрешение выехать из страны (до этого они жили на территории иностранных посольств, т.к. по сталинскому закону 1947 г. брак с иностранцем означал немедленный арест). Была ослаблена цензура для иностранных журналистов (раньше за публикацию в своих газетах статей с критикой советского режима их тут же лишали аккредитации). Журналистов даже стали приглашать на приемы в Кремль.

В апреле-мае 1953 г. Президиум Совета Министров, во главе которого встал Маленков, был вынужден вплотную заняться кризисом сталинской политики в Восточной Германии. Военные приготовления и слухи вызвали массовое бегство немцев — молодежи и специалистов — в Западную Германию. На предприятиях и в сельской местности усиливалось недовольство непосильными темпами работ, снижением расценок и зарплат, «раскулачиванием» крестьян. Молотов и большинство членов Президиума решили отказаться от «ускоренного» темпа строительства «социализма» в Восточной Германии, но считали, что нужно сохранить ГДР — передовую базу советского присутствия в Центральной Европе.

В марте-июне 1953 г. Берия был самым активным членом нового руководства. Он стремился к верховной власти, но понимал, что после всех тех преступлений, которые он сотворил при Сталине, его шансы невелики — соратники его боятся, народ ненавидит, зарубежные политики смотрят как на кровавое чудовище. После смерти вождя крайним ответчиком за преступления сталинского режима становился он. Желая себя обелить и получить поддержку и в мировом общественном мнении, и среди руководства компартии, и в русском народе, Берия, будучи человеком вовсе неглупым, продумал целый ряд шагов. По некоторым серьезным свидетельствам, он советовал пойти на объединение Германии, — «пожертвовать» ГДР ради окончания холодной войны. Он же стремился как можно быстрее прекратить войну в Корее.

Внутри страны его самой заметной инициативой была реформа госбезопасности и прекращение «дела врачей». 16 марта Берия арестовал главного следователя по делу врачей Рюмина и освободил арестованных врачей. В за-

писке Президиуму Берия, пользуясь тем, что с 1946 г. он формально не возглавлял МВД и МГБ, сообщал о невинности врачей и о том, что убийство Михоэлса — дело рук органов безопасности. 3 апреля Президиум ЦК КПСС признал, что дело врачей сфабриковано, и возложил ответственность за это на бывшего министра МГБ С.Д. Игнатова. 4 апреля Берия подписал приказ по министерству, в котором осудил то, что сам и его предшественники применяли многие годы. Приказ запрещал «изуверские методы допроса — грубейшие извращения советских законов». Берия приказал уничтожить орудия пыток в тюрьмах МГБ. А еще за несколько месяцев до приказа он сам с удовольствием принимал участие в пытках заключенных, особенно женщин, в подмосковной тюрьме в Суханово, где у Лаврентия Павловича были специальные покои.

ДОКУМЕНТ

Приказ 4 апреля 1953 г.: «Министерство внутренних дел СССР установило, что в следственной работе органов МГБ имели место грубые извращения советских законов, аресты невинных граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных методов пыток: жестокое избивание арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в некоторых случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованного в раздетом виде в холодный карцер и др. ... Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика. Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической деятельности». — *Н. Г. Охотин, Н. В. Петров, А. Б. Рогинский, С. В. Мироненко*. Экспертное заключение к заседанию Конституционного суда РФ 26 мая 1992 г. М., 1992. С. 15.

6 апреля советские люди узнали из печати о том, что «дело врачей» было сфабриковано. Говорилось также о том, что «был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс». Эффект этого сообщения для миллионов людей был сравним разве что со смертью Сталина. Евреи, ожидавшие депортации, вздохнули с облегчением. Посвященные благодарили «Лаврентия Павловича». Антисемиты прикусили язык. Для многих людей «дело врачей» стало сильнейшим ударом по их слепой вере в Сталина и началом долгого процесса нравственного выздоровления и духовного прозрения.

По инициативе Берии были освобождены и реабилитированы многие военные и политические деятели, начиная от жены Молотова и до осужденных

по «делу авиаторов» и «мингрельскому делу». Он же был инициатором указа Президиума Верховного Совета «Об амнистии» от 27 марта. Этот указ освободил около миллиона человек, более трети узников ГУЛАГа. Освобождались только те, кто имел срок заключения до 5 лет, а также несовершеннолетние, женщины с детьми и беременные. Амнистия не распространялась на политических заключенных, осужденных по статье 58 за «антисоветскую деятельность».

Берия предложил прекратить сталинские «стратегические» стройки, такие как железные дороги Салехард–Игарка, Красноярск–Енисейск, Байкало-Амурская магистраль, тоннель под дном Татарского пролива к острову Сахалин, военно-морскую базу и кораблестроительный завод для строительства линкоров и авианосцев максимального тоннажа в Советской (Императорской) гавани тихоокеанского Приморья и многие другие. Все это были «проекты» ГУЛАГа, строившиеся трудом заключенных. Другие, менее дорогостоящие и более необходимые стройки Берия передал из ГУЛАГа в гражданскую экономику. На осень 1953 г. Берия наметил освобождение 1,7 миллиона спецпоселенцев, включая немцев, бывших кулаков и членов семей «врагов народа». Остальных спецпоселенцев планировалось освободить в течение последующих одного-двух лет.

Несомненно, именно Берия сделал первые шаги к слому сталинского механизма террора и демонтажу системы рабского лагерного труда. Историки до сих пор спорят, почему такой страшный и беспощадный человек оказался в роли реформатора? С точки зрения историка Р.Г. Пихоя, «моральные принципы Берии были не выше и не ниже, чем у его товарищей по партийному руководству» (Р.Г. Пихоя. Советский Союз. История власти. С. 108). Но из сталинского окружения только Берия своими руками убивал, пытал и насиловал, предпочитая (как рассказывал позднее Булганин Галине Вишневской) несовершеннолетних девочек. Берия поддерживал до поры до времени Маленкова в роли главы государства, чтобы впоследствии самому стать новым «вождем народов». Чувствуя, что его страшная репутация ему мешает, Берия стремился реабилитировать себя благими делами и дистанцироваться от почившего Сталина.

Слишком многие, однако, боялись и ненавидели «маршала с Лубянки». Среди них были партийные секретари и военные, пострадавшие от репрессий и слежки «особистов». Неистовая энергия, которую проявил Берия после смерти Сталина, испугала его коллег в правящей верхушке. Хрущёв, Маленков и Молотов видели, что Берия вторгается во всё, пытается сравнить их друг с другом. В июне 1953 г. Берия подготовил записку о замене русских чиновников в Латвии, Белоруссии, Украине и других республиках местными кадрами. Для Хрущёва это стало последней каплей. Украина была его вотчиной, и он решил, что Берия ведет под него подкоп. Хрущёв обратился к Молотову, а затем и к Маленкову, и сумел, избегнув вездесущих ушей госбезопасности, договориться об устранении Берии. В заговор вовлекли маршала Георгия Жукова и командующего Московским военным округом генерала Константина Москаленко, Лазаря Кагановича, Николая Булганина.

Заговор завершился полным успехом 26 июня 1953 г. На экстренном заседании в Кремле Берия был арестован Жуковым и армейскими генералами и заключен в тюрьму Московского военного округа.

Свидетельство очевидца

В своих воспоминаниях и в рассказах Федору Бурлацкому Никита Хрущёв так описывает арест Берии: «Сели все, а Берии нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Сел и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание. Давай мне слово». Тот побледнел, смотрю — рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду»... Маленков всё еще пребывал в растерянности и даже не поставил моё предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким образом военных. Из соседней комнаты вышли ожидавшие там генералы. В руках они держали револьверы. Большинство сидевших за столом замерли от неожиданности. Георгий Жуков скомандовал Берии: «Встать! Вы арестованы. Руки вверх!» — *Ф. М. Бурлацкий*. Никита Хрущев. М.: Рипол классик, 2003.

Москвичи, современники тех событий, рассказывают, что в подъездах многих домов московского центра 26 июня они видели отряды вооруженных солдат под командованием армейских офицеров. Возможно, эти войска были введены в центр Москвы на случай сопротивления войск госбезопасности аресту своего «шефа». Но сопротивления не последовало.

Попытки Берии вымолить себе жизнь были обречены. В печати немедленно появилось сообщение, где он объявлялся «изменником Родины», заговорщиком и «британским шпионом». 2—7 июля состоялся чрезвычайный Пленум ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Хрущёв, Маленков и Молотов обвинили Берию во всех преступлениях сталинского режима, в том числе и в тех, к которым он был непричастен. Инициативы и реформы Берии были отменены или отложены. В декабре 1953 г. на закрытом заседании Верховного Суда СССР Берия и его люди из госбезопасности — В. Н. Меркулов, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешик, Л. Е. Влодзимирский — были осуждены по статье 58 по обвинению «в измене Родине, совершении террористических актов и создании антисоветской изменнической группы». Все они были немедленно расстреляны, тела сожжены, а прах закопан в безымянных могилах. С ними поступили так же, как они поступали с миллионами русских людей, с тысячами граждан других государств. Возмездие свершилось. Правда, их никто не пытал, разве что их собственная совесть...

Свидетельство очевидца

Прокурор А. Антонов-Овсеенко описал казнь Берии: «Казнили приговоренного в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставили белую нательную рубашу, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули. Прокурор Руденко зачитал приговор. Берия: Разрешите мне сказать... Руденко: Ты уже всё сказал. (Военным.) Заткните ему рот полотенцем. Прошу привести приговор в исполнение. Батицкий нажал на курок. Пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревках».

Победа над Берией была и победой над гидрой госбезопасности. Областные управления МГБ жгли свои архивы. Президиум ЦК выступил, в глазах партийной номенклатуры, в роли спасителя от террора. Но, прежде всего, члены Президиума думали о себе. По уговору между кремлевскими вождями была прекращена практика подслушивания и записи разговоров руководителей партии и правительства, а также высших военных, органами госбезопасности. Документы с компроматом, найденные в сейфе Берии, были также уничтожены. Даже его многотомное следственное дело, полное чудовищной грязи и разоблачений, было засекречено, а информация о результатах расследования была направлена только партийной номенклатуре.

Устранение Берии скомпрометировало многие начинания весны 1953 г., в том числе курс на «мирную инициативу» в отношениях с Западом и на радикальные перемены в Германии. На время оказался снятым и вопрос о возвращении спецпоселенцев. Были попытки поставить под вопрос прекращение антисемитской кампании. В то же время, 26 июня стало еще одним «звонком», будившим подсоветское российское общество. Актер и ученый-библиограф Н.П. Смирнов-Сокольский в частном разговоре заметил: «Как ни сильна машина, а развал начался. Это все оттого, что у нас огосударствили не только всякие отрасли, но даже дыхание, болезни, сны людей. В этих условиях любая сволочь как хочет, так и воротит».

ДОКУМЕНТ

Лауреат Сталинской премии артист И. С. Набатов, по донесению МВД, говорил: «От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть, по существу, полицейский. Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берия, но и других. Это откровенная борьба за власть. Так или иначе, крах этой структуры рано или поздно неизбежен». — АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 21—28, цит. по: *Р. Г. Лихоя*. С. 127.

Народ же распевал частушки: «Лавретий Палыч Берия / не оправдал доверия. / Остались от Берии / только пух и перья». «Цветёт в Тбилиси алыча / не для Лаврентий Палыча, / а для Климент Ефремыча и Вячеслав Михальча». Впрочем, «алыча» скоро перестала цвести и для Ворошилова с Молотовым. Перемены в высшем руководстве СССР стали происходить весьма быстро.

Свидетельство очевидца

О нравах высшего руководства СССР первых послесталинских лет хорошо говорит зарисовка, сделанная Галиной Вишневской во время празднования 60-летия Булганина летом 1955 г. узким кругом соратников на его даче: «Дача Булганина была в Жаворонках по дороге на Николину Гору... Слово «прием» тут не подходит... это была наша родимая, нормальная русская пьянка, и я приехала в самый ее разгар — дым идёт коромыслом... Улыбающийся «ново-рожденный» провёл меня на место рядом с собой, и под многозначительными взглядами присутствующих я села между ним и Хрущёвым... Собрался здесь очень тесный круг гостей — члены Политбюро, их семьи, несколько маршалов (среди них — знаменитый Жуков...). Впервые я видела наших вождей, с детства знакомых по портретам, всех вместе, да еще «дома», с чадами и домочадцами. Как странно выглядят они в домашней обстановке! За большим столом, заваленным едой и бутылками, тесно прижавшиеся друг к другу... Разговаривают громко, властно, много пьют. Чувствуется в них какой-то неестественный внутренний напор, будто собрались вместе волчи вожаки и не рискуют друг перед другом расслабиться. Так вот они — «мозг и сердце нашей партии». Нет среди них только в бозе почившего Сталина и расстрелянного недавно Берии. Остальные верные соратники все на местах, и я имею возможность наблюдать за ними... У всех беспородные обрюзгшие лица, грубые голоса, простецкое, вульгарное обращение между собой. В этом гаме постоянно слышен резкий, хриплый голос Кагановича с сильным еврейским акцентом. Даже здесь, среди своих, вместо тостов — лозунги и цитаты из газет: «Слава Коммунистической партии!», «Да здравствует Советский Союз!»... Женщины — низкорослые, полные, больше молчат. Внутренне скованные, напряженные... Конечно, ни о каких туалетах, об элегантности не может быть и речи — ни одной в длинном платье, ни одной с красивой прической... Их мужья не появляются с ними в обществе и ни на каких официальных приемах я этих дам не видела... Я разглядываю их, стараюсь угадать, кто же из них побывал в тюрьмах. В разное время арестованы были как сионистки жены Молотова, Калинина, Буденного, Андреева, Поскребышева, жены маршалов... Кто из них остался жив и вернулся из сталинских лагерей?..» — *Г. Вишневская*. Галина. История жизни. М., 2006. С. 158—159.

Литература:

- В. Старков*. Сто дней лубянского маршала // Источник. 1993. № 4.
В. Наумов, Ю. Сигачев. Лаврентий Берия. 1953 — Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
У. Таубман. Хрущёв. М.: Молодая гвардия. 2005.

5.1.2. Волнения в Восточной Европе. Восстание в Восточной Германии. Русское общество и восточноевропейские восстания

Смерть Сталина положила начало разложению его империи, построенной на пепелище войны, страхе, насилии и магическом культе вождя-победителя. Если в России советская власть приобрела некоторую «легитимность» в сознании части людей в результате победы над нацизмом, то в странах Восточной Европы режимы были явно навязаны силой извне и не могли завоевать сколько-нибудь широкую поддержку среди населения. В последние годы жизни Сталина террор в восточноевропейских странах достиг апогея: в одной маленькой Венгрии с населением около 9 млн человек, было **полмиллиона** арестов (некоторых людей арестовывали по нескольку раз).

В мае-июне 1953 г. Берия и Маленков, информированные о степени недовольства в восточноевропейских странах, начали менять там кадры и политику. В частности, в Венгрии Матьяш Ракоши был заменен на опального и поэтому популярного в народе Имрэ Надя (позднее выяснилось, что он был агентом НКВД в 1930-е гг.). Повсеместно в Восточной Европе прекратился террор госбезопасности.

Но волнения в «подсоветской» Европе предотвратить не удалось. Сперва в Чехословакии в начале июня 1953 г. вспыхнули забастовки и демонстрации рабочих в Пльзене и Моравской Остраве. Начавшись на экономической почве, они быстро обратились против правительства чешских сталинистов, но со временем утихли без кровопролития.

Через несколько дней в Восточной Германии — там, где его меньше всего ожидали, — произошло первое в сталинской империи народное антикоммунистическое восстание. Этому способствовали особые обстоятельства, прежде всего, открытая граница с Западом и хозяйственный кризис, вызванный в ГДР политикой подготовки к войне. Наличие открытой границы объяснялось двойственностью советской стратегии в «германском вопросе» — укрепляя ГДР, московские власти пытались в то же время поддерживать у немцев иллюзию, что не советский режим, а западные державы виновны в расколе Германии. Берлин, в результате, оставался уникальным местом, где ежедневно десятки тысяч людей могли свободно переходить из «социалистического» восточного сектора в «капиталистический» западный. Под влиянием ухудшения жизни и слухов о войне многие уходили на Запад и не возвращались.

В марте 1953 г. лидер ГДР Вальтер Ульбрихт предложил советскому руководству закрыть границу с Западным Берлином, но получил отказ. 6 мая 1953 г. Берия информировал Президиум, что с начала 1952 г. 220 тысяч человек перешло из ГДР на Запад. Виновниками этого Берия считал Ульбрихта и Отто Гротеволья, коммунистических лидеров ГДР. Молотов, политический советник в ГДР В. Семенов и руководители советской военной администрации в Германии И. Чуйков и В. Соколовский были согласны в том, что без

коренных реформ ГДР обречена. Из нее все просто уйдут на Запад. Останутся только агенты госбезопасности.

Однако вместо реформ Ульбрихт провозгласил, к ужасу Москвы, в ГДР «диктатуру пролетариата». Кремлевское руководство тайно вызвало Ульбрихта и Гротеволья в Москву и дало им указания отказаться от левацкой политики и перейти к «ленинскому НЭПу». Это означало — прекратить массовые аресты, отменить «коллективизацию» бауэров, вернуть собственность, отнятую у церкви и мелких предпринимателей, отказаться от сверхэксплуатации рабочих в промышленности, снизить нормы выработки, разрешить негосударственную торговлю, закрыть «фильтрационные лагеря» для немцев, вернувшихся из Западной Германии, и т.п.

Приказ Москвы деморализовал коммунистический режим ГДР. Хотя Совет министров ГДР под председательством Гротеволья формально одобрил «Новый курс» Политбюро, но статья, напечатанная 16 июня в органе профсоюзов — «Трибюн», — вызвала возмущение рабочих. В ней предостерегали от «разногласий» в вопросе норм и подчеркивалось, что «постановления, касающиеся повышения норм, в целом абсолютно правильны».

Ознакомившись с этой статьей, 80 строительных рабочих из Блока 40 на аллее Сталина в Восточном Берлине в полдень 16 июня 1953 г. прекратили работу и решили организовать демонстративное шествие к «Министерскому Центру». За короткое время более 10 000 человек присоединились к двигавшейся в полном порядке колонне демонстрантов. Люди требовали снижения норм выработки и цен в государственных магазинах, повышение которых лично объявили Ульбрихт и Гротеволь. Не добившись положительного ответа, демонстранты двинулись к центру города. По дороге они обращались к прохожим, крича им: «Присоединяйтесь к нам! Не будьте трусами! С нас хватит! Завтра будет общая забастовка!» К жителям Восточного Берлина присоединились люди из Западного Берлина. Демонстранты требовали восстановления гражданских свобод, отставки Ульбрихта и Гротеволья. Лидеры ГДР, объятые страхом, укрылись в берлинском районе Карлсхорст, где находилась штаб-квартира Группы советских войск в Германии.

Кроме того, делегация восточноберлинских рабочих обратилась к главному редактору американской радиостанции РИАС в Западном Берлине Эгону Бару с настоятельной просьбой проинформировать население ГДР о намечаемой общей забастовке. Бар наотрез отказался. Западные державы, в ситуации наметившейся после смерти Сталина «разрядки», боялись даже тени вмешательства в восстание.

Ранним утром 17 июня началось новое шествие демонстрантов, которое привело к первым столкновениям с Народной полицией. Демонстрации превратились в восстание по всей территории ГДР. 200 тысяч рабочих бастовали. Демонстранты на улицах говорили о том, что «коммунисты разделили Германию и превратили народ в рабов». Скандировали: «Долой партию! Долой Ульбрихта!» Восставшие штурмовали здания судов и тюрем,

освобождали политических заключенных, жгли партийные помещения. Рабочие требовали не только повышения зарплаты и снижения норм выработки, но и свободы слова, свободных выборов по всей Германии, отмены внутринаемецкой границы, вывода оккупационных войск, упразднения военизированной полиции, освобождения политзаключенных и военнопленных. Коммунистический режим рухнул. Советские военные по указанию из Москвы объявили военное положение. Около часа дня на улицы Восточного Берлина и других городов ГДР вышли первые советские танки. Советским войскам был отдан приказ огнем рассеять толпу. В Берлине, Магдебурге, Лейпциге и других городах сотни людей были убиты и ранены. 19–20 июня восстание прекратилось, забастовки пошли на спад. «Фашистская провокация не удалась» — таков был титульный заголовок коммунистической газеты «Нойес Дойчланд» от 18 июня, вышедшей всего лишь на одной странице.

Несмотря на неустойчивость своего положения на Западе, Русское Зарубежье не оставалось безучастным к таким событиям. Еще в 1951 г. в Берлине был основан русскими и немецкими антикоммунистами Свободный Союз русско-немецкой дружбы. Целью Союза было сближение и дружба немецкого и русского народов в борьбе против общего врага — коммунизма. Членами Союза, как с немецкой, так и с русской стороны, были люди, принадлежавшие к самым различным социальным слоям и профессиям.

В дни июньского восстания, когда на его подавление были двинуты танки, Союз обратился к советским солдатам и офицерам по радио и в листовках, призывая не стрелять в немецких трудящихся, а помогать им в борьбе с коммунистической тиранией. И этот призыв был услышан, он нашел отклик в сердцах русских людей, одетых в советскую форму. Немецкие демонстранты видели, что не все советские солдаты повинуются своим командирам и открывают огонь на поражение. Многие стреляли в воздух, другие отказывались применять оружие. Но они не знали в дни восстания, чего стоило солдатам это непослушание.

Через своих доверенных лиц Народно-Трудовой Союз выяснил, что в воскресенье 28 июня, рано утром, в летнем военном городке 73-го стрелкового полка, расположенного в районе местечка Бидеритц, были расстреляны 18 военнослужащих из сводной команды автоматчиков дивизии, в которую входил этот стрелковый полк. Расстрел производился в лесу на поляне, перед строем всей сводной команды автоматчиков, приведенной к месту расстрела безоружной. Расстреливали партиями по три человека, у края вырытой братской могилы. Производила расстрел специальная команда особой части. Установить, кем был подписан приказ о расстреле, и точное название особой части пока не удалось. В числе восемнадцати были расстреляны ефрейтор Александр Щербина, младший сержант Николай Тюляков и рядовой Василий Дятковский. Фамилии других расстрелянных установить не удалось. 23 советских военнослужащих были расстреляны особистами в Берлине. Имена

этих советских солдат, отказавшихся открыть огонь по мирной демонстрации, пока неизвестны.

17 июня было провозглашено в Западной Германии днем памяти. В этот день вспоминали погибших, чтили их память, произносили речи, возлагали венки. В Западном Берлине на Потсдамском шоссе немцы установили памятный камень и тем русским воинам, которые отказались стрелять в немецких рабочих и заплатили за этот свой нравственный выбор жизнью...

Через два месяца после восстания Российский Комитет помощи русским беженцам в Берлине и берлинская редакция «Посева» организовали открытое собрание на тему «Революционная борьба против коммунизма». На собрании, под огромным полотнищем национального русского трехцветного флага, выступили председатель Российского Комитета помощи русским беженцам (в западном секторе Германии) Александр Трушнович; ушедший на Запад в апреле 1953 г. майор Советской армии Леонид Ронжин; главный редактор еженедельника «Посев» Евгений Романов и руководитель Института изучения СССР при НТС Роман Редлих. Собрание происходило в помещении Дома студентов Берлинского университета. В основном зале и в боковых крыльях здания, оборудованных громкоговорителями, присутствовало более полутора тысяч человек. В их числе было немало жителей Восточного Берлина и советской зоны оккупации.

Открывая собрание, Трушнович подчеркнул, что обещаниям коммунистов верить нельзя. Если в духовных основах какого-либо движения или партии заложены отрицательные ценности, воля к мировому господству, если человек служит только средством для достижения цели, если господствуют чувства ненависти и властолюбия, то никакого изменения основных принципов ожидать невозможно. Его слова о том, что народы должны сами решать свою судьбу в борьбе против коммунистического рабства, вызвали дружные аплодисменты присутствующих. На собрании присутствовало большое число представителей берлинской и западногерманской прессы.

Большие или меньшие собрания русских эмигрантов прошли также в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. 15 июля в Мюнхене состоялся большой митинг, организованный Координационным Центром Антибольшевистской Борьбы (КЦАБ). Митинг, проходивший под председательством Г.И. Антонова (СБОНР), был открыт вступительным словом Александра Керенского (РНД). В.Д. Поремский (НТС) прочел большой доклад о последних событиях в СССР. Небывалая для русского Мюнхена аудитория в 600—700 человек проявила горячую симпатию и сочувствие к выступлениям ораторов.

Народное восстание в Восточной Германии, по словам советского дипломата Александрова-Агентова, «явилось настоящим шоком для руководства в Москве, ибо показало, сколь непрочной может оказаться социальная основа режимов в странах народной демократии». Официальная комиссия в составе В. Соколовского, В. Семенова и П. Юдина, назначенная для расследования событий, расценила восстание как заговор «фашистских и других ор-

ганизаций», руководимых американской разведкой. Вместе с тем, комиссия рекомендовала продолжать «новый курс» и устранить от власти Ульбрихта.

Но обстановка в Кремле после ареста Берии изменилась. В июле 1953 г. на пленуме ЦК КПСС Хрущёв обвинил Берию в намерении «отдать 18 миллионов немцев» под власть США и заявил, что это означало бы, что народные жертвы и победа над Германией встанут под вопрос. Молотов заявил, что «трезвомыслящий марксист» не может «верить в буржуазную, мирную Германию». «Новый курс» стал казаться слишком радикальным отходом от «социализма». Было решено руководство ГДР не менять, а, напротив, укрепить власть Ульбрихта подачками. В Москве прошли правительственные переговоры между СССР и ГДР. С января 1954 г. СССР прекратил взимание репараций, передал ГДР 33 крупных предприятия, и сократил платежи ГДР на содержание оккупационных советских войск на ее территории.

Литература:

Christian F. Ostermann (ed.). Uprising in East Germany, 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain. Budapest: Central European University Press, 2001.

5.1.3. «Холодная весна» 1953 г. Восстания в лагерях

Неспокойно было и в России. Апрельские разоблачения незаконных приемов госбезопасности встретили горячий отклик среди населения. Стихийно возникло движение против произвола властей, не только госбезопасности, но и милиции, и любых чиновников. В редакции газет, в прокуратуру и в партийные органы посыпалось множество жалоб, а также прошений о пересмотре дел. Под таким натиском многие начальники пришли в растерянность, сделались вежливыми и доступными.

По амнистии, объявленной 27 марта 1953 г., из мест заключения было отпущено 1,2 млн заключенных, отбывавших сравнительно небольшие сроки — в том числе за грабежи и разбои. Этот элемент хлынул в города. Освобождение примерно 40% всех заключенных не предотвратило забастовок и восстаний оставшихся.

Через два с лишним месяца после смерти Сталина, 26 мая 1953 г. вспыхнуло **восстание в норильском Горлаге**. Более тысячи прибывших сюда ранее из Караганды заключенных — украинцев и балтийцев — создали подпольную организацию, и, когда охрана убила одного из них, часть заключенных объявила забастовку. Вскоре охрана снова открыла стрельбу, ранив нескольких человек. Заключенные сломали забор штрафного барака, освободили сидевших там 24 человека и взяли в заложники одного из начальников. На работу отказались выходить все 16 тысяч заключенных. После неудачной

попытки переговоров лагерь был оцеплен войсками, получившими приказ его очистить. Несколько сотен сопротивлявшихся было убито.

Про восстание в Восточной Германии из западных радиопередач узнали заключенные Речлага в воркутинском угольном бассейне и решили следовать примеру немецких рабочих. Опыт забастовок у них уже был в 1951 и 1952 г. 30 июня заключенные шахты Капитальная распространяли листовки «Прекратите подачу угля», а на стене шахты появилась надпись: «Угля не будет, пока не будет амнистии». За Капитальной последовала шахта № 7 и другие. К 29 июля 1953 г. бастовало 15 тысяч заключенных. Управление лагерями взяли на себя организованные заключенными стачкомы. Подавление забастовки шло по примеру Норильска.

Летом 1953 г. последовали забастовки в Караганде и на Колыме. В апреле 1954 г. в **Кенгире** (Казахстан) вспыхнуло самое большое восстание, длившееся 42 дня. В нем участвовало 9 тысяч мужчин и 4 тысячи женщин. Они проломили стену между мужским и женским лагерем, разрушили штрафной изолятор, освободив оттуда 252 человека, захватили кухню, склады и мастерские, где изготовляли холодное оружие. Прибывшая из Москвы комиссия вела переговоры о пересмотре приговоров, смягчении режима, ограничении рабочего дня, снятии номеров с одежды, расследовании незаконных расстрелов. Когда выяснилось, что переговоры ведутся для отвода глаз, пока будут стянуты войска, забастовка стала всеобщей. Избранный ее возглавлять заключенный подполковник Капитон Иванович Кузнецов выдвинул лозунг «Да здравствует советская конституция». В неравном 4-часовом бою 26 июня 1954 г. восстание подавили 1,7 тыс. солдат с пятью танками. Затем каратели отправились в Джезказган, где 20 тысяч заключенных неделей ранее объявили забастовку солидарности. Но они не подготовились к сопротивлению и сдались. В том же 1954 г. произошли волнения заключенных в лагерях Ревда (Свердловская область), Карабаш, Тайшет, Решоты, Джезказган, Балхаш и на Сахалине. В 1955 г. была повторная забастовка на Воркуте.

Под напором восстаний ЦК КПСС 10 июля 1954 г. постановил существенно облегчить лагерный режим: ограничить рабочий день, разрешить переписку, дать возможность покупать товары в лагерных ларьках. Была создана система комиссий по пересмотру политических приговоров. Заключенных, чей срок близился к концу, стали отпускать и без пересмотра. В 1955 г. была объявлена амнистия лицам, осужденным за сотрудничество с немцами во время оккупации. В связи с дипломатическим признанием ФРГ и визитом канцлера Аденауэра в СССР освобождены были и все немецкие граждане, оставшиеся еще в советском плену или в заключении.

«Реабилитация» осужденных по политическим статьям и роспуск лагерей очень ускорились после XX съезда КПСС в феврале 1956 г. До конца года было «реабилитировано» 617 тыс. заключенных. ГУЛАГ как ведомство был упразднен, его предприятия — такие как Норильск, Воркута, Дальстрой —

были переданы гражданским министерствам, оставшиеся заключенные, преимущественно уголовники, размещены по тюрьмам и колониям, перешедшим в ведение Министерства юстиции.

Возвращение политзаключенных стало большим событием в жизни страны и встречи их, как с родными, так и с теми, кто донёс на них, были порой драматическими.

В феврале 1957 г. было разрешено вернуться из ссылки депортированным в 1944–1945 гг. чеченцам, ингушам, балкарцам, карачаевцам и калмыкам. Многие, запретам вопреки, стали возвращаться самовольно еще в 1956 г., после того, как Хрущёв осудил депортации с трибуны XX съезда. Правительство лишь узаконило реальное положение дел. На немцев Поволжья, месхетинских турок и крымских татар это решение не распространялось, хотя режим спецпоселенцев был отменен и для них. Первые стали впоследствии выезжать в Германию, вторые вернулись в Крым при Горбачеве. Возвращение репрессированных на родину сопровождалось межэтническими столкновениями, как в 1958 г. в Грозном.

25 декабря 1958 г. Верховный Совет принял новые **Основы уголовного законодательства**, которые окончательно отменяли сталинские процессуальные нормы и понятия вроде «враг народа», требовали обязательного присутствия обвиняемого на процессе и его защиты знающим его дело адвокатом.

5.1.4. Реформа органов госбезопасности и создание КГБ. Борьба в коммунистическом руководстве СССР и возвышение Хрущёва

Арест Берии был первой и неожиданной для многих заявкой **Никиты Сергеевича Хрущёва** на лидерство. Хрущёв был известен до этого как малообразованный, но фантастически энергичный выдвиженец Сталина, который стал в 1938 г. партийным лидером Украины, а в 1949-м был поставлен вождём во главе Московского городского комитета партии, чтобы «укрепить» его после ареста членов ленинградской группы (см. 4.3.15).

В день смерти Сталина Хрущёв не получил никакого правительственного поста, однако был назначен главой похоронной комиссии и вошел в состав Секретариата ЦК КПСС. Берия и Маленков недооценили Хрущёва и неосторожно отдали в его руки партийно-кадровые рычаги. В годы войны Хрущёв получил «фронтовую закалку», в том числе участвуя в Сталинградской битве, и по характеру был готов пойти на смертельный риск. Связи с маршалом Жуковым, генералом Москаленко и другими военными помогли ему организовать арест Берии и нейтрализовать силы МГБ, в том числе кремлевскую охрану. Успех заговора придал Хрущёву уверенности, расковал его недюжинную инициативу. В июле на Пленуме ЦК он раскритиковал Маленкова за его близость с Берией и вынудил главу правительства присягнуть принципам

«коллективного руководства». Следующий Пленум ЦК в сентябре 1953 г. утвердил Хрущёва *Первым* секретарем. В Президиуме ЦК Хрущёва поддерживали Молотов, а также Анастас Иванович Микоян — два наиболее опытных и авторитетных члена партийной верхушки.

Историческая справка

Георгий Максимилианович Маленков родился 26 декабря 1901 в Оренбурге в дворянской семье. Маленковы — выходцы из Македонии. Дед Г. М. Маленкова был полковником Императорской армии, брат деда — контр-адмиралом. Отец служил «по железнодорожному департаменту». Мать — Анастасия Георгиевна Шемякина — дочь кузнеца. По официальным данным, Маленков ушел добровольцем на фронт, в 1920 г. вступил в РКП (б) и служил политработником эскадрона, полка, бригады. С мая 1920 г. женат на Валентине Алексеевне Голубцовой, сотруднице аппарата ЦК РКП (б). Политработник Политуправления Восточного и Туркестанского фронтов. По другим данным, он не воевал, а был писарем в политотделе и хорошо вел делопроизводство. После окончания Гражданской войны Маленков приехал в Москву и поступил в Высшее техническое училище. Будучи студентом, проявил активность в выявлении среди однокашников сторонников Троцкого. Оставил институт в 1924 г. ради получения освободившегося места технического секретаря Оргбюро ЦК РКП (б). В 1930 г. Л. М. Каганович выдвинул Маленкова на должность заведующего орготделом Московского комитета ВКП (б). В 1934 г. Сталин при перестройке аппарата ЦК ВКП (б) после XVII съезда назначил Маленкова зав. отделом руководящих парт. органов ЦК. Маленков стал близким другом Н. И. Ежова, под руководством которого активно участвовал в проверке партийных документов в 1936 г., что фактически явилось еще одной чисткой ВКП (б). Формально не входя ни в какие государственные органы, Маленков в репрессиях играл важную роль. По его инициативе, одобренной Сталиным и всем Политбюро, был начат Большой Террор 1937—1938 гг., особенно репрессии против верующих и Церкви. В 1937 г. вместе с Ежовым он выезжал в Белоруссию, где был учинен настоящий разгром партийной организации республики. Вместе с работниками НКВД Маленков выезжал для организации репрессий против партийного актива в Саратовскую, Тамбовскую и ряд других областей. С конца 1938 г. Маленков стал тесно сотрудничать с новым главой НКВД Берией. Было немало случаев, когда он лично присутствовал на допросах и пытках арестованных партийных руководителей. Именно таким путем Маленков вместе с Берией сфабриковали дело о контрреволюционной организации в Армении.

В 1939 г. Маленков был избран членом ЦК ВКП (б), членом Оргбюро ЦК, продолжая возглавлять Управление кадрами ЦК ВКП (б). В 1941 г. Маленков стал кандидатом в члены Политбюро. С началом советско-нацистской войны Маленков был в составе Государственного Комитета Обороны (ГКО) и выезжал на фронт: был в Ленинграде (авг. 1941), под Москвой (осень 1941), в Сталинграде (авг. 1942). В 1943 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Осенью 1944-го, выполняя директиву Сталина о постепенном вытеснении евреев с руководящих должностей в государственных и партийных органах, обосновал необходимость «повышения бдительности» к еврейским кадрам. В директивном письме («маленковский циркуляр»), подписанном Маленковым, были перечислены должности, на которые не нужно назначать евреев. После войны Маленков стал членом Политбюро. Он сыграл важную роль при создании «Ленинградского дела», лично руководя следствием и принимая участие в допросах, на которых применялись пытки. Маленков участвовал в создании «дела Еврейского антифашистского комитета». В 1950–1952 гг. Маленков стал вторым по значению человеком в Коммунистической партии. Ему было поручено руководство сельским хозяйством, вмешивался Маленков в дела промышленности, являлся одним из кураторов «идеологического фронта». После смерти Сталина Маленков занял пост Председателя Совета Министров СССР. Он отказался от поддержки Л.П. Берии и выступил против «политики культа личности». Летом 1953 г. Маленков предложил значительно снизить налоги с крестьян и аннулировать все прошлые колхозные долги, увеличить производство товаров потребления за счет уменьшения производства средств производства. Уже тогда в народе ходили слухи, что «Маленков не такой, как другие вожди, — он в Бога верит». Посол США Чарльз Болен находил Маленкова симпатичным: «он отличался от других советских лидеров тем, что не очень много пил». Однако в борьбе за власть Маленков проигрывает Хрущёву, и в 1955-м он освобожден от поста главы правительства, но оставался одним из руководителей страны до 1957 г. 29 июня 1957 г. Маленков был снят с работы, выведен из Президиума ЦК и из ЦК КПСС за принадлежность к «антипартийной группе». С 1957 г. директор ГЭС в Усть-Каменогорске, затем ТЭЦ в Экибастузе. После XXII съезда КПСС, в 1961 г. Маленкова исключили из КПСС. В 1968-м, после выхода на пенсию, Маленкову позволили вернуться в Москву. Он жил с женой на Фрунзенской набережной, отоваривался в спецмагазине для партийных функционеров и ездил электричкой на свою дачу в Кратово. Там его видели в деревенской церкви. Встречали чету Маленковых и в Елоховском соборе. И Маленков, и его жена постепенно стали глубоко верующими пра-

вославными людьми. По воспоминаниям священнослужителей церкви Рождества Иоанна Крестителя на Пресне, Маленков в последние годы жизни всю церковную службу простаивал на коленях, не сдерживая рыданий. Маленков скончался 14 января 1988 г., был отпет по православному обряду и погребен без каких-либо государственных почестей на Кунцевском кладбище Москвы. Его предсмертным желанием было, чтобы о его смерти нигде не сообщалось.

На одном из первых мест в повестке кремлевского руководства была реформа органов госбезопасности. Главной целью ее было обезопасить партийных олигархов и исключить возможность возвращения к массовому террору. МГБ был вновь разделен на два ведомства. Все функции охраны внутреннего порядка, милиция и ГУЛАГ отошли в Министерство внутренних дел (МВД). 8 февраля 1954 г. Президиум ЦК принял постановление об образовании **Комитета государственной безопасности** при Совете Министров СССР (КГБ). В ведении этой организации оказались все функции разведки и контрразведки, включая агентурную работу за границей, охрану партийных и государственных органов и высших советских руководителей. С 1957 г. в ведение КГБ перешли из МВД пограничные войска.

МВД и КГБ уже не были двумя карательными монстрами, конкурирующими между собой, чья грызня и взаимная слежка обеспечивала личную безопасность их хозяину — Сталину. Были упразднены «особые совещания» с их незаконными приговорами, арестами и пытками. Сокращалась штатная численность оперативных управлений, отделов и отделений госбезопасности. Отделения МГБ (теперь КГБ) были упразднены в большинстве административных районов страны, за исключением Прибалтики, Западной Украины и военно-промышленных объектов. Штатный аппарат КГБ и МВД сократился на 20%, или на 26 тысяч человек.

Из рядов КГБ было уволено около тысячи ветеранов террора. В 1954 г. были расстреляны Абакумов и Рюмин, а в 1956 г. были расстреляны следователь-судист Б. Родос и бериевский ставленник в Азербайджане М. Багиров, который, кстати, в последнем слове сказал, что он расстрелял действительно много людей в Азербайджане, «но не больше, чем Хрущёв на Украине». Организаторы политических покушений, включая убийство Троцкого (П. Судоплатов и Н. Эйтингон) оказались за решеткой. Была закрыта лаборатория, изготавливавшая специальные яды для террористических акций. Многих чекистов переводили с понижением жалованья в милицию или отправляли на пенсию без льгот. Первоначально кремлевское руководство «укрепляло» КГБ проверенными партийными кадрами, избегая набора туда молодых (свежа была память о том, как с помощью молодых чекистов Сталин уничтожал кадры старой партийной гвардии). Постепенно, однако, в КГБ была призвана по линии комсомо-

ла молодежь с высшим юридическим или инженерным образованием. Вместо костоломов и убийц 1930–1940-х гг. на Лубянке появились предупредительные и образованные бюрократы.

КГБ, как уже упоминалось, не мог следить за членами ЦК и арестовывать их без санкции ЦК. Он даже не имел права вызывать для «профилактической беседы» членов семей номенклатурных работников без согласия последних. Заработная плата и льготы местных начальников КГБ и МВД были урезаны, они были подчинены первым секретарям областных, районных и городских комитетов компартии. Партийная элита могла чувствовать себя в безопасности. Кроме того, началось радикальное сокращение агентуры, как платных, так и добровольных, завербованных из населения доносчиков-сексотов (секретных сотрудников), сыщиков-«филеров». Наконец, КГБ уже не мог без суда и следствия пытать, уничтожать и запрягивать в тюрьмы. Арестованных чекисты должны были передавать в органы суда, где осуществлялись, по крайней мере формально, процедуры «социалистической законности», действовала адвокатура.

Вместе с тем КГБ остался гигантской организацией с разветвленной структурой и с агентурой, которая продолжала пронизывать все поры советского общества. Его подчиненность Совету Министров была фикцией. На деле руководство КГБ назначалось Первым секретарем и докладывало по наиболее серьезным вопросам лично ему. Остался засекреченным бюджет «органов» (так, без дальнейших разъяснений, с 1920-х гг. именовали в народе ОГПУ–НКВД и при этом едко шутили — если есть члены [партии], то должны быть и органы). Не был соблюден и принцип четкого разделения между органами внешней и внутренней безопасности, принятый в демократических странах. КГБ по-прежнему оставался «карающим мечом» советского режима, и его деятельность не имела четких конституционных ограничений. Представители КГБ по-прежнему сидели в «первых отделах» предприятий и учреждений, в аппаратах всех «творческих союзов», в академических и учебных институтах. По сути, советское общество оставалось пронизанным структурами тайной полиции, как больной организм — метастазами.

Историческая справка

Личности первых начальников КГБ и МВД красноречиво говорят о сталинском наследии в «органах». Иван Серов и Сергей Круглов оба были крупными чинами НКВД. Серов в 1940 г. руководил кровавыми депортациями из Западной Украины после ее аннексии Советским Союзом. В 1944 г. участвовал в выселении чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар. В начале 1945 г. он был направлен в Польшу, где руководил арестами командиров польской Армии Крайовой. В 1945–1946 гг. был руководителем НКВД в Германии. Круглов «отличился» во время выселения чеченцев и ингушей, убивая больных, стариков и женщин с детьми.

В январе 1946 г. он заменил Берия во главе МВД и руководил ГУЛАГом. Серов и Круглов избежали участи Берии только потому, что вовремя переметнулись на сторону заговорщиков.

Иван Серов был старым знакомым Хрущёва. В роли Председателя КГБ он немало потрудился, помогая его возвышению. Именно люди Серова «навели порядок» в архивах, уничтожив там сведения о причастности Хрущёва к преступлениям сталинского времени. Там же они подобрали компромат на других членов Президиума ЦК, прежде всего на главу правительства — Маленкова.

Борьба за власть в Кремле, как определил ее когда-то Черчилль, напоминала «схватку бульдогов под ковром». Нельзя было понять, что происходит, пока из-под ковра не вылетят кости очередной жертвы. В подковерной борьбе второй половины 1953—1954 гг. Хрущёв и Молотов держались вместе против Маленкова, которому вменяли в вину «близость к Берии» и ошибки во внутренней и внешней политике. О каких ошибках шла речь? 8 августа 1953 г. Маленков выступил перед Верховным Советом СССР с программной речью, где объявил о крупном сокращении налогов на крестьянство и повышении производства потребительских товаров и предоставления новых услуг. Он также заявил, причем преждевременно, что в СССР создана и испытана водородная бомба. Хрущёв расценил речь Маленкова как демагогию, желание заработать авторитет в народе за счет других членов руководства. Особенно его разъярило вторжение Маленкова в область сельского хозяйства, которую Хрущёв считал своим безраздельным владением. Но в глазах вымирающего русского крестьянства Маленков надолго остался самым популярным из советских лидеров.

Еще одной ошибкой, вменяемой Маленкову, стало то, что в феврале 1954 г. он заявил в речи перед «избирателями» в Верховный Совет, что будущая война между ядерными державами может привести к «гибели цивилизации». Физик по образованию, Маленков был под впечатлением проходивших тогда американских ядерных испытаний в Тихом океане. В это же время И. В. Курчатов и ряд советских физиков-ядерщиков направили Маленкову, Молотову и Хрущёву записку, в которой предупреждали о том, что ядерная война может привести к уничтожению жизни на Земле. Молотов, однако, обвинил Маленкова в заигрывании с пацифизмом и в «демобилизации прогрессивных сил» в борьбе с Западом. Признать угрозу ядерной войны для **всего** человечества означало для коммунистов отказаться от партийной догмы о непримиримой классовой борьбе.

Тогда некоторые в России уже начали об этом задумываться. Чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник направил письмо в ЦК КПСС, в котором спрашивал, как быть с тезисом о неизбежной связи насильственной «социалистической революции» с «Третьей мировой войной». Он предлагал

«материально заинтересовать» подавляющее большинство западных собственников в социалистических преобразованиях, чтобы добиться мирного перехода к социализму. Молотов и Хрущёв выступили против ревизии идеологии. Под их давлением Маленков капитулировал, заявив, что если произойдет мировая война, то она приведет лишь к гибели империализма.

Хрущёв и большинство членов Президиума ЦК КПСС не могли простить Маленкову, что весной 1953 г. он, вместе с Берией, пытался править через их голову. Стали известны документы о причастности Маленкова и Берии к «Ленинградскому делу», о роли Маленкова в создании специальной тюрьмы для высшей партийной номенклатуры. К тому же, Хрущёв и Молотов считали, что Маленков слаб и «политически незрел» для того, чтобы вести переговоры с западными державами в качестве главы правительства. Маленков сдался без борьбы. 22 января 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС его сняли с поста главы правительства. Это решение было формально утверждено в феврале на пленуме ЦК и сессии Верховного Совета СССР.

Частушку про Берия в народе тут же переделали не без смысла: «Как товарищ Берия / не оправдал доверия, / так товарищ Маленков / получил под зад пинков».

Новым Председателем Совета Министров стал Н.А. Булганин, до этого министр обороны. Этот человек, несмотря на свою благообразную внешность дореволюционного рантье, был куда менее образованным и инициативным, чем Маленков. Даже подозрительный Сталин доверил ему армию после войны.

Новым министром обороны стал Г.К. Жуков. Булганин и Жуков были креатурами Хрущёва. Кроме того, Хрущёв встал во главе Совета Оборона, нового органа, укрепившего его прямой контроль над военными. Имея под своей властью Секретариат, КГБ и армию, не имея конкуренции со стороны безвольного главы правительства, Хрущёв с 1955 г. стал первым лицом в коммунистическом руководстве СССР

Литература:

Н. Петров. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005.

У. Таубман. Хрущёв. М.: Молодая гвардия, 2005.

5.1.5. Изменение стратегии коммунистического режима с неизбежной войны на мирное сосуществование.

Нейтрализация Австрии. Варшавский договор.

Примирение с Тито. Женевское совещание.

Борьба за влияние в третьем мире

Несмотря на то, что главные архитекторы «мирной инициативы» 1953 г., Берия и Маленков, проиграли борьбу за власть, советское руководство продолжало курс на разрядку напряженности с Западом.

Свидетельство очевидца

По воспоминаниям ветерана советской дипломатии Александрова-Агентова, была принята на вооружение новая стратегия — «не агрессивная, а скорее оборонительная. Она была подсказана и изменившимся к невыгоде Советского Союза соотношением сил двух лагерей на международной арене, и внутренней обстановкой в СССР: новому советскому руководству нужно было укрепить свой авторитет, завоевать доверие народа». — А. А. Александров-Агентов. От Коллонтай до Горбачева. С. 93.

Международное соотношение сил менялось не в пользу Кремля. В октябре 1954 г., несмотря на разногласия между членами НАТО, дверь для вступления в этот блок Западной Германии была открыта. США наращивали свое стратегическое преимущество над СССР, окружили его военными базами. На Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии возникли военно-политические союзы, направленные на сдерживание советского и китайского коммунизма.

На момент смерти Сталина армия СССР насчитывала 5,4 миллиона человек, почти половину ее численности во время войны с Гитлером. К августу 1955 г. в армии было 4,8 миллиона человек. Поддержание такой громадной армии в мирное время лежало свинцовым грузом на экономике страны, тормозило ее восстановление и рост. Вместе с тем, новое руководство уже не готовилось, как Сталин, к мировой войне и не считало ее неминуемой. Началось постепенное сокращение армии, освобождавшее людей для мирного и плодотворного труда.

Новая стратегия Кремля состояла из трех основных элементов. **Первое** — максимально укрепить и сплотить вокруг Советского Союза страны Восточной и Центральной Европы, реформировать зашатавшуюся сталинскую империю. **Второе** — создать нейтральную «прокладку» между двумя противостоящими военно-политическими блоками. **Третье** — постепенно налаживать экономические и другие «нормальные» формы мирного сотрудничества со странами НАТО. Московское руководство начало выступать с предложениями разоружения и сокращения вооружений в Европе.

В мае 1955 г. в Варшаве была создана военно-политическая организация, в которую вошли, кроме СССР, Польша, ГДР, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария и Албания. **Организация Варшавского договора**, как называлась эта организация, по своей структуре была почти копией НАТО и ответом на включение туда Западной Германии. Варшавский договор был, однако, не просто фикцией. Он был нужен советскому руководству как новая «законная» структура, без которой было бы все труднее обосновывать присутствие советских войск в Центральной и Восточной Европе. Были образованы Объединенные вооруженные силы Договора. Их главнокомандующим стал Маршал Советского Союза И. С. Конев.

В мае 1955 г. Хрущёв направился с большой партийной делегацией в Югославию, пытаясь помириться с Тито и его соратниками, которых советское руководство и пресса с 1948 г. называли не иначе как «кровавой собакой Тито и его бандой» и «прислужниками американского империализма» (см. 4.3.9). Хрущёв и советские военные надеялись, что им удастся вернуть Югославию в советский блок. В ходе визита они обвиняли «банду Берии–Абакумова» в советско-югославском разрыве. Югославы только саркастически улыбались. В дальнейшем Тито, вопреки советским надеждам, предпочел возглавить движение «неприсоединившихся» стран и попытался создать третью силу на международной арене, независимую и от Запада, и от Москвы.

Свидетельство очевидца

Сценку из переговоров Иосипа Тито с московскими вождями сохранила Галина Вишневская, за которой в то время безуспешно ухаживал «премьер-министр» СССР Н. А. Булганин и которая потому была приглашена в Белград и присутствовала на приеме в советском посольстве: «Тито был преувеличенно спокоен, очень сдержан — чувствовалось, что поставил стену между собой и гостями и не собирается убирать ее сразу, в один день. У наших все роли, видно, были расписаны заранее: Микоян как тамада провозглашал тосты, Булганин поддерживал светский тон беседы, а Хрущёв таким своим в доску рубахой-парнем напирал и всё лез целоваться. — Йося, да перестань ты сердиться! Ишь, какой обидчивый! Давай лучше выпьем, и — кто старое помянет — тому глаз вон!... Но Тито всем своим видом показывал, что память у него хорошая, а глаз ему не выключешь — в своей стране он царь и бог». — *Г. Вишневская*. Галина. История жизни. С. 146.

Хрущёв и Микоян пошли на ряд миролюбивых жестов в адрес Австрии и Финляндии. Поддерживая «нейтралитет» этих стран на водоразделе холодной войны, они надеялись, что за ними последуют другие западные страны. А там, может быть, весь блок НАТО расплывется по швам.

В марте 1955 г., после предварительного зондажа, в Москве с успехом прошли советско-австрийские переговоры. По настоянию Хрущёва Москва пошла на вывод из Австрии советских войск при условии, что из страны будут выведены и другие оккупационные войска и Австрия станет нейтральным государством, на территории которой не будет военных баз. Все советские предприятия на австрийской территории, в том числе нефтяные и дунайское пароходство, были проданы австрийцам. 15 мая 1955 г. министры иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Австрии подписали в Вене Государственный договор о восстановлении единой, независимой и демократической Австрии. Это был, наряду с примирением с Югославией, наиболее впечатляющий отход от сталинского курса, первый большой успех новой стратегии. На этих переговорах осторожный Молотов играл скорее

тормозящую роль. Хрущёв, напротив, энергично настаивал на соглашении и торжествовал, когда оно состоялось.

В отношениях с Финляндией Москва делала ставку на финского политика премьер-министра Урхо Кекконена, сторонника «нейтрального» курса, а также тесных торгово-экономических отношений Финляндии с СССР. В январе 1956 г. было подписано советско-финское соглашение о возвращении Финляндии полуострова Порккала-Удд, на котором с 1945 г. располагалась большая советская военно-морская база. Этот полуостров, расположенный в 12 км от Хельсинки, был советским «ножом в сердце Финляндии». Благодарные финны избрали Кекконена президентом, надеясь, что он своей мудрой политикой сможет вернуть Финляндии и утерянную Южную Карелию с Выборгом. Советские военные с большой неохотой оставляли прекрасно оборудованную базу. На всякий случай они схоронили под толстым слоем земли все доты — а вдруг удастся вернуться?

11 июля 1956 г. СССР убрал еще один «нож», направленный на Финляндию. Верховный Совет СССР принял закон об упразднении Карело-Финской ССР. Она была создана как плацдарм для возможной аннексии остальной финской территории, в случае если бы в 1940 г. финские «трудящиеся» «поддержали социализм», на манер Прибалтики.

Свидетельство очевидца

Александр Городницкий, служивший на базе Порккала-Удд, вспоминал: «У нас было 280 пулеметных дотов, 208 артиллерийских дотов. Все было сделано в скалах, очень надежно. В случае наступления врага мы могли бы в Финляндии высадить целую армию. На 35—40 км стояли пулеметные и артиллерийские доты. А когда уходили, мы месяца три подрывали эти доты... Финны, конечно, были рады, что мы уехали. Такой кусок земли! Это же юг Финляндии. Здесь жили самые состоятельные люди... Финны изготовили высокий флагшток. Повесили на него свой флаг. Только поезд [с советскими военными] тронулся, они стали поднимать флаг. Я тогда подумал, что такая маленькая страна по сравнению с нами, а какое уважением к своему флагу. Это меня очень тронуло. Они гордились своей страной». — *Л. Лурье, И. Малярова*. 1956 год. Середина века. СПб.: Издательский дом «Нева», 2007. С. 38—39.

Хрущёву, однако, было важнее иметь мирного соседа, через которого, кстати, советская экономика могла получать новинки западной технологии. Не менее важно для него было побудить западные страны, Норвегию и Данию прежде всего, отказаться от членства в НАТО и убрать со своей территории американские базы. Этого, однако, не произошло. Не вернулся к Финляндии и Выборг.

В июле 1955 г. состоялась первая после 1945 г. встреча в верхах четырех держав-победительниц в Женеве. СССР представляли Хрущёв, Булганин,

Молотов и Жуков. Советская дипломатия пыталась, не без успеха, улучшить отношения с Францией и Великобританией. В сентябре 1955 г. в результате визита канцлера Западной Германии Конрада Аденауэра в Москву произошло установление дипломатических отношений между двумя странами.

В 1955 г. усилилось расхождение между Хрущёвым и Молотовым по вопросам внешней политики. Молотов возражал против вывода советских войск из Австрии и был противником примирения с Тито. В июле 1955 г. на Пленуме ЦК Хрущёв обвинил Молотова в догматизме и ответственности, вместе со Сталиным, в развязывании кризисов холодной войны, в том числе Корейской войны. В ходе пленума оба обвиняли друга в отходе от «ленинизма» во внешней политике. Хрущёву, однако, было проще обвинить Молотова в совместной со Сталиным ответственности за прошлые ошибки.

ДОКУМЕНТ

Из стенограммы Пленума ЦК КПСС, 9 июля 1955 г.:

Молотов начал рассказывать делегатам о том, что перед поездкой в Югославию члены Президиума ЦК уговорились всю вину за разрыв с югославами возложить на «интриги Берия и Абакумова». Иначе, мол, ответственность за разрыв падет на Сталина, а этого допустить нельзя. Хрущёв перебил Молотова:

«На Сталина и Молотова».

М о л о т о в: Это новое.

Х р у щ ё в: Почему новое?

М о л о т о в: Мы подписывали от имени ЦК партии.

Х р у щ ё в: Не спрашивая ЦК.

М о л о т о в: Это неправильно.

Х р у щ ё в: Это точно.

М о л о т о в: Вы можете говорить сейчас то, что Вам приходит в голову.

Немного позже Хрущёв опять перебил Молотова: «Вячеслав Михайлович, если Вы, как министр иностранных дел, проанализировали бы целый ряд наших шагов, то мы мобилизовали против себя людей. Корейскую войну мы начали. А что это значит, это все знают».

М и к о я н: Кроме наших людей, в нашей стране.

Х р у щ ё в: Войну мы начали. Теперь никак не расхлебаемся. Кому нужна была война?»

Постепенно Молотов был отстранен от ведения внешней политики. На должность его преемника выдвинулся Дмитрий Трофимович Шепилов, самый молодой и образованный член Секретариата, бывший главный редактор «Правды».

Шепилов стал министром иностранных дел лишь в июне 1956 г., но еще за полгода до этого помог Хрущёву в выработке новой коммунистической доктрины, отвечающей целям новой внешнеполитической стратегии. На обсуждениях в Президиуме ЦК Хрущёв и его сторонники заявляли, что нужно в *пропагандистских целях* признать возможность мирного перехода к социализму, без войн и диктатуры, с тем чтобы «завоевать колеблющихся» среди «мелкой буржуазии», снизить страх перед советской угрозой на Западе. В январе 1956 г. Микоян выразился об этом так: «Мы отталкиваем массы [на Западе. — *Отв. ред.*], когда только твердим: «мы придем и будем вас резать». Шепилов сформулировал: «Фатализм войны — отвергаем, нельзя держаться за закостенелый марксизм. Мы не за войну, а за сосуществование». XX съезд КПСС в феврале 1956 г. признал, что мировая война не является неизбежной, что возможен парламентский переход к социализму и длительное мирное сосуществование между двумя идеологически противоположными блоками.

Однако новая стратегия не дала улучшения отношений с Западом, на которое рассчитывал советский режим. Попытки Кремля заинтересовать западный бизнес перспективами доходной торговли и размягчить общественное мнение Запада пропагандой разоружения дали ограниченный эффект. Они не смягчили антикоммунистический курс США. В ответ на советскую пропаганду разоружения президент Дуайт Эйзенхауэр ответил своим пропагандистским ходом — предложением «открытого неба», т.е. беспрепятственного облета СССР и США самолетами-разведчиками с целью демонстрации взаимного доверия. Жукова это предложение заинтересовало, но Хрущёв отверг его как попытку «откровенного шпионажа», который бы открыл американцам слабости военного потенциала СССР. К исходу 1955 г. «дух Женевы» выветрился и холодная война продолжилась. «Нормализация» отношений с Западной Германией не изменила курса Аденауэра на непризнание ГДР, на ремилитаризацию и, в перспективе, — на приобретение атомного оружия для защиты от коммунистической агрессии.

Новая стратегия Кремля не изменила сути коммунистической доктрины, по-прежнему построенной на вере в неизбежную победу над капитализмом и «империализмом». Одновременно с тактическим отказом от агрессивных идеологических установок в отношении Европы произошло оживление старых «коминтерновских» установок на то, что подрыв западного капитализма и империализма легче осуществлять не в Европе, а в странах Азии, Африки, и Ближнего Востока, используя радикальную энергию антиколониальных движений. Советские руководители также надеялись размягчить и разрушить американские военно-политические блоки в Азии и на Ближнем Востоке.

Советское руководство протянуло руку дружбы премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру и поддержало его пять принципов («панча шила») мирного сосуществования и взаимного невмешательства государств. Эти принципы приняла в Бандунге (Индонезия) в мае 1955 г. конференция азиатских стран, освободившихся от колониальной зависимости, а также Китай.

В ноябре 1955 г. Хрущёв и Булганин впервые для советских руководителей поехали в Афганистан, Индию и Бирму. Поездка по этим странам, особенно Индии, широко освещалась в советской печати и была явным вызовом позициям Великобритании и США. Наконец, во второй половине 1955 г. по совету Тито, Хрущёв и советское руководство начали энергично помогать лидеру Египта Гамаль Абдель Насеру, а затем и другим радикальным арабским политикам на Ближнем Востоке.

Надо сказать, что США, Великобритания и Франция невольно облегчили советской политике прорыв на Юг. Американцы с недоверием, если не хуже, относились к Неру, Насеру и другим лидерам национальных антиколониальных движений. Великобритания и Франция пытались сохранить свои колониальные приобретения, среди них Суэцкий канал и Алжир. Именно из-за своекорыстной и недалёковидной политики Запада многие страны Азии и Ближнего Востока стали частью третьего мира, в котором стремительно росли симпатии к Советскому Союзу, советскому и китайскому коммунизму.

Первоначально советское руководство, помня об уроках Корейской войны, вело себя осторожно и избегало ситуаций, когда борьба в третьем мире могла бы привести СССР к открытому столкновению с западными державами. В 1954 г. СССР и Китай не поддержали желания вьетнамских коммунистов захватить весь Вьетнам и вместо этого заключили с Францией и США соглашение о мирном объединении Вьетнама после выборов. Хотя, как выяснилось очень скоро, у Хрущёва и большинства советского руководства чесались руки «дать империалистам по морде».

Литература:

Докладная записка Г. Жукова в ЦК КПСС, 12 августа 1955 г.; Докладная записка Г. Жукова и В. Соколовского в ЦК КПСС 9 февраля 1956 г. // Источник. 2001. № 5. С. 122–128.

А. А. Фурсенко. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М.: Наука, 2006.

А. А. Александров-Агентов. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994.

О Юссила, С. Хенттиля, Ю. Невакиви. Политическая история Финляндии. 1809–2009. М.: Весь мир, 2010.

5.1.6. «Оттепель». Реабилитации и смягчение репрессивного строя

Пробуждение общества, новые сомнения и вопросы, вызванные потрясениями и переменами 1953 г., нашли себе выход, как уже не раз это бывало в России, в литературе и литературной полемике. В конце 1953 г. в литературном журнале «Новый мир» появилась статья никому не известного Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Автор, работавший после

войны в США — советской администрации в Восточной Германии, — писал, что современная советская литература занимается «лакировкой», а не отражением действительности. Померанцев обращался к традициям русской классики и призывал повернуть литературу лицом к правде жизни. Простота мысли и стиля статьи произвели ошеломляющий эффект на фоне помпезной лжи и пошлой писанины того времени. Дискуссии о статье захватили не только литературных критиков, но и широкие массы читателей, студенчество.

Статья не случайно появилась в «Новом мире». Редактор журнала Александр Трифонович Твардовский, талантливый поэт и баловень советской власти, лауреат нескольких Сталинских премий, был из раскулаченной семьи. В 1953 г. он, еще переживая смерть Сталина, которого считал вторым «отцом», начал мучительную моральную переоценку своей жизни и, через себя, жизни всего советского общества. Твардовский начал писать поэму «Теркин на том свете», где его знаменитый герой, русский крестьянин и солдат, попадает в царство мертвых, в котором читатель с изумлением узнает бюрократическое и омертвевшее общество сталинского социализма.

Весной 1954 г. появилось и еще одно литературное произведение, принадлежавшее другому видному литератору и пропагандисту сталинского времени Илье Эренбургу. Самым примечательным в нем было его название «Оттепель». Эренбург угадал первые признаки пробуждения в обществе. Всё вместе порождало в узких кругах образованной элиты, прежде всего Москвы и Ленинграда, смешанные настроения надежд на либерализацию режима и неопределенности. За «оттепелью» могла последовать весна, но могли грянуть и новые морозы. Оказалось, что последнее. Литературные дискуссии вызвали опасения идеологических цензоров и чиновников от культуры. Руководство Союза советских писателей, а затем и партаппарат сделали выволочку Твардовскому. В июле 1954 г. Секретариат ЦК осудил «ошибки» «Нового мира» и предложил Твардовскому уйти с поста редактора журнала. Твардовский, оставаясь «верным солдатом партии», беспрекословно подчинился.

В конце 1954 г. состоялся Второй съезд Союза советских писателей. Он происходил после двадцатилетнего перерыва и явил собой ужасную картину гибели русской литературы. Сотни писателей и поэтов, участвовавших в Первом съезде 1934 г., были арестованы, погибли или разложились духовно и творчески, многие спились, перестали писать. На съезде, широко освещавшемся печатью, заседали постаревшие литературные чиновники, сотрудники госбезопасности, циничные аппаратчики. Историк С.С. Дмитриев, наблюдавший за съездом, записал в дневнике, что лучше всего было бы «распустить союз писателей, не создавать другой и прекратить созывать съезды писателей вообще». Тем не менее, в литературных кругах, особенно среди коммунистов-идеалистов и людей, задетых борьбой с «космополитизмом», теплились надежды, что в какой-то момент партия и правительство протянут

им руку и призвуют их к совместной работе «на благо социализма». В этой среде ходили по рукам ненапечатанные стихотворения Бориса Слуцкого, Леонида Мартынова, Наума Коржавина, осуждавшие сталинизм и воспевавшие «социализм с человеческим лицом». Вскоре лидером этого литературного направления стал молодой поэт Евгений Евтушенко.

В сентябре 1954 г. коммунистический режим совершил одно из страшных преступлений против человечности. Маршал Жуков, который в то время был первым заместителем министра обороны, приказал во время учений на Тоцком полигоне под Оренбургом осуществить настоящий атомный взрыв и сразу же после того бросить в атаку через эпицентр сорок тысяч солдат и офицеров. Из участвовавших в этом броске три четверти вскоре умерли от непереносимых доз радиации. Жуков, никогда не ценивший человеческой жизни, бестрепетно посылавший солдат в атаку через неразминированные поля, на этот раз в жестокости превзошел все мыслимые границы. Но ответом на это преступление стали не разжалование и суд, а назначение в феврале 1955 г. на должность министра обороны и избрание членом Президиума ЦК КПСС. Человеческую жизнь коммунистический режим продолжал считать ничтожно малой величиной.

Между тем на вершинах власти, втайне от общества действительно происходили серьезные перемены. 4 января 1954 г. были созданы центральная комиссия (во главе с Аверкием Борисовичем Аристовым) и местные комиссии по пересмотру дел людей, осужденных за контрреволюционные преступления и содержащихся в местах лишения свободы. Почему Президиум ЦК занялся вопросом о реабилитации жертв сталинских репрессий?

Прежде всего, это было связано с ликвидацией ГУЛАГа и необходимостью пересмотра дел тысяч и тысяч заключенных. В 1955–1958 гг. численность армии сократилась с 5,3 до 3,2 миллиона. Миллионы людей, включая студентов, не призывались теперь на военную службу или служили два-три года вместо прежних пяти-шести. В 1954–1956 гг. были выпущены на свободу 2,5 миллиона спецпоселенцев, в том числе бывшие кулаки, украинцы и прибалты, а также репрессированные народы — немцы, крымские татары, чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки и другие. Большинство из них смогли вернуться на прежнее место жительства. По предложению Г.К. Жукова, были амнистированы тысячи людей, попавших в немецкий плен во время войны. К январю 1956 г. ГУЛАГ, в качестве экономической системы, построенной на рабском труде, был в значительной мере демонтирован. Численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и колониях уменьшилась до 781 630.

Из лагерей, тюрем и ссылок стали возвращаться близкие родственники и друзья членов Президиума и других руководителей, репрессированные военные, руководители зарубежных коммунистических партий. Нарастал поток обращений в ЦК родственников репрессированных.

Произошло то, о чем говорила А.А. Ахматова: две России — та, что сажала, и та, которую сажали, — взглянули друг другу в глаза. Освобожденные рассказывали о пытках и истязаниях во время следствия, о нечеловеческих условиях содержания в лагерях. Расследование «дела Берии» подтвердило, что все «признания», на которых строился террор, были сфальсифицированы, получены избиениями и пытками. Микоян, который отправлял просьбы семей репрессированных генеральному прокурору, был удивлен, что «ни разу не было случая, чтобы из посланных мною дел была отклонена реабилитация».

Верхушка, сама натерпевшаяся страху в годы произвола, начала реформы правоохранительной системы. Они включали прокурорский надзор, ревизии судебных органов, смену старых кадров молодыми юристами, возрастание роли адвокатуры и элемента состязательности адвоката и прокурора в судебном процессе. В то же время суды оставались полностью зависимыми — правда, теперь уже не от органов госбезопасности, а от партийных комитетов и бюро.

Хрущёв первым поставил политический вопрос — об ответственности Сталина за террор. Но в июне 1955 г. он еще говорил — «Сталина не допустим ронять» (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 48). Что же побудило его изменить свою позицию? Сам он в своих воспоминаниях объяснял это желанием «восстановить справедливость». Он пишет, что был возмущен тем, что Сталин обманул и уничтожил многих «честных» членов партии, включая большинство «ленинской старой гвардии». На Хрущёва подействовали письма и рассказы людей, которых он знал — большевиков А.В. Снегова и О. Шатуновской. И все же возмущение совести смешивалось у Первого секретаря с личным и политическим расчетом. Микоян вспоминал, что он говорил с Хрущёвым «один на один» и предостерег: если мы сами не расскажем о репрессиях и роли Сталина на следующем съезде партии, тогда это сделает кто-то другой после съезда — и тогда «все будут иметь законное основание считать нас полностью ответственными за происшедшие преступления».

В декабре 1955 г. на Президиуме ЦК возникла острая дискуссия об обстоятельствах убийства С.М. Кирова и о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства всего состава членов и кандидатов ЦК ВКП (б), избранного XVII съездом. Была сформирована комиссия под руководством члена Секретариата П.Н. Поспелова для разбора этих вопросов. Комиссия просмотрела, с помощью работников КГБ, громадное количество материалов и регулярно информировала о своей работе Президиум. 1 февраля 1956 г. на заседание Президиума доставили из тюрьмы бывшего следователя по особо важным делам МГБ Б.В. Родоса. Тот подтвердил, что пытал арестованных членов ЦК Косиора и Чубаря по приказу Сталина, выбивая из них показания о том, что они враги народа. Аристов спросил Хрущёва: «Хватит ли у нас мужества сказать правду?» Молотов, Каганович и Ворошилов высказались против обличения Сталина.

Хрущёв подытожил: «Сталин был предан делу социализма, но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Всё святое стёр, что есть в человеке. Всё своим капризам подчинил» (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 95–97).

8 февраля 1956 г., накануне съезда партии, комиссия Поспелова представила доклад Президиуму. По данным комиссии, только за два года (1937–1938) было обвинено в антисоветской деятельности 1 548 366 человек и 681 692 из них были расстреляны. Из 1966 делегатов XVII съезда партии было арестовано 1108 и расстреляно 848. Даже те высшие советские руководители, у многих из которых руки были по локоть в крови, были потрясены открывшейся им бездной преступления и человекоубийства. Микоян вспоминал: «Хотя многое мы знали, но всего того, что доложила комиссия, мы, конечно, не знали. А теперь это всё было проверено и подтверждено документами» (Наумов, «К истории секретного доклада»). Хрущёв опять поставил вопрос — поделиться ли этими фактами с делегатами съезда или утаить их. И как оценивать Сталина? Молотов настаивал на том, чтобы вывести Сталина из-под удара: «Тридцать лет партия жила и работала под руководством Сталина, осуществила индустриализацию страны, одержала победу в войне и вышла после ее окончания великой державой». Лазарь Каганович, чей брат покончил с собой из-за угрозы ареста в 1940 г., колебался: «Мы несём ответственность, но обстановка была такой, что мы не могли возразить». Он боялся развязать «стихию на съезде».

Споры шли только о том, как оценивать действия Сталина после 1934 г. До этого, выразил общее мнение Микоян, Сталин, несмотря на недостатки и ошибки, «вел себя героически». В конце концов, Молотов, Каганович, Маленков и Ворошилов выступили против доклада на съезде. Микоян, Булганин, Шверник, Кириченко, Пономаренко, Первухин, Шепилов, Сабуров и Аристов выступили за доклад. Хрущёв заявил, что будет делать доклад, но обещал «не смаковать» прошлое (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 99–103). Свое обещание Первый Секретарь не выполнил.

Литература:

Советское общество: будни холодной войны / Ред. В.С. Лельчук. М.: Арзамас: ИРИ РАН — АППИ, 2000.

В. П. Наумов. К истории секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

Е. Ю. Зубкова. Послевоенное советское общество. Политика и повседневность. М.: 2000.

М. Р. Зезина. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжигов. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М.: Научная книга, 1999.

Ю. В. Аксютин. Хрущёвская «Оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

5.1.7. Борьба с русской политической эмиграцией

В связи с умножающимися в канун войны успешными и безуспешными переходами границ СССР молодыми членами НТС советская власть обратила на организацию внимание и включила её в список своих активных врагов. Политика «третьей силы», т.е. борьба против Сталина и против Гитлера, побудила и гестапо к активным действиям против НТС в 1941—1945 гг. Десятки членов организации были расстреляны или оказались в немецких концлагерях.

После окончания войны НТС с удвоенной энергией принялся за борьбу с советской властью. К концу пятидесятых годов Союз остался практически единственной активной русской антисоветской политической организацией, что и объясняет растущее противодействие со стороны КГБ.

Начиная с конца сороковых годов и до самого падения советской власти были проведены десятки операций КГБ против НТС. Как теперь выясняется на базе архивных данных, продолжая разработанную Сталиным политику, Хрущёв дал распоряжение любыми средствами прекратить деятельность Народно-Трудового Союза. В этом отношении основную роль должен было играть КГБ, располагавший богатым арсеналом методов борьбы и преданными сотрудниками. Главной задачей было поставлено либо похищение ответственных руководителей организации с их дальнейшим использованием в качестве заложников, либо хотя бы их физическое уничтожение.

Летом 1948 г. в предместье немецкого города Лимбурга-на-Лане была проведена попытка похищения супруги руководителя закрытой работы НТС Георгия Сергеевича Околовича для дальнейшего шантажирования организации. Попытка провалилась. В брошенной машине были найдены шприцы и усыпляющее средство.

Три года спустя, в Рункеле-на-Лане, планировалось похищение самого Околовича. Операция снова провалилась благодаря предупреждению, поступившему от друзей НТС из советской зоны Германии. Три разоблаченных и арестованных восточногерманских агента тоже располагали автомобилем и набором усыпляющих препаратов.

Неудачи несколько не снизили активность руководства КГБ. Директивы были ему даны Политбюро безотлагательные, и чекистам следовало пытаться их выполнять любыми способами. Кроме того, каждая новая попытка повышала профессиональный уровень исполнителей. Некоторые операции всё же им удавались. Так, в сентябре 1947 г. был похищен в Берлине член НТС Юрий Трегубов, приговоренный затем к длительному заключению в концлагере и освобожденный восемь лет спустя как немецкий гражданин. Он написал ныне изданную в России книгу «Восемь лет во власти Лубянки».

1954 г. был отмечен несколькими попытками завлечь оперативных работников НТС в умело расставленные сети КГБ. Так, в мае месяце был похи-

щен в Австрии член НТС В. Треммель, а в конце года три члена организации в Потсдаме и в Бранденбурге.

13 января 1954 г. провалилась очередная попытка убийства Околовича. В начале 1954 г. его физическое уничтожение было поручено, с санкции Политбюро, капитану МВД Николаю Хохлову, уже исполнявшему во время войны опасные задания по ликвидации немецкого руководства на оккупированных территориях СССР. Для отвода глаз он должен был сперва провести время в Румынии, а затем лететь в Вену с поддельными документами. Группа сообщников, с тайным, мастерски сконструированным оружием, должна была приехать на машине из ГДР. Однако, по настоянию своей жены, которой он раскрыл часть задания, Хохлов решил от него отказаться. Он явился на квартиру к Околовичу и сообщил, что должен его убить. В ответ услышал: «Присаживайтесь, чаю хотите?» Оба стали думать, как выйти из такого положения. Обойти американские оккупационные власти было невозможно, и Хохлову пришлось идти на их условия, т.е. выступать на шумной пресс-конференции, ставя под удар жену и сына. Хохлов также сообщил, что КГБ разработал план физического уничтожения «не в меру политически активного» старого Александра Керенского. Оглашение этого плана заставило, видимо, КГБ отказаться от его осуществления.

Историческая справка

Николай Евгениевич Хохлов родился в 1922 г. в Нижнем Новгороде. В сентябре 1941 г. в Москве был призван в сформированный истребительный батальон НКВД и затем направлен в разведывательную школу. Неоднократно перебрасывался в немецкий тыл для участия в спецоперациях на оккупированных территориях. Участвовал в подготовке убийства генерального комиссара Белоруссии группенфюрера СС Вильгельма Кубе (27 сентября 1943). После 1945 г. служил во внешней разведке, учился в Московском государственном университете. Капитан МВД (1953).

В 1953 г. 9-м спецотделом МВД СССР (с 1954 г. — 13-й отдел Первого Главного управления КГБ при СМ СССР) готовился к переброске в Западную Германию для убийства по решению Президиума ЦК КПСС участника Белого движения на Юге России и руководителя «закрытого сектора» НТС Околовича, в годы войны возглавлявшего деятельность НТС на оккупированных территориях Советского Союза. Готовился к операции известными чекистами, специализировавшимися на физическом уничтожении врагов Коммунистической партии за рубежом: генерал-лейтенантом П. А. Судоплатовым и генерал-майором Н. И. Эйтингоном. 13 января 1954 г. рейсом «Аэрофлота» вылетел в Вену для проведения спецоперации. Еще в пери-

од подготовки в Москве, под влиянием жены и мучительных размышлений решил отказаться от выполнения полученного задания. Для такого решения, с учётом всех специфических особенностей атмосферы, в которой жил советский человек, требовалось большое гражданское мужество. Тем более, в Москве у Хохлова осталась семья — мать, жена Янина и маленький сын.

18 февраля 1954 г. во Франкфурте-на-Майне явился домой к Г. С. Околовичу и рассказал детали операции, затем выдал сотрудникам американской разведки приданную ему в помощь группу немецких коммунистов (Ф. Куковича и Ф. Вебера), спецсредства и оружие и попросил политического убежища на Западе. 22 апреля 1954 г. выступил на международной пресс-конференции с разоблачительными заявлениями. Член НТС в 1954—1975 гг. В СССР приговорен к смертной казни в 1954 г. Жена и сын Хохлова были высланы из Москвы. Сюю драматическую эпопею описал в автобиографической повести «Право на совесть» (Франкфурт-на-Майне, 1957), пользовавшейся большой популярностью на Западе в 1960-е гг.

15 сентября 1957 г. во Франкфурте-на-Майне во время конференции общественно-политического еженедельника «Посев» советским агентом был отравлен радиоактивным таллием — американские врачи с трудом спасли ему жизнь, но следы отравления остались навсегда. В 1960-е гг. служил в Южном Вьетнаме советником по подготовке «коммандос» для операций на территории коммунистического Северного Вьетнама, затем работал профессором психологии в одном из американских университетов. Н. Е. Хохлов посетил Россию после крушения власти КПСС в августе 1991 г. и встретился с взрослым сыном. Жизнь Николая Евгеньевича Хохлова — исторический пример драмы советского человека, вынужденного делать мучительный выбор между верностью антихристианской системе и совестью. Предполагал издать в России свои воспоминания. Хохлов умер 17 сентября 2007 г. в Сан-Бернардино (Калифорния, США).

13 апреля 1954 г. на квартире у немецкого провокатора Глезке в Западном Берлине был похищен председатель Комитета помощи российским беженцам Александр Рудольфович Трушнович. Несмотря на широкую кампанию в западных СМИ, советская сторона не признала, что доктор Трушнович в её руках. Лишь в 1992 г. пресс-центр Службы внешней разведки сообщил об обстоятельствах гибели Трушновича, который был задушен при сопротивлении во время его перевоза в Восточный Берлин. Тело его было закопано в одном из восточногерманских лесных массивов.

Попытки похищений и убийств продолжались еще до конца пятидесятых годов. Так, 29 декабря 1955 г. из Восточной зоны Германии был послан

молодой агент Вильдпретт с задачей убийства председателя НТС В.Д. Подемского. Но агент сдался немецкой полиции и раскрыл подробности планируемой операции.

Одновременно КГБ предпринял несколько террористических действий с целью запугать немецкое население и побудить его требовать запрета деятельности НТС. Летом 1958 г. был взорван двухэтажный дом в пригороде Франкфурта Шпрендлингене, в котором жили семьи работников радиостанции «Свободной России». Дом развалился. К счастью, жертв не было. В июле 1961 г. ночью разорвалась бомба во дворе издательства «Посев» в центре города и жители расположенных по соседству домов получили подметное письмо с предупреждением о дальнейших «операциях», если эмигрантов не выгонят. Издательству пришлось искать новое, хотя бы временное убежище.

Между 10 и 13 июня 1963 г. в радиусе 170–700 метров от хорошо защищенного передатчика «Свободной России» взорвалось 6 бомб. Крестьяне, на участках которых они были заложены, получили «извинительное письмо» якобы от «дирекции радиостанции», что вызвало волну негодования, которую с большим трудом удалось успокоить.

Все послевоенные годы в советских СМИ проводилась яростная кампания против НТС, печатались сотни клеветнических статей, изображающих членов организации как пьяниц, наркоманов и развратников, выпускались даже целые книги. Свойственники Леонида Брежнева, как, например, Семен Цвигун, не гнушались уделять свое внимание «антинародной деятельности» Народно-Трудового Союза.

Начиная с 1965 г. было устроено в Москве несколько шумных процессов против иностранцев, захваченных при передаче литературы НТС советским гражданам. Цели организации не раскрывались, а её курьеры, солидарные с русским освободительным движением и жертвенно ездившие в Россию для распространения некоммунистических идей, правды о недавнем прошлом и нынешнем положении страны, изображались как агенты иностранных разведок. Аналогичные процессы были организованы против отдельных представителей советской молодежи, обвиняемых в сотрудничестве с Народно-Трудовым Союзом, например, москвичей Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Александра Добровольского и Веры Лашковой.

Советской пропаганде пришлось признавать частичные успехи русских зарубежных центров и присутствие в СССР людей, поддерживающих с ними контакт. Тем самым весь многогранный набор применяемых КГБ «методов работы» оказался тщетным, и борьба Русского Зарубежья против коммунистической диктатуры на родине продолжалась до падения коммунизма в России.

Литература:

НТС. Мысли и дело. М.: Посев, 2000.

5.1.8. XX съезд и развенчание Сталина Хрущёвым. Большевицкий ренессанс: «Назад к Ленину!»

В регламенте съезда КПСС, открывшегося в Москве 14 февраля 1956 г., не было упоминания о докладе по Сталину. Большой шум среди делегатов съезда, в том числе иностранных коммунистов, произвел доклад Микояна, где он впервые критиковал «культ личности» Сталина. Большинство делегатов осуждало оратора. Когда съезд уже завершился и были переизбраны руководители партии, делегатам объявили, что 25 февраля утром состоится дополнительное закрытое заседание, без приглашенных и без иностранных коммунистов, «о культе личности».

Хрущёв избрал такой сценарий лишь в последний момент и провел его на пленуме партии за день до открытия съезда. Его доклад «о культе личности» не был обсужден с остальными членами Президиума ЦК. Это была комбинация доклада Поспелова и экспромта самого Первого секретаря. В своем докладе Хрущёв вышел за рамки Большого Террора 1930-х гг. Он давал оценку, эмоциональную и часто фактически неточную, роли Сталина в войне и в послевоенное время. В докладе, по заключению историка Р. Пихоя, было «много от страха перед Сталиным, от того соперничества между советскими лидерами, которое проявилось в последние годы жизни Сталина». При всей сумбурности и эмоциональности, Хрущёв был последователен в одном — он стремился «возложить вину за все плохое в прошлом на Сталина и Берия и тем самым реабилитировать Коммунистическую партию, реабилитировать идеи социализма и коммунизма».

Доклад вызвал последствия поистине исторического масштаба. Хрущёвская атака на Сталина повергла коммунистическую номенклатуру в шок. Она вызвала раскол в сознании, разбила капище сталинского культа. Вскоре после съезда Президиум постановил «ознакомить с докладом всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников». В итоге с отпечатанным текстом доклада (который разослали по парторганизациям и учреждениям с грифом «не для печати») ознакомилось около 7 миллионов членов КПСС и 18 миллионов членов ВЛКСМ, и многие другие — почти всё взрослое население страны. Сцены шока, слез и — что было гораздо реже — радостного удовлетворения торжеством, пусть и относительным, правды, повторялись тысячекратно по всей стране. В подавляющем большинстве случаев, как и на самом съезде, за докладом не следовало никакого обсуждения, и люди расходились. Гигантский пропагандистский аппарат коммунистического режима не получил никаких дополнительных инструкций и информации, кроме самого текста доклада. События застigli его врасплох.

Еще до чтения доклада Москва и другие города и области страны напоминали разворошенный муравейник. Множились слухи. Чтение доклада в университетах, школах, научных коллективах, творческих союзах споро-

воцировало бурю вопросов и обличительных речей. Многих не удовлетворило разведение Хрущёвым Сталина и коммунизма, плохого и хорошего в прошлом. Вызывало недоумение, что Сталин оставался лежать в Мавзолее. В некоторых школах учащиеся срывали портреты Сталина. И среди «старых большевиков» и среди научной молодежи находились те, кто указывал на то, что дело не в Сталине, а в режиме. У сталинского террора было слишком много пособников и участников. На собрании в Теплотехнической лаборатории АН СССР, одном из объектов атомного комплекса, выступающие говорили: «Мы говорим о силе партии и власти народа, ее не было и нет. Мы со Сталиным пошли бы и к фашизму». «Хрущёв навалил нам великую кучу всяких фактов, а нам надо разбираться». Молодой ученый Юрий Орлов, выпускник МГУ, сказал: «Власть принадлежит какой-то кучке прохвостов... Наша партия пропитана духом рабства. Наш государственный и партийный аппарат завален такими людьми. Пресса состоит из проходимцев и приспособленцев. В лице госбезопасности мы вырастили такого ребенка, который бьет нас по морде». Орлова поддержала почти половина участников собрания.

В других случаях развенчание Сталина вызывало не столько гнев против покойного тирана, сколько массовый протест против развенчавших его властей. В Грузии 4–9 марта, еще до чтения в республике доклада Хрущёва, разразилось народное восстание. Студенты и служащие требовали «реабилитации» вождя и отставки Хрущёва и Микояна, создания нового правительства «во главе с товарищем Молотовым». Какой-то человек влез с бутылкой вина на постамент памятника Сталину, разбил об него бутылку и прокричал: «Пусть так же погибнут враги Сталина, как эта бутылка». Народ на площади неистовствовал. Особый гнев вызвало то, что доклад был распространен в Грузии в дни годовщины смерти Сталина. 9 марта в Тбилиси, Гори, Сухуми, Батуми строились баррикады из автобусов и троллейбусов, в демонстрациях участвовали сотни тысяч людей. Грузины негодовали на Хрущёва и Микояна, считая, что они стремятся «обвинить весь грузинский народ» вместе со Сталиным. Восставшие пытались обратиться к Молотову, настаивали на реабилитации Багирова и избрании в ЦК КПСС сына Сталина, Василия. Они также зывали за помощью к китайцам, маршал Чжу Дэ тогда находился с визитом в Грузии.

Поздно вечером 9 марта срочно прибывшие из Москвы секретари ЦК КПСС Аристов и Сулов отдали приказ командующему Закавказским военным округом генералу Ивану Ивановичу Федюнинскому применить против демонстрантов войска. Иначе как по ленинско-сталински разбираться с народом большевики так и не научились, даже после XX съезда. Около полуночи первая кровавая стычка произошла у Дома связи. На проспекте Руставели народ попытался сражаться с войсками. В ход пошли охотничьи ружья, бутылки с зажигательной смесью, ножи. Солдат называли извергами, фашистами, гестаповцами. Раздавались крики «Смерть русским!», «Смерть

армянам!», «Кровь за кровь!». К утру восстание было подавлено танками. Несколько десятков восставших были убиты при подавлении. По всей Грузии прокатились массовые аресты.

В Ставропольском крае Михаил Сергеевич Горбачев, проводивший там «разъяснительную работу» в роли комсомольского аппаратчика, обнаружил, к своему удивлению, что многие отказывались верить Хрущёвскому докладу. Сам личностный, эмоционально-обличающий характер доклада вызывал у многих не поддержку, а недоверие. В сознании простых людей господствовала совершенно другая версия репрессий: «Мол, наказаны в 30-х годах Сталиным были те, кто притеснял народ. Вот им и отлились наши слезы. И это говорилось в крае, который прошел через кровавую мясорубку тех страшных тридцатых годов!»

Хрущёв знал о происходящем, но был уверен, что ему удастся овладеть ситуацией. В апреле 1956 г. было объявлено о подготовке Пленума ЦК по «культу личности». Маршал Жуков готовил, по согласованию с Хрущёвым, доклад, в котором подробно и критически разбирались деятельность Сталина в годы войны. Хрущёв и его сторонники рассчитывали, что разгром «культы» приведет к ренессансу «настоящего» коммунизма. Эта установка легла в основу постановления Секретариата ЦК от 27 марта 1956 г. о подготовке «популярного марксистского учебника» по истории КПСС. «Краткий курс истории ВКП (б)», на котором были воспитаны десятки миллионов коммунистов и советских граждан, был отвергнут как «чуждый марксизму».

На пьедестал лидера революции и мирового коммунизма, освобожденный Сталиным, вернули Ленина. Марксизм-ленинизм, было подчеркнуто в постановлении, остается «самым прогрессивным учением современности», и его сила в том, что он «постоянно развивается нашей партией, ее руководством, братскими коммунистическими и рабочими партиями, обогащается опытом коммунистического строительства, опытом социалистических преобразований в странах народной демократии, опытом международного революционного движения». Говоря кратко, новая коммунистическая установка гласила: ***Ленин плюс мировой революционный опыт, минус Сталин и его террор с 1934 по 1953 г.***

Американцы достали копию доклада, и он был опубликован в мировой печати и использовался в радиовещании на страны Восточной Европы и СССР. Поскольку иностранные коммунисты некоторое время были не в курсе событий и отрицали наличие «секретной речи» Хрущёва о Сталине, они оказались в ужасающем положении. В очередной раз руководство СССР своими руками всадило нож в спину международному коммунизму. На совещании коммунистических партий в Москве 22—26 июня 1956 г. главы режимов Восточной Европы и лидеры западных компартий настаивали на сворачивании критики «культы личности» или, по крайней мере, на «теоретических разъяснениях», как такой культ мог возникнуть в «первой стране

победившего социализма». Мао Цзэдун в Китае, Ким Ир Сен в Корее и Энвер Ходжа в Албании затаили ненависть к Хрущёву.

Давление извне и нарастание брожения в самой России вынудило Хрущёва отменить апрельский Пленум по Сталину. 30 июня 1956 г. ЦК выпустил постановление, в котором, к радости партийных пропагандистов, указывались рамки критики. Террор и преступления сталинского режима оправдывались «историческими условиями», прежде всего «враждебным окружением» и назревающей войной. Подчеркивалось, что борьба с оппозициями в партии, а также коллективизация и ведение войны относятся к заслугам покойного вождя. От радикализма доклада в постановлении не осталось и следа. ЦК издал грозное постановление, осуждающее «отдельные гнилые элементы» в Теплотехнической лаборатории.

События, однако, подтвердили, что Хрущёв выпустил «джинна из бутылки». Раны, нанесенные развенчанием Сталина мировому коммунизму и идеологии советского режима, оказались глубокими и неизлечимыми.

Литература:

М. Горбачев. Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995.

Р. Г. Пихоя. Советский Союз. История власти. М.: Издательство РАГС, 1998.

5.1.9. Польская и венгерская революции 1956 г. и русское общество

В 1954–1955 гг. общественное недовольство в странах Восточной Европы продолжало нарастать. Напуганные восстанием в Восточной Германии, советские лидеры в 1954 г. подталкивали коммунистические режимы в Восточной Европе к реформам. К примеру, в 1954 г. Президиум ЦК направил письмо лидерам Чехословакии и предложил «немедленно вплотную заняться вопросами улучшения снабжения населения» (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 92). Но большая часть руководства этих стран, занятая борьбой за власть, была неспособна на обновление курса. В Венгрии вернулся к власти ненавидимый народом Ракоши. В Польше оставались у руля твердокаменные сталинисты — Берут, Берман и Минц.

«Шоковая терапия» XX съезда оказалась для этих групп убийственной. Берут умер в Москве сразу после съезда, и в коммунистическом руководстве Польши началась грызня. 28–29 июня 1956 г. вспыхнуло восстание рабочих в польском городе Познань. По уже установившейся в коммунистических странах методике диалога с недовольным народом польские войска вошли в город и открыли огонь: было убито 70 человек, ранено около 500. В Москве это восстание, как водится, объяснили происками западных спецслужб. Политический кризис обострился. Польские лидеры запросили у Москвы срочной помощи продовольствием и деньгами, а также отсроч-

ки уплаты кредитов. Реформистская часть правившей ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) считала, что нужно вернуть в руководство Владислава Гомулку, исключенного за «правый уклон» в 1948 г. и находившегося несколько лет в заключении. Тот же Гомулка стал знаменем польской оппозиции режиму, в немалой степени потому, что он был этнический поляк, в отличие от других лидеров ПОРП — евреев. 12 октября Гомулка вошел в Политбюро ПОРП. Через неделю был намечен Пленум ЦК ПОРП, где, по всем данным, Гомулку должны были избрать новым лидером.

Польские руководители, испытывая давление народного движения, демонстрировали независимость от Москвы и не пригласили советскую делегацию на пленум. Также без консультаций с Москвой польское руководство начало разговоры о том, что министр обороны Польши маршал Константин Рокоссовский должен вернуться на свою «родину» в Советский Союз. Микоян вспоминал: «Особенно нас поразило не то, что внутри польской рабочей партии пошел разброд, а то, что руководство во главе с Охабом повернулось к нам спиной. Если спиной к нам, то лицом к Западу, другого выхода не может быть. Это было большой угрозой для нас». Нависла угроза удаления советских войск из Польши, что значило бы обрушение всей советской империи в Восточной Европе.

Импульсивный Хрущёв в сопровождении других членов Президиума и военных прилетел в Варшаву без приглашения. Увидев на аэродроме, что Рокоссовский стоит отдельно от польских руководителей, Хрущёв взорвался и обрушился на польских коммунистов с угрозами. Забыв о «плане» найти компромисс с поляками, он угрожал: «Решайте сами, но мы хотим посмотреть, в какую сторону вы хотите решать, мы не можем оставаться в стороне. Наши войска стоят в Германии, они опираются на коммуникации в Польше, а вы можете повернуть в сторону Запада». Советские войска по приказу Хрущёва начали приближаться к польской столице. Гомулка и другие лидеры ПОРП убеждали советских руководителей, что они не собираются выходить из Варшавского договора. Но при этом требовали убрать из Польши многочисленных советских советников, сидевших во всех министерствах, а также Рокоссовского. После острого обмена репликами, Хрущёв и Гомулка несколько успокоились и начали обсуждать польские претензии к СССР. Хрущёв даже отменил приказ маршалу Коневу выдвигаться в сторону польской столицы. Обсуждая ситуацию между собой, Хрущёв, Микоян и Булганин заключили: «Гомулка — искренний человек, хотя и обозлен, немножко националист, но коммунист, который не продается капиталистам».

Вместе с тем ряд советских лидеров и военные продолжали рассматривать возможность вооруженной интервенции. Уже вечером после возвращения делегации члены Политбюро, а также глава КГБ Серов и министр обороны Жуков собрались в особняке Хрущёва на Ленинских (Воробьевых) горах.

Свидетельство очевидца

Микоян вспоминал: «Лежу в ванне. Стучит мой сын, что звонит генерал Серов и просит, по поручению т. Хрущёва, прибыть на совещание в дом». По дороге в дом Хрущёва Микоян увидел нескольких членов Политбюро, которые, стоя в саду, возбужденно «говорили, что надо принять меры военного характера, что дела в Польше идут плохо, неизвестно, как повернется дело. Я стал возражать. Почему обсуждаем так втихую, в саду, заседание это или что?» — Из диктовки А. И. Микояна 28 мая 1960 г.

Пока кремлевское руководство судило и рядило о Польше, 23 октября вспыхнула народная революция в Венгрии. Студенты, интеллигенция, рабочие Будапешта и других венгерских городов вышли на улицы, требуя привести к власти Имре Надя и убрать ненавистную группу сталинистов. И хотя Ракоши, под давлением из Москвы, уже ушел в отставку, и страной правил его «правая рука» Эрнё Герё, это не предотвратило взрыва недовольства. В ответ на угрозы Герё к студентам присоединилась полиция Будапешта и части венгерской армии. Демонстрации перерастали в вооруженное восстание. Народ свалил памятник Сталину, и его отвезли к советскому посольству и бросили перед ним. По всей Венгрии жгли портреты Сталина, Ракоши, Герё, из национальных венгерских флагов вырезали красную звезду, которая появилась на венгерском триколоре вместо королевского герба в 1949 г. Восставшие заняли радиокомитет, телефонную станцию, редакции основных газет, в том числе и партийного офицоза «Сабад Нэп». Среди правителей Венгрии началась паника. В ночь на 24 октября ЦК правящей прокоммунистической Венгерской партии труда назначил премьер-министром Надя и одновременно обратился к руководству СССР с просьбой ввести в Будапешт советские войска. На свои вооруженные силы венгерские коммунисты положиться не могли — по всей Венгрии в войсках возникли «революционные антикоммунистические комитеты», которые и взяли на себя руководство вооруженными силами.

Внимание Кремля переключилось с Польши на Венгрию. Президиум ЦК отдал приказ советским войскам, дислоцированным в Венгрии, войти в Будапешт для наведения порядка. Ответом было вооруженное сопротивление народа и частей венгерской армии, расценивших ввод войск как покушение на независимость страны. Будапешт, едва восставший из руин войны, стал 24 октября опять местом кровопролитных боев. Погибло, по советским данным, 600 венгров и 350 советских солдат (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 971). «Кровавый четверг» в Будапеште вызвал антикоммунистическое восстание по всей Венгрии.

Напуганные правители сняли с поста руководителя ВПТ Герё и назначили на этот пост Имре Надя. Тот отдал венгерским войскам приказ не выступать против беспорядков. Он называл происходящее «национально-демократиче-

ской революцией». 28 октября это определение было официально принято и руководством ВПТ.

Кремлевская правящая группа столкнулась с серьезной угрозой советскому блоку в Восточной Европе и всей новой внешнеполитической стратегии. По всему миру шли протесты против советской интервенции. Среди советских союзников не было единства: китайские и польские руководители считали, что Кремль действует в духе «великодержавного шовинизма». Против Москвы работала и история — память о подавлении войсками царской России польских восстаний 1830 и 1863 гг., а также венгерской революции 1848—1849 гг. Даже между советскими руководителями были разногласия. Микоян и Суслов, специальные эмиссары Президиума ЦК в Венгрии, рекомендовали вывести войска и признать правительство Имре Надя. Посол Юрий Владимирович Андропов стоял за подавление восстания военной силой.

28 октября руководство ВПТ обратилось к руководству КПСС с просьбой вывести советские войска из Будапешта и объявило народу о победе национально-демократической революции. Органы госбезопасности объявлялись распущенными, а вооруженным отрядам восставших присваивалось звание частей национальной венгерской армии.

На совещании Президиума 29 октября Хрущёв признал, что воевать с венгерским народом нельзя, надо готовить Обращение к населению. Жуков, Маленков, Шепилов, Сабуров и даже Каганович стояли за вывод войск. В тот же день по решению Президиума советские войска начали уходить из Будапешта, но не из страны. Советские танки впредь до дальнейших указаний занимали позиции вокруг венгерской столицы.

29 октября вечером революционная толпа и части венгерской армии штурмом взяли горком ВПТ, разгромили здание и расправились с его многочисленными защитниками и не успевшими сбежать функционерами. На следующий день Имре Надь объявил о роспуске ВПТ и об отмене однопартийной системы. В то же время лояльный Москве Янош Кадар возглавил обновленную ВПТ, которая теперь называлась Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП).

30 октября советское руководство обсуждало, что делать дальше со сталинской империей. Шепилов говорил о «кризисе наших отношений со странами народной демократии» и признавал, что «антисоветские настроения широки». Сабуров заметил: «На XX съезде сделали хорошее дело, но затем не возглавили развязанную инициативу масс. Нельзя руководить против воли народа». Президиум принял Декларацию о новых, равноправных принципах отношений между СССР и другими членами Варшавского Договора, которая была передана по радио и опубликована в печати (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 190).

Однако уже на утро следующего дня ситуация изменилась. В ночь на 30 октября Израиль атаковал Египет, а 31 октября в войну с Египтом всту-

пили французские и английские войска. Франция и Великобритания добились свержения режима Насера и отмены его решения о национализации Суэцкого канала. Советское руководство выступило в защиту Египта. Рабочая записка Президиума донесла до нас мнение Хрущёва: «Пересмотреть оценку. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов — империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать. Нас не поймет наша партия. К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет» (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 191). К тому же посол Андропов сообщал из Венгрии о народных расправах над сотрудниками госбезопасности и коммунистами. Тысячи агентов тайной полиции и партийных функционеров были убиты восставшими. Из тюрьмы в ночь на 31 октября был освобожден глава Католической Церкви Венгрии кардинал Йозеф Миндсенти, отказавшийся в свое время подписать конкордат (соглашение) с коммунистическим режимом и проведенный за это восемь лет за решеткой. Кардинал обвинил Надя в том, что тот участвовал в утверждении коммунистического режима в Венгрии, и заявил, что место Надя на скамье подсудимых, а не во главе правительства. Кардинал Миндсенти выдвинул свою программу — независимая Венгрия, объединенная христианской верой и уважением к принципу собственности. Вокруг кардинала стал быстро формироваться правый центр восстания.

В Будапешт через вновь открытую границу с Австрией ринулись венгерские эмигранты, часто с оружием в руках, западные наблюдатели и корреспонденты. Среди въехавших в эти дни в Венгрию были и русские эмигранты. Радио «Свободная Европа», финансируемое США, призывало повстанцев бороться за национальную независимость от Советского Союза до конца. 31 октября Имре Надь объявил, что Венгрия выходит из Варшавского договора и объявляет себя нейтральным государством. Хрущёв испугался, что вслед за этим весь советский блок рассыплется, как картонный домик.

Решившись на интервенцию, лидеры Кремля хотели осуществить её, заручившись круговой порукой других «социалистических стран». К их удивлению, Гомулка, Тито и Мао Цзэдун целиком поддержали советское решение. Восторжествовала солидарность коммунистических лидеров перед лицом общей угрозы — народного восстания. 4 ноября советские воинские части под командованием маршала Ивана Конева перешли советско-венгерскую границу — началась операция «Вихрь». Одновременно Кадар выступил с заявлением по радио, в котором призывал венгров выступить против контрреволюции и за независимость страны от западных империалистов. Он полностью солидаризировался с Москвой. Бои в Будапеште продолжались до 11 ноября, а в некоторых местах Венгрии и до начала 1957 г.

Всего за время боев в Венгрии с советской стороны погибло 720 человек, было ранено 1540. Погибли примерно три тысячи венгров, прежде всего молодежь и подростки. На границах Венгрии встали советские танки, но почти 200 тысяч венгров успели бежать на Запад. В Москве было сформировано

«рабоче-крестьянское правительство» во главе с Яношем Кадаром, которое объявило революцию «контрреволюцией» и начало террор против ее участников. КГБ провел успешную операцию, которой руководил лично И. Серов, по аресту И. Нады и членов его правительства. Имре Надь, получивший убежище в югославском посольстве, вышел из него под гарантию Андропова, чтобы выехать в Югославию, но на границе с Румынией советские агенты его арестовали. Кардинал Миндсенти до 1971 г. укрывался в посольстве США, когда наконец ему было дозволено выехать в Ватикан. Там он умер в 1975 г., написав интересные воспоминания о своей жизни.

Имре Надь и члены его кабинета были переданы в руки Кадара и в июне 1958 г., после закрытого «суда», убиты. Всего по приговорам судов убито было 229 человек, а более 30 тысяч прошли через тюрьмы и ссылки. В 1958 г., после казни Нады, была проведена широкая амнистия среди осужденных за события 1956 г.

Венгерская революция и способы её подавления нанесли сильнейший моральный и политический удар по идее коммунизма. Даже в лагере «нейтраллистов» и «попугчиков» подавление революции вызвало пересмотр прежних позиций.

Революции в Польше и Венгрии вызвали большой резонанс в СССР. Осенью 1956 г. в университетах и иных высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других российских центров нарастало студенческое брожение. Студенты стремились установить «прямую демократию» в низовых комсомольских организациях, избирали своих лидеров, вывешивали стенные газеты, свободные от цензуры, вели бурные дискуссии о свободе культурной и научной жизни. Особенно остро стоял вопрос о культе личности. Некоторые студенты, молодые интеллектуалы, и писатели — Константин Паустовский, Владимир Дудинцев — открыто говорили, что в СССР правит новый бюрократический класс, который презирает народ и губит русскую культуру. Многие студенты учили польский язык, чтобы больше узнать о польских событиях. Вторжение в Венгрию вызвало острые споры. В Ленинграде группа студентов собиралась устроить на Площади Искусств митинг солидарности с венграми.

КГБ доносил об этом партийному руководству. Хрущёв и его коллеги знали, что интеллектуалы и студенты сыграли роль детонатора венгерской революции. Они всерьез опасались, что нечто подобное может произойти в Москве. В течение ноября КГБ начал проводить аресты среди студентов. 6 декабря группу писателей, членов партии, вызвали в ЦК и приказали им перестать «мутить воду». 19 декабря ЦК разослал всем партийным и комсомольским организациям секретную директиву о «срыве махинаций антисоветских вражеских элементов». Эта директива стала основанием для разгрома студенческого движения (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 202, 212, 979—980, 984). Тысячи студентов были отчислены или распределены в дальние уголки страны. 2500 студентов, а также рабочих и крестьян были арестованы и осу-

ждены за «контрреволюционную деятельность». Между тем большая часть осужденных студентов считала себя «истинными марксистами» и «социалистами», хотя и осуждала партийную диктатуру.

Небезучастным к венгерским событиям осталось и Русское Зарубежье. Во всех западных странах состоялись митинги протеста и сочувствия венгерским революционерам. Наиболее активной организацией в этом отношении вновь был Народно-Трудовой Союз российских солидаристов. Своей главной задачей он счёл разъяснение советским войскам в Венгрии того, что там на самом деле происходит, и призывал их не стрелять в восставших, а брататься с ними и посылать поддержку их.

Свидетельство очевидца

Множество русских людей по всему миру внимательно, со страхом коммунистического реванша, но и с надеждой на близящийся конец большевизма наблюдали события в Восточной Европе. Николай Лосский писал 16 ноября 1956 г. из Америки во Францию сыну Борису: «Из Твоего письма вижу, как велика у Вас тревога. Наша добрая знакомая... получила из Копенгагена от своей сестры письмо о тревоге в Дании. А я думаю, что после восстания в Венгрии московские деспоты побоятся начать третью войну: у них тыл на протяжении от Балтийского моря до Адриатики весь был бы в огне, полон партизанов. Во всех странах коммунистические партии слабеют. В нашей русской газете я читал сегодня, что половина коммунистов вышла из французской партии... К тому же Эйзенхауэр заявил твёрдо, что не допустит нападения на Францию и Великобританию». — *Н. О. Лосский*. Воспоминания. Жизнь и философский путь. М.: 2008. С. 348—349.

25 и 26 октября литература НТС на русском и венгерском языках была срочно отпечатана и всеми доступными средствами распространена в Венгрии. Члены организации начали устанавливать контакты с венгерскими борцами за свободу и через них продвигали свое слово к армии и народу.

Подвергавшаяся усиленному глушению радиостанция НТС «Свободная Россия» перешла на круглосуточную работу и начала передавать четыре программы в день на разных волнах. Давалась информация о происходящем, обращения и призывы, практические советы по методам привлечения российских людей к содействию и инструкционные указания для советских солдат и офицеров.

Исполнительное бюро Совета НТС выпустило обращение «Ко всем гражданам Советского Союза», а также обращение «Братья венгры» на венгерском и русском языках. Это обращение передавалось в понедельник 29 октября по-венгерски сетью государственных французских радиостанций.

ДОКУМЕНТ**Текст обращения Исполнительного бюро Совета НТС:**

Братья венгры!

Мы приветствуем ваше восстание. Вместе с нашим народом мы боремся за те же идеалы, что и вы: за идеалы христианства, свободы, справедливости, демократии.

Ваша героическая борьба найдет отклик и в других поработанных странах, в том числе и в России. Поднятое в Будапеште знамя борьбы за свободу увидят и в Москве.

Вашими руками разрушены мифы, которыми коммунистическая диктатура пытается обмануть наш народ. Миф о том, что народы хотят коммунизм. Миф о том, что марксистско-ленинское учение победоносно шествует по всему миру.

Сейчас коммунистическая пропаганда в нашей стране пытается представить ваше восстание как дело рук «кучки контрреволюционеров», но мы доведём до сведения наших соотечественников правду о вашем восстании и его политическом значении; мы будем указывать на ваше восстание как на достойный пример.

Ваши призывы о поддержке и солидарности будут нами доведены, всеми нам доступными средствами, до сведения друзей свободы по обе стороны Железного занавеса.

Ваши коммунистические диктаторы призвали, а наши — послали русских солдат и офицеров подавлять восстание. Вся вина и весь позор за это преступление ложится на коммунистическую власть, которую мы, русские, ненавидим так же, как и вы.

Призывайте наших солдат и офицеров переходить на вашу сторону.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНАЯ ВЕНГРИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНАЯ РОССИЯ!

В эти же дни Совет НТС и все его заграничные группы были призваны в своих странах содействовать любым мероприятиям, которые будили бы совесть свободного мира и способствовали борьбе венгерского народа. Перед западными странами НТС выступил как антикоммунистическая организация, защищающая честь, достоинство и волю к свободе не только венгров, но и всех народов России, так же поработанных коммунистической властью.

Кроме того, НТС принял участие в оказании медицинской помощи раненым борцам за свободу и направил медикаменты в распоряжение революционных комитетов в Венгрии. Берлинский Комитет помощи российским беженцам имени похищенного в Берлине д-ра Трушновича послал в Венгрию автобус с лекарствами и продовольствием.

Председатель Комитета О.А. Красовский, сопровождавший автобус, затем рассказывал о первых минутах, проведенных в Венгрии: «Навстречу нашей машине быстрыми шагами шел человек (...) с повязкой на рукаве и осязаемой кобурой револьвера (...). Он был членом ревкома близлежащего города, знал, кто мы и почему стремимся в Венгрию. Крепко и долго пожимал нам руки, благодарил за помощь, благодарил от имени своего народа (...)».

НТС обратился также в Международный Красный Крест в Женеве по вопросам правовой защиты советских солдат и офицеров, перешедших на сторону революции и вынужденных в ходе дальнейших событий уйти на Запад. Со своей стороны, председатель НТС В.Д. Поремский обратился с телеграммой к Президенту США генералу Эйзенхауэру и к Президенту свободного Китая Чан Кайши с призывом поддержать венгерскую революцию.

НТС направил в восставшую Венгрию своих членов — Георгия Околовича и Николая фон Шлиппе с целью установления контакта с революционными комитетами и передачи им специальной литературы для советских военнослужащих. По «настойчивой рекомендации» западных государств, опасавшихся «неприятностей» с Советским Союзом, участникам организаций, желавшим поддержать восставших, въезд в Венгрию категорически воспрещался. Таким образом, прорвавшаяся туда при очень рискованных обстоятельствах группа членов НТС была единственным представителем общности западных стран. В маленькой легковой машине, загруженной до отказа антикоммунистической литературой, и встречаясь по пути с наступающими советскими танками, посланцы НТС, без знания венгерского языка, достигли всё же поставленной цели и передали свой груз венгерскому ревкому.

В знак признательности за боевое товарищество один из членов венгерского ревкома передал приехавшим с литературой членам НТС венгерский флаг с разбитым древком, который был благополучно вывезен и водружен на почетном месте в штаб-квартире НТС во Франкфурте. Затем, в 1989 г., после свержения коммунистического режима в Венгрии, Роман Редлих и Фридрих Незнанский вернули его венграм на торжественной учредительной церемонии большого студенческого союза в Будапеште. Присутствовавшие при этом тысячи венгерских студентов, стоя, бурно приветствовали посланцев НТС.

Столь же активными были группы НТС в западных странах. Так, 5 ноября 1956 г. состоялся в Париже большой митинг протеста, созданный социалистической партией. Собралось около 1000 человек. Сперва раздавались крики: «Русские — убийцы!» Но очень скоро один французский участник — друг НТС — не вытерпел и, перекрывая толпу, закричал: «Русские не убийцы! Убийцы — Советы!» Его поддержал ведущий собрание, напомнив, что многие советские солдаты перешли на сторону венгерских революционеров. В ответ на это раздались крики «Ура», сменившиеся выкриками «Советы — убийцы!».

После окончания бурного собрания его участники направились к зданию ЦК французской компартии. По дороге толпа возросла до 3000 че-

люлек. В конце концов, манифестация переросла в настоящее карательное шествие. Были разбиты витрины книжного магазина Центрального Комитета и сожжена вся коммунистическая литература. Когда приехала полиция, было уже поздно.

На следующий день, в 17.30 началась новая антисоветская демонстрация, устроенная французскими и венгерскими организациями. Общее число участников приближалось к 100 000 человек.

Хотя манифестация проводилась официально только французскими и венгерскими антикоммунистическими движениями, местному руководству НТС удалось добиться разрешения официально в ней участвовать. Таким образом, группа в 25 представителей НТС, в 4 шеренги по 6 человек, с большим трёхцветным русским флагом с надписью «За Россию!» примкнула к процессии. Непосредственно за ними двигалась группа венгерских студентов со своим флагом и многочисленные французские студенты с плакатами «Советы — убийцы!», «Тореза на фонарь!», «Свобода Венгрии!», «Распустить компартию!».

К членам НТС присоединялись по пути русские парижане с радостными приветствиями. «25 лет не видели русского флага на улицах Парижа!». «Пусть нас к себе! Наше место здесь с вами!».

В Лондоне, 26 октября члены НТС пикетировали здание советского посольства. Пикетчики носили на себе большие плакаты с лозунгами на английском языке: «НТС протестует против использования русских солдат для подавления революционного восстания в Венгрии».

7 ноября, в Нью-Йорке, у здания постоянной советской делегации в ООН состоялась массовая демонстрация, в которой приняло участие около 3000 человек. Колонна российской эмиграции насчитывала до 600 человек. Над рядами русских демонстрантов поднялись транспаранты с надписями: «Слава героическим венгерским повстанцам!», «Свободу Венгрии!», «Свободу России!» Головная группа русской колонны, с национальным русским флагом впереди и криками «Ура!» рванулась к подъезду советской делегации, но была остановлена тремя рядами полицейских.

В Мельбурне (Австралия), в воскресенье 28 октября состоялся митинг протеста российской колонии, организованный НТС, СБОНР и РЦА. На митинг прибыла также делегация Венгерского Национального Объединения. Собрание было открыто представителем НТС О.В. Перекрёстовым.

В Афинах местные антикоммунистические силы провели 7 ноября массовую пропагандистскую акцию, во время которой по всему городу было распространено 10 000 обращений от имени НТС к греческим друзьям с призывом поддержать борьбу русского и венгерского народов против коммунистической диктатуры.

Даже в Тайбее, на Тайване, состоялся митинг протеста, созданный китайскими антикоммунистами. Представитель НТС Роман Редлих сделал краткий доклад, который закончил словами: «Простой факт, что десятку дивизий под

жесточайшим командованием понадобилось десять дней, чтобы овладеть Будапештом, говорит о многом». Факт этот говорил и о решимости венгров, и о нежелании советских солдат выступать в роли палачей чужой свободы.

Литература:

А. С. Стыкалин. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы / РАН. Институт славяноведения. М.: Новый хронограф, 2003.

В. Мусатов. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М.: Научная книга, 1996.

В. Козлов, С. Мироненко. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежнев, 1953–1982. М.: Материк, 2005.

Ч. Гати. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М.: Московская Школа Политических Исследований, 2006. Исторический архив, 1996. № 3. С. 90–99.

5.1.10. Завершение борьбы за власть в Кремле и утверждение единоличной власти Хрущёва

Кризисы 1956 г. дорого обошлись СССР. Кремлевское руководство пыталось, помимо «кнута» интервенции, использовать «пряник» — Польша и Венгрия получили многомиллиардную экономическую помощь, продовольствие и кредиты. В Президиуме ЦК КПСС Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков считали, что Хрущёв своими непродуманными действиями и шараханьями поставил мировой коммунизм и Варшавский договор на грань развала. В январе 1957 г., во время визита китайских коммунистов в Москву, Хрущёв заявил, что Сталин должен быть примером для коммунистов и «дай Бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин». Это разительное отступление от доклада на XX съезде только усугубило разброд и сумятицу среди коммунистов и в общественном мнении и еще больше подорвало репутацию Первого секретаря.

Соперники Хрущёва решили этим воспользоваться. На заседании Президиума ЦК 18–21 июня 1957 г. подавляющее большинство членов Президиума, включая бывших сторонников Хрущёва — Булганина, Первухина, Шепилова, Сабурова — приняло решение ликвидировать должность Первого секретаря, т.е. отстранить Хрущёва от власти. Он, однако, не сдался. На стороне Хрущёва были Секретариат ЦК, армия и КГБ. Маршал Жуков пригрозил большинству Президиума, что армия за ними не пойдет и «ни один танк не тронется с места» без его команды.

Серов обеспечил созыв внеочередного Пленума ЦК 22–26 июня. На нем Хрущёв и его сторонники, используя секретные архивы, предали гласности причастность Молотова, Кагановича и Маленкова к расстрелам и пыткам членов ЦК в 1930-е гг. Чувствуя, что бой проигран, Булганин, Первухин и Сабуров публично раскаялись. В то же время Каганович, Маленков, Молотов

и Шепилов не сдались. Каганович, взывая к партийному аппарату, состоящему в основном все еще из сталинских кадров, осуждал развенчание вождя: «Я воспринимаю с большой болью... Я любил Сталина». Молотов критиковал Хрущёва за нарушение принципов коллективного руководства и грубые манеры. «Ноги на стол тов. Хрущёв положил», — резюмировал он. Большинство членов ЦК, однако, сочло, что противники Хрущёва представляют больше опасности для них, чем сам Хрущёв. В итоге Молотов, Каганович, Маленков «и примкнувший к ним Шепилов» были объявлены заговорщиками и «антипартийной группой». Хрущёв не решился арестовать поверженных противников и даже не исключил их из партии. Первый секретарь сделал вид, что «простил» Булганина и Ворошилова, чтобы не признавать того, что против него было большинство членов Президиума. В течение нескольких лет, однако, он отправил их на пенсию. В Президиум пришли «верные» Хрущёву члены Секретариата, среди них Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов, М. А. Сулов, Е. А. Фурцева и Г. К. Жуков.

В октябре 1957 г., опасаясь Жукова, которого уважали в армии и народе, Хрущёв внезапно сместил его с поста министра обороны. Микоян рассказал Хрущёву о том, что Жуков создал, без согласования с ЦК, школу спецназа. В частности, в одну из задач бригад спецназа ГРУ входила ликвидация ракетных баз стратегического назначения предполагаемого противника. Подобные подразделения создавались и в войсках НАТО. На срочно созванном Пленуме аппарат и коллеги Жукова, маршалы Соколовский, Конев, Рокоссовский, Малиновский с готовностью помогали Хрущёву обливать Жукова грязью, обвиняя его в «бонапартизме», хамстве и произволе. **Родион Яковлевич Малиновский** (1898—1967), ветеран двух мировых войн и Гражданской войны, стал новым министром обороны. В феврале 1958 г. Хрущёв, убрав Булганина, занял пост Председателя Совета Министров, сохранив при этом за собой высший партийный пост. В стране опять утвердилась власть одного лица, не имевшая сдержек и противовесов. Президиум ЦК утратил характер коллективного органа, где обсуждались и критиковались политические решения. За редкими исключениями, члены Президиума соглашались со всем, что предлагал Хрущёв. Но ценой победы Хрущёва стала его зависимость от партийного аппарата, который поддерживал его до той поры, пока это соответствовало его собственным интересам.

Литература:

Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. В. П. Наумова, М. Ю. Прозументчикова и др. М.: Международный фонд «Демократия», 2001.

Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенографический отчет об июньском пленуме ЦК КПСС и другие документы / Под ред. Н. А. Ковалевой, С. Короткова, С. Мельчина и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

У. Таубман. Хрущёв. М.: Молодая гвардия, 2005.

5.1.11. Приоткрытие «железного занавеса». Контакты с внешним миром. Фестиваль 1957 г.

После смерти Сталина «железный занавес» между Россией и окружающим миром начал приоткрываться. Особенно заметные перемены начались в 1955 г. Они были связаны с практикой «народной дипломатии», которая должна была, по мнению советского руководства, усилить новую внешнеполитическую стратегию, снизив страх перед коммунизмом в мире. Была дозволена переписка людей с родственниками за границей, прерванная в годы террора. Возобновился туризм, прекращенный в 1930-е гг. Была создана государственная компания «Интурист» с сетью отелей и гостиниц, отведенных исключительно для проживания иностранных туристов. В Москве, Ленинграде и других крупных городах России впервые с 1945 г. появились живые иностранцы. В качестве туристов впервые в Россию приехали русские эмигранты, уехавшие после революции и Гражданской войны.

В то же время советские граждане смогли поехать за границу в качестве туристов: в 1956 г. съездили полмиллиона, в 1957 г. уже 700 тысяч. Лишь 20% из них выезжали в «капиталистические страны», большинство ехали в страны Восточной Европы. Выхать можно было, по-прежнему, только самым благонадежным, по рекомендации партийных и профсоюзных органов, и с разрешения КГБ. В первых рядах туристов была партийная номенклатура и члены их семей, а также привилегированные члены «творческой интеллигенции». Летом 1956 г. советский теплоход «Победа» (взятый по репарациям в Германии) совершил несколько круизов вокруг Европы. На нижних палубах ехали рабочие и служащие по профсоюзным путевкам. В каютах люкс ехала номенклатура, советские писатели и деятели искусств.

Правда, туристы отправлялись за рубеж под надзором «нянек» из КГБ, следивших за тем, чтобы не было недозволенных контактов. Перед отъездом с ними проводили инструктаж. Призывали игнорировать антисоветские провокации, избегать контактов с иностранцами, тем более пить с ними, заводить романы, ходить к ним домой без сопровождающего «товарища» и паче всего сторониться русских эмигрантов-«белогвардейцев». В советских посольствах в то время бытовала шутка — если хочешь быстро попасть на родину — пройдишь перед посольством с русским эмигрантом.

Начался интенсивный «культурный обмен» с западными странами. В России начиная с 1955 г. гастролировали британские, американские, французские и итальянские театральные, оперные и танцевальные коллективы. Начались первые за десятилетия гастроли на Западе выдающихся русских исполнителей — Эмиля Гилельса, Мстислава Ростроповича, Галины Вишневской, Владимира Ашкенази, артистов Большого и Мариинского театров, танцевальных ансамблей. Когда Хрущёв ехал за границу, вместе с ним ехали балерины, певцы и музыканты, чтобы создать ему «культурный фон». Русская культура, уже не в первый раз, оказалась в услужении советской внешней политики.

Табу, наложенное Сталиным в 1947 г. на научные и общественные контакты с внешним миром, рухнуло. Ученые получили возможность для профессиональных стажировок и работы за рубежом. Поехали за границу представители советских «общественных организаций» (профсоюзы, общества дружбы), ученые и инженеры, включая даже «невыездных» физиков-ядерщиков. Начались контакты между учеными-обществоведами. Журналисты и писатели получили возможность съездить в «творческие командировки» в Париж, Рим и Нью-Йорк. В учебных заведениях Москвы и Ленинграда появились молодые иностранные исследователи. Программы помощи для «братских» стран привели к тому, что десятки тысяч советских инженеров и других специалистов работали во второй половине 1950-х гг. в Китае, Египте, Индии и других странах.

Советское руководство считало, что «народная дипломатия», расширение контактов между общественными организациями и гражданами, поможет размягчить антикоммунистические настроения на Западе. Отчасти это было так. Но приоткрытие «железного занавеса» еще больше меняло российское общество.

Свидетельство очевидца

Федор Бурлацкий, молодой работник журнала «Коммунист», вспоминал позже о своей поездке вокруг Европы на теплоходе «Победа»: «Я даю вам честное слово, что я этой поездкой был потрясен больше, чем XX съездом партии. Я увидел такую культуру, такой образ жизни, который нам не мог и во сне присниться. То, что Хрущёв приоткрыл нам Запад, — это было колоссальное событие для всей страны». — *Л. Лурье, И. Малярова. 1956 год. С. 111.*

Выражая настроения части образованной молодежи, Евгений Евтушенко писал в 1955 г.: «Границы мне мешают. Мне неловко / Не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. / Хочу шататься, сколько надо, Лондоном, / Со всеми говорить, пускай на ломаном».

Разрушались пропагандистские мифы о том, что жизнь людей за рубежом, особенно в развитых капиталистических странах, ужасна и опасна. Напротив, становилось ясно, в какой нищете и убогости десятилетиями жили граждане «первого государства рабочих и крестьян». Вместо этого росло ощущение, что «там лучше». Коммунистическая номенклатура усвоила это в первую очередь. Ксенофобия, внедряемая Сталиным, обернулась у многих огромным любопытством перед всем «заграничным», а у некоторых — комплексом неполноценности. Вокруг иностранных туристов возник новый вид черного рынка — фарцовка, перепродажа иностранной одежды и товаров, которых не было в советской торговле.

Событием, изменившим лицо Москвы, стал всемирный фестиваль молодежи, проходивший в июле-августе 1957 г. Это была кульминация «народной

дипломатии», задуманной Кремлем. Подготовкой фестиваля руководил комсомол, были задействованы громадные людские и материальные ресурсы. В Москву приехали 30 000 молодых иностранцев со всего мира. Огромное любопытство и радушие москвичей поразили их. Фестиваль превратился в народный «карнавал», в котором участвовало до трех миллионов людей. Рухнули или были отменены многие табу. Город украсился множеством флагов всех наций — от флага Соединенных Штатов до флага Самоа, а не только красными. Символом фестиваля был «голубь мира» Пабло Пикассо, а не серп и молот со звездой, на выставках можно было увидеть невиданные дотоле абстрактные картины, на концертах услышать давно забытую «буржуазно-упадническую» эстрадную музыку.

Впервые со дня Победы молодежь свободно танцевала на Красной площади и даже в Кремле. На площадях и улицах играли недавно запрещенный американский джаз, танцевали танцы, которые советская печать считала «развратными» и «буржуазными». Несмотря на комсомольский актив и КГБ, иностранцы «пошли по рукам», всем хотелось узнать из первых рук, какова жизнь за рубежом. Позже в Москве даже появились «дети фестиваля», плоды непродолжительных знакомств русских девушек с симпатичными иностранцами. Это было только начало нашествия иностранцев: в 1964 г. в СССР уже приехало 1 миллион 33 тысячи интуристов.

Суждение мыслителя

Сдвиги в сознании русских людей в конце 1950-х гг. проявили себя в романе-эпопее Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», написанном в 1956–1960 гг. Талантливый писатель, опубликовавший в 1952 г. «идеологически выдержанный» роман о войне «За правое дело», после XX съезда КПСС создал произведение, в котором с беспощадной честностью и исключительной художественной силой была описана жизнь, подвиг и трагедия русских людей в военное и довоенное время. Устами своих героев и своей прямой авторской речью Василий Гроссман делал глубокие аналитические выводы, немислимые в системе советской пропаганды. Так, командир танкового корпуса, полковник Новиков размышляет: «Человеческие объединения, их смысл определены лишь одной главной целью — завоевать людям право быть разными, особыми, по-своему, по-отдельному чувствовать, думать, жить на свете. Чтобы завоевать это право, или отстоять его, или расширить, люди объединяются. И тут рождается ужасный, но могучий предрассудок, что в таком объединении во имя расы, Бога, партии, государства — смысл жизни, а не средство. Нет, нет, нет! В человеке, в его скромной особенности, в его праве на эту особенность — единственный, истинный и вечный смысл борьбы за жизнь» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. М.: ЭКСМО, 2010. С. 232). От себя В. Гроссман несколько выше пишет: «Претерпевает ли природа человека изменение, становится ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным? В ответе этом — судьба человека и судьба тоталитаризма».

литарного государства. Изменение природы человека сулит всемирное и вечное торжество диктатуре государства, в неизменности человеческого стремления к свободе — приговор тоталитарному государству... Человек, обращенный в рабство, становится рабом по судьбе, а не по природе своей. Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но его нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое или замаскированное, сверхнасилие есть основа тоталитаризма. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего» (там же, с.219). Для читателя не было никакого сомнения, что Гроссман говорит и о нацистском, и о коммунистическом государстве. Он приводил примеры восстания и в нацистских лагерях смерти, и в советских лагерях, и в восточноевропейских странах — 1953 г. в ГДР, 1956 г. — в Венгрии. В декабре 1960 г. Гроссман отдал свой новый роман для публикации в журнал «Знамя».

Литература:

А. Козлов. Козел на саксе: М.: Вагриус, 1998.

5.1.12. Гуманизация советского строя, курс на повышение жизненного уровня населения, отмена деревенского рабства и репрессивного рабочего законодательства

Фестиваль продемонстрировал относительную гуманизацию советского строя. Под флагом «восстановления социалистической законности» продолжалась реабилитация. Были реабилитированы расстрелянные в 1937 г. четыреста крупных военачальников, в том числе М.Н. Тухачевский, И. Якир, Я. Гамарник. Вместе с тем, Хрущёв побоялся реабилитировать лидеров «опозиций» — Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других «правых», не говоря уж о Камеяеве, Зиновьеве и Троцком.

В Кремле понимали, что становится все труднее оправдывать массовую бедность и нищету в СССР. Об этом говорили тысячи писем, часть которых доходила до партийных властей.

Свидетельство очевидца

Рабочие Тарханов и Корнеев из г. Муром писали Хрущёву в 1955 г.: «Рабочему классу, который проживает в гор. Муроме и его районах, с каждым днем становится жить все труднее... Мы помним, что после войны мы досыта могли кушать черный хлеб. А что происходит теперь? Для того, чтобы получить 2 кг хлеба, необходимо простоять в очереди 3 часа и то при условии, что очередь надо занимать в 7 часов утра. Становится странным, судя по печати и по словам. Мы сейчас вырабатываем продукции больше, чем после

войны. Но куда же все девается, что ничего невозможно достать. Надо прямо сказать, что если Вы, как наши правители, не в состоянии обеспечить рабочих хлебом, то введите карточки...»

Из Ростова-на-Дону в анонимном письме говорилось: *«Прошло десять лет после окончания войны, но в дни войны нашему народу жилось лучше, чем сейчас. Около каждого продуктового магазина в очереди за эти несчастные полкило сахара или масла стоят по тысяче и более человек.»*

Голубев А.А, рабочий-монтажник из Челябинской области писал: *«Почему мы (рабочие и крестьяне) в СССР живем в материальном смысле намного хуже, чем живет народ во многих народно-демократических странах и некоторых капиталистических странах. Наверное, виноваты во многом Вы лично, весь Центральный Комитет и Совет Министров — Вы плохо руководите и управляете страной, Вы почти за сорок лет не сумели обеспечить народу хорошей жизни.»*

В.Ф. Мячин из Кировской области писал в январе 1957 г.: *«Когда это все кончится. В сороковой год Советской власти пьем чай без сахара. Обидно до слез, наши отцы отдали жизнь за революцию.»*

Письма с мест возымели свое действие. Социальные программы, которые при Сталине обслуживали лишь «элиту», получили при Хрущёве массовый характер. Хрущёву хотелось, чтобы люди стали жить лучше и веселее на самом деле, а не только на плакате, и вновь поверили бы в коммунистический «рай на земле». Началось крупномасштабное строительство жилья — дешевых крупноблочных пятиэтажных домов. При Сталине дома строились только для номенклатуры и «знатных» людей (стахановцев, героев-летчиков, чинов госбезопасности, «народных» артистов, художников, выдающихся ученых и т.п.). Остальные ютились в коммуналках, жили в одной комнате по три семьи за ширмами — как придется. Хрущёвские пятиэтажки были третьесортным жильем и были быстро прозваны «хрущобами». Тем не менее, они сделали возможным переселение миллионов семей из коммуналок и бараков в отдельные квартиры с элементарными современными удобствами.

Резко улучшилась санитарная ситуация в больших городах, где раньше повсеместно были трущобы, грязь, и инфекция. За десять лет, начиная с 1956 г., около 109 миллионов людей вселились в новые дома с канализацией, центральным отоплением и водоснабжением. Это было «бесплатное» жилье (фактически компенсация за годы сверхэксплуатации и высоких налогов), которое распределялось по месту работы или в порядке ликвидации городских трущоб. Сознывая, что массовое строительство более комфортных домов ему не по карману, государство разрешило в ограниченных пределах

рост «кооперативного строительства» на деньги пайщиков. Вокруг крупных городов строились десятки тысяч дач.

Государственное планирование по-прежнему отдавало приоритет военным нуждам и тяжелой промышленности перед конкретными человеческими нуждами. Тем не менее советские лидеры, прежде всего Хрущёв, пытались развивать сектора гражданской экономики, транспорт, коммуникации. Считая личные автомобили роскошью, Хрущёв и кремлевское руководство развивали общественный транспорт — метро, автобусы, троллейбусы. Электрифицировались железные дороги. Быстро развивалась гражданская авиация. Вместе с тем начались попытки улучшить массовый быт, облегчить домашний труд женщин (в значительной мере вынужденная мера в связи с тем, что женщины все больше заменяли нехватку мужского труда в различных отраслях экономики).

Впервые с 1941 г. началось массовое производство бытовых товаров: холодильников, стиральных машин, радиоприемников, телевизоров, посуды и десятков других изделий, которых нельзя было раньше сыскать днем с огнем. Появились первые супермаркеты без продавцов, кафе и столовые самообслуживания — эти признаки современной цивилизации пропагандировались как «ростки коммунизма». В массовой продаже появилась сравнительно удобная и даже элегантная одежда и обувь, произведенная по импортным образцам в СССР и в странах «народной демократии». Последняя ценилась особенно высоко.

Военизированные и казарменно-невольнические аспекты сталинского общества начали ослабевать. Одновременно с демонтажем ГУЛАГа была демонтирована система тотальной трудовой мобилизации. Первой это почувствовала номенклатура: вместо «ночных бдений» сталинского времени руководители и чиновники были обязаны покидать рабочие места к 17—18 часам. В 1955—1956 гг. были отменены сталинские законы, принудительно удерживающие рабочих на предприятиях, принуждающие рабочих к труду. К этому моменту уже стало очевидно, что людей можно было удержать на производстве только материальными стимулами, обещанием жилья. В трудовом законодательстве исчезли репрессивно-принудительные статьи и начали появляться другие пункты, которые хотя бы в теории защищали права рабочих и служащих.

Хрущёв и другие новые советские руководители торопились перейти от принуждения к новой системе всеобщей занятости, построенной на снижении рабочего дня, стабильном росте заработной платы и различных социальных привилегиях. В 1957—1960 гг. произошел переход рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день, на шестидневную рабочую неделю с «короткой субботой». Сокращался рабочий день для подростков. Был установлен гарантированный минимум заработной платы. Начали расти доходы малооплачиваемых групп трудящегося населения. Эти реформы были одобрены уже в январе 1956 г.

Был отменен запрет на свободу передвижения внутри СССР. Вся страна, кроме специально выделенных запретных зон (связанных с военными заводами и базами), стала вновь доступной для поездок и путешествий. Обязательная регистрация приезжих отменялась. Эти новые послабления и появление свободного времени и минимального достатка привели к всплеску туризма внутри СССР. Дешевый и доступный железнодорожный транспорт позволил многим молодым людям из городов, с рюкзаками и палатками, открывать пространства России от Алтая, Тянь-Шаня, Кавказа и Крыма до Карелии, Урала и Сибири. Туризм давал чувство свободы — куда хочу — туда и пойду, где хочу, там заночую. С туризмом было связано появление множества туристских песен, полных романтики дальних дорог, лирических и совершенно свободных от идеологического коммунистического содержания.

При Хрущёве государство начало заботиться о массе пожилых людей, главным «человеческом материале» первых пятилеток, а также об инвалидах войны. Число пенсионеров, составлявшее 6,2 миллиона в январе 1941 г., выросло к 1956 г. до 13,4 миллиона. С мая 1956 г. вводились пенсии для всех горожан: для мужчин с 60 лет и для женщин с 55 лет, при наличии у них трудового стажа не менее 20–25 лет (Президиум ЦК КПСС. Т. 2. С. 273–279).

Пенсии и нормированный труд еще не распространялись на крестьянство. Вместе с тем доходы крестьян от приусадебных участков, продажи мяса и молочных продуктов от личного скота и «трудодней» росли быстрее, чем доходы других групп населения. Колхозникам был облегчен режим получения паспортов для передвижения по стране и поездок в города. Их прикрепление к земле было фактически ликвидировано. Наступил второй 1861 г. — закончилось крепостное право большевиков. Правда, до 1970-х гг. крестьянам еще не выдавались постоянные паспорта, а только временные, на случай поездки.

В 1955 г., с целью уменьшить громадное число жертв от нелегальных абортов, был отменен запрет на аборты. До того полицейскими мерами удалось предупредить 1,9 миллиона абортов. Но многие женщины, не имея возможности планировать семью, найти мужа или даже пользоваться противозачаточными средствами, продолжали обращаться к подпольным акушеркам, нередко лишаясь жизни и здоровья. Результаты легализации абортов, однако, были сомнительными. В 1956 г. число зарегистрированных абортов составило 4,7 миллиона, а в 1965 г. достигло 8,5 миллиона. Число разводов в семьях неуклонно ползло вверх, а число новорожденных, напротив, падало.

Реагируя на эту проблему, государство стало развивать программы здравоохранения, ухода за детьми и помощи многодетным семьям. Развернулось впервые за советские десятилетия массовое строительство яслей, детских садов, больниц и медицинских комплексов. Резко упала детская смертность:

с 18 детей на 1000 рожденных в 1940 г. до 7 в 1965 г. Комбинированный показатель смертности достиг в конце 1950-х — начале 1960-х гг. самой низкой отметки за всю советскую историю. Государство развивало массовый спорт. В несколько раз увеличилось количество спортивных сооружений. Но ассигнований на социальные нужды было недостаточно. Провинциальные города, как правило, оставались за пределом этого «прогресса». Даже в этом деле, однако, коммунистическая идеология являла свои гримасы. Главный общедоступный бассейн Москвы был построен, по приказу Хрущёва, на месте взорванного храма Христа Спасителя, в котловане так и не воздвигнутого гигантского Дворца Советов (сейчас на этом месте стоит восстановленный собор).

Гуманизация второй половины 1950-х гг. была относительной. Милитаризация общества и принуждение к труду утратили тотальный характер, но продолжали существовать в новых формах. Десятки городов и районов СССР были закрыты для иностранцев. Многие бывшие репрессированные не могли вернуться в Москву, Ленинград и другие крупные города. Хотя КГБ не был заинтересован «накручивать вал» арестов и был обязан прежде «профилактировать» подозреваемых (т.е. вызывать их на беседу-допрос и отпускать домой с «отеческим» напутствием), с 1958 г. опять начала расти численность заключенных в лагерях (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 505. Л. 304). Многим из спецпоселенцев не разрешали вернуться на родину (в 1957—1958 г. чеченцы и другие кавказцы нарушили этот запрет, преодолев сопротивление властей). Были вынуждены остаться в Казахстане немцы Поволжья, крымские татары, а также греки и турки-месхетинцы, депортированные из Крыма и с Черноморского побережья в 1940-е гг. Многие «бандеровцы» и другие, осужденные за «контрреволюцию» и «бандитизм», оставались в спецпоселениях вплоть до 1964 г.

Больше половины населения, включая большинство колхозников, оставалось на пороге бедности, люди не могли купить новое пальто, экономили на еде. Резкое сокращение армии привело к тому, что сотни тысяч офицеров и кадровых военнослужащих сержантско-старшинского состава были уволены практически без средств к существованию, пособий по безработице и программ переквалификации.

Наконец, общество оставалось глубоко большим духовно, искалеченным десятилетиями крови, насилия, разрушения норм человеческого общежития, веры в Бога. В результате послевоенной нехватки мужчин и государственного законодательства, создававшего категорию «матерей-одиночек» (мужчины-сожителю освобождались от какой-либо ответственности, юридической и материальной) для преодоления демографической катастрофы, в 1945—1955 гг. в СССР родилось 8,7 млн детей без отцов. Росшие в нищете и горькой безотцовщине, некоторые из этих «униженных и оскорбленных» детей, становясь взрослыми, мстили обществу и легко перенимали нравы уголовного мира.

В 1950-х гг. произошел резкий всплеск хулиганства, алкоголизма и бытового насилия. Значительная часть хулиганов была безработными и бомжами (БОМЖ — Без определенного места жительства — милицейская аббревиатура) — т.е. теми, наличие которых отрицала советская пропаганда.

ДОКУМЕНТ

МВД СССР сообщало в ЦК КПСС: «Большое количество совершаемых молодежью и подростками преступлений объясняется тем, что многие из них не работают и не учатся. Эти лица, как правило, праздно коротают время в парках, садах, у кинотеатров и клубов, на вокзалах и рынках, нередко допускают хулиганские действия и совершают карманные кражи и другие преступления». — *В. А. Козлов*. Массовые беспорядки в СССР. М.: Сибирский хронограф, 1999. С. 187.

Но бандитами и хулиганами становились также дети «порядочных родителей», в том числе комсомольцы. Прекращение террора и увеличение свободного времени — без адекватного доступа к культурным и духовным ценностям, при прекращении религиозного воспитания в большинстве семей — еще больше способствовало разгулу хулиганства. В конце 1950-х гг. в стране было 2,2 млн человек «на учете» в органах МВД, от репрессированных до преступников и проституток (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 505. Л. 204–205).

Из ГУЛАГа в общество, в молодежь шли криминальные волны. В городах и поселках действовала «шпана», молодежь сбивалась в шайки. Поскольку МВД и милиция не справлялись, были сформированы из студенческой и рабочей молодежи «бригады содействия милиции» (бригадмилы) для борьбы с хулиганством. 10 марта 1959 г. по решению ЦК на предприятиях и в учреждениях были образованы «товарищеские суды», которые напоминали органы «революционного правосудия» в первые годы большевистского режима. «Товарищеские суды» должны были бороться с массовым хулиганством, падением трудовой дисциплины, бытовыми преступлениями и «аморалкой» (например, супружескими изменами). В то же время эти органы придавали вид «народного волеизъявления» репрессивным решениям советских и партийных органов.

Литература:

А. К. Соколов. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) // Экономическая история / Ред. Л. И. Бородкин и Ю. А. Петров. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2003.

Н. Е. Лебина, А. Н. Чистиков. Обыватель и реформа. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003.

Ph. Hanson. The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1945. N. Y.: Pearson Education Ltd, 2003.

5.1.13. Экономическое развитие СССР в годы правления Хрущёва. Совнархозы. Целина. «Догнать и перегнать Америку». Сельскохозяйственный «волонтаризм» и приписки. Программа «построения коммунизма»

Годы после смерти Сталина, а также первые годы единоличного правления Хрущёва (1957—1958 гг.) были отмечены высокими темпами экономического роста — до 10% в год. «Львиная часть» инвестиций по-прежнему шла в тяжелую промышленность — металлургию, машиностроение, на военно-промышленные нужды. Но гораздо больше, чем раньше, средств шло теперь в социальную сферу, на нужды людей. В целом экономика продолжала оставаться экстенсивной, а ее планирование, осуществляемое из центра, грубым и приблизительным. В 1957 г. очередной план был переделан, по чисто политическим соображениям, в «семилетку» (1959—1965), в ходе которой был запланирован громадный рывок.

10 мая 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон, по которому вместо ряда союзных министерств создавались региональные Советы народного хозяйства (совнархозы), совпадавшие с границами краев, областей и автономий. В Российской Федерации было создано 70 совнархозов, на Украине — 11 и т.д. Совнархозы были инициативой Хрущёва, частью его политики «возвращения к Ленину» — впервые они возникли после большевистского переворота и действовали в 1920-х гг. Теперь учреждение совнархозов было вызвано желанием децентрализовать управление экономикой, вызвать «прилив крови» в народном хозяйстве. В ходе интенсивного обсуждения в Президиуме ЦК КПСС и в Совете Министров с февраля по май 1957 г. эту реформу, после многих доработок, поддержали секретари обкомов и многие хозяйственники, включая министров. Лишь Молотов до конца возражал против реформы ввиду «чрезмерной децентрализации» (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 224—227, 243—246).

Совнархоз был коллегиальным, комплексным органом управления, и на первых порах его деятельность имела определенные плюсы. Усилилась региональная кооперация, сократились неоправданные расходы на транспортировку товаров и сырья. Вместе с тем реформа привела к упрочению власти и самоуправства секретарей обкомов, составлявших большинство делегатов Пленумов ЦК, а следовательно — главную политическую опору Первого секретаря. В результате создание совнархозов не решило проблем, вызванных пороками советского планирования и командной экономики. В совнархозах не было подготовленных кадров, опытных экономистов и хозяйственников. Их начали направлять туда в приказном порядке из Москвы — люди относились к этому как к «ссылке на поселение» и норовили при первой возможности уехать. Совнархозы были ликвидированы немедленно после снятия Хрущёва.

Внутри страны, так же, как и в отношении своих сателлитов в Восточной Европе, новые хозяева Кремля стремились предпринять немедленные меры к преодолению народной нужды и предотвращению массового голода, который мог бы привести к кризису режима. Маленков был инициатором снижения налогов с крестьянства. Отмена налогов на владение коровами и свиньями в 1953–1954 гг. позволила увеличить производство мяса, хлеба и молочных продуктов. Микоян настоял на увеличении импорта мяса, фруктов и товаров народного потребления за золото (Президиум ЦК КПСС. Т. 2. С. 32).

В начале 1954 г. Хрущёв потребовал освоения громадных целинных земель Северного Казахстана, Восточной Сибири и Приуралья. Поскольку казахи начали возражать против проекта резкого изменения уклада жизни и этнического состава Казахской ССР, во главе Казахстана были поставлены «русские» партийные секретари — Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко и Леонид Ильич Брежнев. Был создан Целинный Край, куда потоком пошла техника и поехали люди. Первоначальный план предполагал распахать за три года 13 миллионов гектаров. Освоение целины осуществлялось по сценарию гигантских «народных» строек первых пятилеток. Комсомол направил на целину добровольцев. За первые четыре года туда переселились 56 тысяч семей. Кроме того, там временно работали миллионы школьников и студентов из центральных городов России. На пустом месте, где раньше были отгонные пастбища, возникли совхозы и «агророда».

Освоение Целины имело огромное стратегическое значение — разоренная коллективизацией и войной деревня не обеспечивала страну товарным хлебом. Народ вновь оказался на грани голода, на этот раз уже не спланированного, но порожденного хозяйственными ошибками и преступными деяниями ленинской и сталинской власти. Голод породил бы общественное возмущение и поставил под вопрос само существование коммунистического режима. Переходить же к широкомасштабному террору народа России Хрущёв и не желал и не мог.

За шесть лет (1954–1960) было распаханно и засеяно зерновыми около 42 млн гектаров земель в Восточном Казахстане и степных областях России. На маломощных черноземах Целины широко использовались тракторы, комбайны и обычная агротехника с отвальной вспашкой земли. В первые годы вырос хороший урожай, однако уже к 1958 г. удалось собрать в среднем только 9,6 центнера с гектара. Начались пыльные бури, как результат разрушения растительного покрова и тонкого слоя почвы. Значительная часть распаханых земель стала непригодной не только для растениеводства, но и для традиционного отгонного скотоводства. На больших пространствах степи Целины превратились в пустыню.

Не были построены дороги, зернохранилища, часть урожая гибла. Энтузиазм молодых целинников, о котором трубила пресса, бездумно растрачивался. Молодые освоители Целины (целинники) годами жили в бараках,

без электричества и водопровода. Себестоимость целинных урожаев была больше, а стабильность урожаев — меньше, чем на землях Центральной России. Вопрос о Целине вызывал немалые споры на Президиуме ЦК в 1955—1956 гг. Молотов, Каганович и Маленков критиковали проект Хрущёва. С исторической дистанции видно, что Целина поглотила громадные денежные и трудовые ресурсы, которые при восстановлении рыночной экономики могли бы поднять из нищеты и отсталости районы исторического земледелия в России.

Некоторые специалисты, однако, оправдывают действия Хрущёва. В сочетании с ослаблением гнета крестьянства, Целина облегчила продовольственный дефицит. Она давала от одной четверти до двух пятых всех урожаев. В 1954—1958 гг. валовая продукция сельского хозяйства, согласно официальной статистике, увеличилась на 50%, в том числе продукция земледелия — на 50%, а животноводства — на 24%.

В мае 1957 г. Хрущёв заявил, что «народы в прошлом отсталой России, взявшие власть в свои руки ... получили возможность поставить вполне реальную задачу — *догнать и превзойти США по уровню производства на душу населения*». Соревнование с первой по уровню развития национальной экономикой мира, превосходящей советскую по объёму в три-четыре раза, а по производительности труда — в четыре-пять раз, было ярким проявлением хрущёвского экономического своеволия («волонтаризма»), упования на всесилие пропаганды, партийного приказа. Возрождение лозунга «догнать и перегнать», который уже использовали Сталин и большевики в 1930-е гг., привело к губительным последствиям для экономики и в особенности для российского крестьянства. В народе пели частушку «Ура, ура, догоним США по производству мяса, молока и перегоним США по потреблению водки, табака». По этим последним показателям СССР действительно оставил все развитые страны мира далеко позади себя в 1950—1960-е гг. Образ жизни большинства русских людей оставался весьма нездоровым.

Начиная с 1958 г., уже не сдерживаемый критикой товарищей по Президиуму ЦК, Хрущёв начал перестраивать сельское хозяйство. В его представлении единоличное крестьянское хозяйство и даже колхоз должны были уступить место государственным сельским фабрикам — «совхозам», а крестьяне должны были освободиться от личного скота и переселиться из своих изб в квартиры и особняки благоустроенных «агрогородов». Хрущёв мечтал перенести на российскую почву крупные фермерские хозяйства, которые существовали в США.

Непродуманные инициативы Хрущёва сыпались на советскую экономику одна за другой: ликвидация машинно-тракторных станций (МТС) и продажа техники колхозам без подготовки кадров для ее использования, чрезмерное укрупнение колхозов, всеобщая химизация и безмерное использование гербицидов и пестицидов, посадка кукурузы на лучших землях от Кубани до Архангельска и т.д.

Областные партийные секретари, оказавшиеся в роли крупных феодалов, наперебой стремились потрафить прихотям нового Хозяина. Вскоре лозунг «догнать и перегнать» стал прежде всего означать — «по производству мяса, молока и масла на душу населения». Местные партийные владыки наперебой принимали нереальные обязательства с тем, чтобы получать награды, ордена и продвижение по службе. Лидером этого «движения» стал рязанский первый секретарь обкома (областного комитета КПСС) А. Н. Ларионов, который в начале 1959 г. принял фантастическое обязательство увеличить за год производство мяса в колхозах и совхозах в 3,8 раза. Ларионов добился этого результата и получил орден — с помощью чудовищного обмана. Он скупил у крестьян и перерезал весь личный скот, включая коров и коз. Прежде чем эта афера открылась, Ларионов застрелился.

По пути обмана пошли и многие другие партийные секретари, а также хозяйственники, руководители крупных и мелких государственных предприятий. Возникла гигантская и систематическая система **приписок**, перед которой меркли даже фальшивые рапорты об успехах эпохи первых пятилеток.

Эта кампания происходила одновременно с борьбой против приусадебных участков и сельхозкооперации. Колхозников не только заставляли продавать личный скот. Урезались их приусадебные участки, отбирались покосы. Начали закрывать и запрещать животноводческие, пчеловодческие, рыболовецкие и прочие кооперативы, которые поставляли немалую долю продуктов на государственные прилавки. В августе 1958 г. Бюро ЦК по РСФСР издало постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Около 12,5 миллиона человек, живущих в малых городах и поселках, лишились права иметь коров, свиней и коз. У них отнимались приусадебные наделы. Коммунисты продолжали, как и во времена Ленина и Сталина, расправляться с имуществом людей по своей прихоти, совершенно не считаясь с правами на собственность у «своих» подданных.

В начале 1959 г. Хрущёв на XXI съезде КПСС предложил разработать новую Программу компартии, в которой бы провозглашалась цель — построение «коммунизма» за два десятилетия. «Коммунизм» понимался как социальное государство «всеобщего благоденствия», где еда, жильё, и услуги будут бесплатны для всех трудящихся, общество, в котором бы осуществлялся принцип — «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Партийно-государственная номенклатура жила так уже при Сталине — помимо двойных зарплат (одна официальная, другая «в конверте») и премий, партийные и государственные чиновники бесплатно отдыхали в роскошных по советским стандартам санаториях, имели машины с шоферами, лечились в специальных хорошо оборудованных поликлиниках и больницах, имели спецпайки редких деликатесов по заниженным ценам и специальную сек-

цию ГУМа (Государственный универсальный магазин на Красной площади Москвы и его филиалы) для приобретения за полцены товаров, которые никогда не появлялись на прилавках обычных магазинов. Даже хорошие книги, которые стали трудно приобретаемым «дефицитом» в 1950-е гг., ответственные работники могли заказывать по особым спискам в «Специальной книжной экспедиции».

Хрущёв, как всегда, торопился. Он считал, что некоторые группы населения — прежде всего дети, учащиеся и пенсионеры — уже могут полностью оплачиваться государством. Была отменена плата за ясли и детские сады, затем за школы и высшие учебные заведения. В общественном транспорте отменили контролеров. Хлеб в столовых стал бесплатным.

ДОКУМЕНТ

Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС, 14 декабря 1959 г.

«Хрущёв: «А что такое программа? Это не то, что будет по потребности — кто хочет и кто не хочет, кушай, а нам по этапам надо идти... Это значит, всех детишек взять в интернат, всех детей от рождения до окончания образования взять на государственное обеспечение, всех стариков от такого-то возраста — обеспечить всем... А это значит, что треть населения будет содержаться на коммунистических принципах, полностью будет обеспечена за счет коммунистического общества.

Я думаю, что когда мы одну-две пятилетки поработаем, мы сможем перейти к тому, чтобы всех людей кормить, кто сколько хочет. У нас хлеб будет, мясо — еще две пятилетки (это максимум) и, пожалуйста — кушай. Даже в капиталистических странах есть рестораны, где можно заплатить столько-то и ты можешь кушать, что хочешь. Почему же при нашем социалистическом и коммунистическом строе нельзя будет так сделать. Но если человек скажет: «дай мне птичьего молока», то ему можно сказать, что ты — дурак». — Президиум ЦК КПСС 1954—1964 / Ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 198—199.

Хрущёв настаивал, чтобы Программа КПСС была выдержана в духе его лозунга «догнать и перегнать» США. Советское Центральное статистическое управление под большим давлением ЦК КПСС подверстывало цифры советских достижений, преувеличивая их и создавая впечатление, что СССР не так уж далеко позади американской экономики и общества. На 1958 г., сообщало ЦСУ, советская экономика почти догнала американскую по производству чугуна и стали, по количеству промышленных станков, вагонов, а по производству руды, рубке леса, добыче угля даже перегнала. При этом совершенно не ставился вопрос — а сколько нуж-

но всего этого и зачем? Официальная статистика констатировала отставание от США по производительности труда в 2–2,5 раза, а в сельском хозяйстве — гораздо больше, и громадный перевес американцев по числу телевизоров, холодильников и прочих бытовых товаров. Сравнить качество жизни, уровень зарплат ЦСУ боялось (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. В. 325, С. 7–16).

Программа КПСС была готова к июлю 1961 г. и пестрела фантастическими «расчетами». Программа обещала к 1970 г. догнать и перегнать США по основным показателям (от стали и цемента до масла и яиц). К 1980 г. было обещано полное изобилие. В июле 1961 г. Хрущёв громогласно объявил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» По всей России тут же запестрели лозунги — «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме». Нереальность цифр Программы была ясна любому экономисту, но никто не смел возражать или критиковать Программу партии, поскольку цифры исходили от Хрущёва и его пропагандистских помощников. Новый состав Президиума ЦК, из которого были изгнаны все конкуренты Хрущёва, подобострастно восхвалял хрущёвскую химеру (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 401, 404, 406, 408).

Впрочем, даже скептики разделяли веру в «светлое будущее», которой дышала Программа. Конец репрессий, ослабление страха, относительное улучшение условий жизни после ужасной войны, террора и крайних лишений, высокие показатели экономического роста — все это породило атмосферу оптимизма и радостных ожиданий в обществе. После шумного публичного обсуждения на собраниях коммунистов и беспартийных, в прессе и по телевидению Программа была «единогласно одобрена» на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г.

Литература:

Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Статистический ежегодник. М., 1959.

О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957.

В. А. Шестаков. Политика Хрущёва в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106–119.

5.1.14. Ракетно-ядерная гонка и выход в космос

Важным обстоятельством, создавшим фон для хрущёвского шапкозакидательства и романтического оптимизма тех лет, стали успехи советского ракетостроения. 4 октября 1957 г., после нескольких неудачных стартов, советская ракета Р-7 вывела на геоцентрическую орбиту первый искусственный спутник Земли. До этого события, как ни странно, в СССР и США мало кто придавал значение покорению космоса. Военные, главные спонсоры и заказчики ракетостроения, требовали надежных «носителей» ядер-

ных боеголовок. Появлением спутника и успехам космической программы СССР был обязан человеку, имя которого было до его смерти засекречено, — Сергею Королеву.

После Второй мировой войны советские танки стояли в центре Европы. Страны Запада жили в страхе, что они вот-вот двинутся дальше, тем более что во Франции и Италии их готовы были встречать многочисленные компартии. Американцы не могли им противостоять наземными силами. Они стали развивать те виды оружия, в которых у них было преимущество: бомбардировщики дальнего действия и атомную бомбу. Советский Союз не мог состязаться с американской авиацией и отдал предпочтение ракетам. За это ратовало командование гвардейских минометных частей, чьи системы залпового огня «катюша» прославились на войне.

Интерес к ракетному делу в России восходит к работе 1903 г. Константина Эдуардовича Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В 1921 г. было положено начало Газодинамической лаборатории (ГДИ), а в 1930-е Группа изучения реактивного движения (ГИРД) проводила с небольшими ракетами опыты, подобные тем, что велись тогда в Германии и в Америке. Опыты были прерваны сталинскими репрессиями.

В мае 1946 г. вышло постановление Совмина построить ракету, которая и была испытана в сентябре 1948 г. За ней в 1949 и 1953 гг. следовали более совершенные образцы. Последний из них много лет оставался на вооружении Советской армии, став известен на Западе как *Scud*. Его боеголовка содержала 780 кг тротила и дальность стрельбы составляла около 580 км. Но появившаяся к тому времени в СССР атомная бомба требовала более мощной ракеты. Ракетное ведомство было названо Министерством общего машиностроения.

По проекту А. Д. Сахарова и В. Л. Гинзбурга была создана термоядерная бомба, взорванная 12 августа 1953 г. Ее сила, равная 400 тыс. тонн тротила, в 20 раз превышала силу первых атомных бомб, а конструкция отличалась от американских, взорванных в 1952 и 1954 гг. на островах в Тихом океане. Советское термоядерное устройство, в отличие от американского, можно было монтировать на ракете-носителе в качестве боеголовки. Но ранние термоядерные устройства были неуклюжи и весили от 3 до 5,5 тонны. Чтобы их поднять, требовались огромные ракеты. Первая в мире ракета с атомной боеголовкой была запущена 2 февраля 1956 г. с полигона Капустин Яр в заволжских степях, а заряд был взорван над Аральским морем. Следующей задачей было доставить более тяжелое термоядерное устройство не за 1200 км, а за 12000 км — в Америку. Первая межконтинентальная ракета сама весила 280 тонн, и ее испытания начались в мае 1957 г. В ходе этих испытаний и был выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли.

Историческая справка

Сергей Павлович Королев родился в семье учителя русской словесности в городе Житомире в 1907 г. С юности он увлекался ракетостроением и вдохновлялся идеями Константина Эдуардовича Циолковского, верившего в необходимость освоения космоса для нужд человечества. В 1930 г. окончил МВТУ им. Баумана. С 1931 г. Королев и Ф. С. Цандер основали Группу изучения реактивного движения (ГИРД) и разработали модель первой в мире крылатой ракеты. С 1932 г. Королев возглавил ГИРД, а с 1933 г. стал заместителем начальника Ракетного научно-исследовательского института (РНИИ) и в 1934-м — начальником отдела ракетных летательных аппаратов. В 1938 г. Королев был арестован НКВД и после жестоких избиений приговорен к десяти годам заключения. Он работал на золотых приисках и умер бы там от истощения, но авиаконструктор А. Н. Туполев затребовал его в свою «шарашку», где проектировались бомбардировщики. Судьба спасла Королева еще раз: при отъезде с Колымы он опоздал на отходящий корабль, который потерпел аварию и утонул, причем все заключенные, находившиеся на нем, погибли. Королев, работая в КБ Туполева, занимался проблемой оснащения серийных боевых самолетов жидкостными ракетными ускорителями. В 1944 г. инженер Королев был освобожден из заключения, а в 1945 г. командирован в Германию в составе Технической комиссии для ознакомления с немецкой ракетной техникой. В подмосковном Калининграде (ныне — город Королев) руками заключенных был построен ракетный комплекс, и было организовано НИИ-88, куда в 1946 г. С. П. Королев назначается Главным конструктором баллистических ракет дальнего действия. С 1956 г. С. П. Королев — Главный конструктор и начальник ОКБ-1, выделенного из НИИ-88 в самостоятельную организацию. В 1947 г. на заводе НИИ-88 были собраны первые 10 ракет А4 из узлов и агрегатов, вывезенных из Германии, и 18 октября того же года на полигоне Капустин Яр (на Южной Волге) состоялась первая успешная попытка запуска ракеты А4, представляющей собой улучшенную копию немецкой ракеты Ф-2. В 1948 г. были разработаны ракеты Р-1 и Р-2, а 10 октября того же года состоялась первая успешная попытка запуска ракеты Р-1 с дальностью полета 3000 км и массой головной части 3 т. В декабре 1953 г., после успешного испытания советской водородной бомбы, Королев получил задание построить ракету, способную донести водородный заряд до территории США. Была разработана двухступенчатая баллистическая ракета Р-5 с дальностью полета 7—8 тысяч километров, успешно испытанная 19 апреля 1954 г. В апреле 1954 г. началась разработка межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, а уже в мае

Королев обратился к Д. Ф. Устинову с докладной запиской «Об искусственном спутнике Земли». 15 мая 1957 г. состоялся первый пуск ракеты Р-7, а 21 августа — первый ее пуск на расчетную дальность. 4 октября состоялся запуск первого в мире искусственного спутника Земли. 26 октября решением Высшей аттестационной комиссии и Президиума АН СССР С. П. Королеву и В. П. Мишину за выдающиеся заслуги в разработке ракетно-космической техники были присвоены ученые степени докторов технических наук без защиты диссертаций. Еще в 1953 г. Королев становится член-корреспондентом АН СССР, а в 1958 г. — и ее действительным членом. В 1957 г. он становится лауреатом Ленинской премии, в 1956 и 1961 гг. — дважды Героем Социалистического Труда. В 1958 г. АН СССР наградила С. П. Королева Золотой медалью К. Э. Циолковского.

Сергей Павлович Королев скончался 14 января 1966 г. Он ушел очень рано из жизни, не встретив даже 60-летний юбилей. Сказались годы заключения в лагерях и нервная обстановка постоянного давления коммунистического руководства, которое стремилось осуществлять запуски космических кораблей к юбилейным датам. Сергей Павлович никогда не допускал технических авантю, а это стоило многих сил и здоровья. По свидетельству работавших с ним людей, Королев последние годы жизни выглядел очень уставшим человеком.

Успех спутника был всемирным и оглушительным. Американцы, считавшие Россию технически отсталой страной, были посрамлены. Советский режим одержал большую пропагандистскую победу в холодной войне. Его авторитет в «третьем мире» необычайно вырос. Руководители стран Азии и Африки увидели в «русском социализме» пример для подражания, модель для быстрого преодоления отсталости. Русское слово «спутник» вошло во многие языки мира.

Хрущёв, окрыленный успехом, продолжал поддерживать космические проекты Королева. Триумфы следовали один за другим: 2 января 1959 г. была запущена автоматическая межпланетная станция «Луна-1», совершившая первый пролет Луны, а 12 сентября — станция «Луна-2», которая достигла поверхности планеты 14 сентября и в 0 часов 2 минуты 24 секунды по московскому времени доставила на нее советские вымпелы. 4 октября того же года состоялся запуск межпланетной станции «Луна-3», впервые совершившей облет Луны и передавшей на Землю фотографии обратной стороны планеты. Под руководством С. П. Королева начинается разработка твердотопливных ракет РТ-1 и РТ-2. 20 января 1960 г. принимается на вооружение ракета Р-7, и с ее помощью 15 мая того же года на орбиту выводится первый космический корабль-спутник «Восток-1» с целью функциональных проверок работы систем космического аппарата. 19 августа того же года на орбиту выведен второй корабль-спутник «Восток-1» с собаками Белкой и Стрелкой, тем са-

мым впервые осуществлен пуск живых существ на орбиту, причем 20 августа животные возвращаются на Землю. 1 декабря 1960 г. состоялся третий пуск того же типа космического корабля с собаками Пчелкой и Мушкой.

Королев готовился послать в космос человека. Был сформирован отряд космонавтов во главе с генералом Николаем Петровичем Каманиным, одним из спасателей «челюскинцев» в 1934 г. Отбор в отряд космонавтов был чрезвычайно жестким. Из более чем 2500 летчиков было отобрано по состоянию здоровья 20 человек. Из них были отобраны три основных летчика для первого полета в космос: старшие лейтенанты Юрий Гагарин и Герман Титов и капитан Григорий Нелюбов, причем практически до последнего дня перед стартом не было известно, кто из них полетит.

12 февраля 1961 г. был осуществлен вывод на орбиту тяжелого искусственного спутника Земли, с которого стартовала управляемая космическая ракета с межпланетной станцией «Венера-1». 9 и 25 марта были запущены четвертый и пятый космические корабли типа «Восток» с собаками. Тем самым были отработаны задачи по обеспечению жизнедеятельности человека в космосе. 12 апреля 1961 г. русский человек, старший лейтенант ВВС **Юрий Алексеевич Гагарин** стал первым космонавтом Земли. Космический корабль «Восток-1» (ЗКА № 3) стартовал в 9 часов 06 минут 59,7 секунды. Он был выведен на орбиту ракетой-носителем 8К72 (впоследствии названной РН «Восток») со стартовой массой 287 тонн на орбиту с перигеем 181 км и апогеем 327 км. Пуском первого в мире космического корабля с человеком на борту руководили С.П. Королев, А.С. Кириллов и Л.А. Воскресенский. За 108 минут Юрий Гагарин облетел земной шар. Приземление произошло в 10 часов 55 минут на мягкую пашню у берега Волги вблизи деревни Смеловка Терновского района Саратовской области.

В этот день впервые со дня Победы толпы москвичей и людей в других городах России без всякой санкции властей вышли на улицы и площади, празднуя великое событие. По свидетельству очевидцев, лица людей светились радостью и гордостью за свою страну. 14 апреля Гагарина чествовали на Красной площади как национального героя. Миллионы людей смотрели телевизионный репортаж об этом событии. Обаятельный космонавт стал олицетворением «новой России» для всего мира.

Выдающиеся успехи, достигнутые при освоении космоса, были бы невозможны без целой плеяды талантливых ученых, инженеров и конструкторов, объединенных одной идеей и блестящей организацией разработок, инициатором которых был академик Королев. Именно он предложил создать совет Главных конструкторов, который определял стратегию освоения космоса. В первую «великую шестерку» Главных входили: С.П. Королев (общее руководство проектом), В.П. Глушко (разработка ракетных двигателей), Н.А. Пилюгин (разработка систем управления), В.И. Кузнецов (разработка командных гироскопических приборов для систем управления), М.С. Рязанский (разработка средств связи и радиоизмерительных комплексов)

и В. П. Бармин (разработка стартовых комплексов и наземного оборудования). На космическую программу работали сотни заводов и конструкторских бюро. Огромный вклад в разработку первых искусственных спутников Земли, баллистических ракет, космических кораблей, систем управления, гироскопических приборов и стартовых комплексов внесли выдающиеся ученые и инженеры Борис Евсеевич Черток, Борис Викторович Раушенбах, Виктор Павлович Легостаев, Михаил Клавдиевич Тихонравов, Александр Альбертович Лапин, Василий Павлович Мишин, Мстислав Всеволодович Келдыш, Константин Давыдович Бушуев, Евгений Николаевич Токарь, Анатолий Константинович Ваницкий, Михаил Федорович Решетнёв и многие другие. Все работы были строго засекречены. Шведская академия наук обратилась к правительству СССР с просьбой назвать имена ведущих разработчиков для присвоения Нобелевских премий за первый спутник и первого человека в космосе. Хрущёв ответил в демагогическом духе, что автором всего является советский народ, ведомый коммунистической партией. Таким образом, страна лишилась шести нобелевских лауреатов, так как по правилам Нобелевского комитета лауреатами одной премии может быть не более трех человек.

6—7 августа впервые был осуществлен суточный полет летчика-космонавта Германа Титова на космическом корабле «Восток-2». В то же самое время были разработаны и пущены в полет первые спутники-разведчики класса «Зенит» и спутники связи класса «Молния». 16 апреля 1962 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О разработке комплекса «Союз» для пилотируемого облета Луны». Начинается разработка эскизного проекта сверхмощной ракеты Н1. С 11 по 15 августа 1962 г. был осуществлен запуск космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4», пилотируемых А. Г. Николаевым и П. Р. Поповичем, осуществлен их успешный совместный полет в космосе и возвращение на Землю.

Историческая справка

Всем первым летчикам-космонавтам присваивалось звание Героя Советского Союза, так как риск полетов был очень большим. На первых космических кораблях еще не было управляемого спуска, он осуществлялся баллистическим способом, и перегрузки иной раз достигали 15—20 единиц. После срабатывания парашютной системы космонавт должен был катапультироваться с высоты около 10 километров, так как система мягкого приземления корабля с человеком еще не была разработана. В рамках программы подготовки космонавтов 1 ноября 1962 г. в районе г. Вольска Саратовской области были выполнены парашютные прыжки со стратостата «Волга», поднявшегося на высоту 24 500 м. Прыжок из глубин стратосферы осуществили парашютисты — испытатели Евгений Андреев и Петр

Долгов. Целью эксперимента было определить максимально возможную высоту покидания космонавтом спускаемого аппарата в случае нештатной ситуации. Андреев должен был первым катапультироваться и, пролетев в свободном падении 23 500 м, раскрыть парашют. Задача Долгова была более опасной и сложной: он должен был на высоте 24 500 м раскрыть парашют и спускаться под раскрытым куполом в разреженных слоях стратосферы, вплоть до Земли. По расчетам такой спуск должен был продолжаться 38 минут. Евгений Андреев, катапультировавшись, после 5 минут свободного падения успешно выполнил задачу. Петр Долгов, как и было предписано, через минуту начал отделяться от стратостата. Однако при расчете прыжка не учли разреженность воздуха в стратосфере: кабина стратостата продолжала раскачиваться от отдачи при катапультировании Андреева, и Долгов случайно ударился остеклением шлема высотного компенсационного костюма об острый болтик крепления трубопровода на стратостате. Нелепая случайность, которую невозможно предусмотреть ни на одной из тренировок: произошла разгерметизация костюма, и отважный испытатель моментально скончался. Парашютная система сработала нормально, но Петр Долгов приземлился уже мертвым. За этот выдающийся прыжок испытателям были присвоены звания Героев Советского Союза, одно из которых, к великому сожалению, — посмертно, а их рекорд был зафиксирован в Книге рекордов Гиннеса.

1 ноября 1962 г. был осуществлен запуск межпланетной автоматической станции «Марс-1», осуществившей 19 июня 1963 г. первый пролет Марса, 2 апреля 1963 г. — автоматической станции «Луна-4», а 14–19 июня — космического корабля «Восток-5», пилотируемого В.Ф. Быковским. Через два дня в космос полетела первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, завершившая свой полет одновременно с Валерием Быковским.

Эти события взволновали военных, прежде всего американцев, понемногу развивавших ракетную технику, родословная которой тоже восходила к немецкой Ф-2. В США работал автор этого проекта — Вернер фон Браун, переехавший после капитуляции Германии в Америку. Теперь же президент Джон Кеннеди обещал «высадку человека на Луне до конца десятилетия». США запустили в космос космонавта Джона Гленна, но явно отставали. В июне 1962 г. президент США Джон Кеннеди в ежегодном послании конгрессу заявил, что США начинают масштабную программу по подготовке высадки человека на Луну. Началась дорогостоящая гонка в космосе, которую, как постепенно выяснилось, выигрывала Америка, у которой были большие средства и научно-технический потенциал.

24 декабря 1968 г. американская ракета «Сатурн-5» вывела космический корабль «Аполлон-8», пилотируемый космонавтами Ф. Борманом, Дж. Ловеллом и У. Андерсом, который совершил облет Луны, а 19 мая 1969 г. эту же

задачу выполнил экипаж «Аполлона-10» в составе Т. Стаффорда, Дж. Янга и Ю. Сернана. 16 июля 1969 г. космический корабль «Аполлон-11» вышел на орбиту Луны, а спускаемый аппарат достиг поверхности планеты. Космонавты Н. Армстронг и Э. Олдрин вышли на поверхность Луны в зоне Моря Спокойствия и пробыли там с 20 по 21 июля в течение 21 часа 36 минут. Космонавт М. Коллинз находился в космическом корабле. С этого времени американские космонавты стали именоваться *астронавтами*, как побывавшие на другой планете. С 1969 по 1972 г. на Луне побывали экипажи «Аполлонов»-12, 14, 15, 16 и 17, причем последний экипаж в составе Ю. Сернана, Х. Шмидта и Р. Эванса с 11 по 15 декабря 1972 г. провел на поверхности планеты (Сернан и Шмидт) 75 часов. Последние две экспедиции для перемещения по поверхности Луны использовали луноходы типа «Ровер». Генерал Каманин в своем дневнике признавал, что СССР не только потерпел поражение в гонке, но и упустил шанс завоевать господство в космосе — решающий, на его взгляд, фактор в грядущей победе коммунизма во всем мире.

Однако о победе коммунизма думали идеологи в ЦК КПСС, а не разработчики ракетно-космической техники. Главная причина поражения была в слишком большом спектре задач, решаемых советской космонавтикой: здесь и лунная программа, и создание орбитальных космических станций, и разработка межпланетных спутников для полета к Марсу, Луне и Венере. Если США бросили все силы на реализацию лунной программы, то в СССР, кроме всего прочего, должны были решаться задачи достижения военного паритета с блоком НАТО после погрома, устроенного Хрущёвым в начале 60-х гг. в авиации и флоте. Отставание было ликвидировано лишь к началу 80-х гг. Естественно, сказывалась и большая эффективность экономики США.

1964 г. ознаменовался полетом трех космонавтов: В. М. Комарова, К. П. Феоктистова и Б. Б. Егорова на космическом корабле «Восход». 18—19 марта 1965 г. совершил полет космический корабль «Восход-2» с космонавтами П. И. Беляевым и А. А. Леоновым, причем Алексей Архипович Леонов впервые в мире вышел в открытый космос. Этот эксперимент едва не закончился трагедией, так как у космонавта внезапно раздулся скафандр, и он только чудом смог втиснуться в открытый шлюз космического корабля уже на пределе достаточности воздуха.

К 1966 г. под руководством Королева были осуществлены разработки новых космических кораблей класса «Союз», до сих пор успешно летающих в космос. 1 марта 1966 г. межпланетная станция «Венера-3», запущенная 16 ноября 1965 г., впервые достигла Венеры, доставив на ее поверхность вымпел с гербом СССР. 6 марта 1966 г. ОКБ-1 было преобразовано в Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ), а 11 мая Главным конструктором и его начальником был назначен В. П. Мишин.

Не обошлось и без жертв. 23 апреля 1967 г. с космодрома Байконур стартовал новый космический корабль «Союз-1», который пилотировал летчик-

космонавт Владимир Комаров. Корабль имел много недоработок, а запуски в беспилотном режиме были неудачными. 28 ноября 1966 г. полет первого автоматического «Союза-1» закончился аварийным сходом с орбиты. 14 декабря того же года пуск «Союза» также окончился аварийно, да еще и с разрушением стартового стола. Несмотря на все это, советское политическое руководство настояло на срочной организации нового космического достижения к 1 мая. Ракету спешно готовили к старту, первые проверки выявили более сотни неполадок. При жизни С.П. Королева данный полет не состоялся бы ни при каких обстоятельствах, однако к возражениям В.П. Мишина никто прислушиваться не хотел. Корабль вышел на орбиту, но дефектов оказалось так много, что его пришлось срочно сажать. При посадке произошел отказ парашютной системы, и Владимир Комаров погиб при ударе о землю. Доработки проекта велись более года. 25 октября 1968 г. состоялся запуск космического корабля «Союз-2» в автоматическом режиме, а 26–30 октября — комического корабля «Союз-3», пилотируемого Героем Советского Союза летчиком-космонавтом Георгием Тимофеевичем Береговым, получившим это звание в годы войны. В задачу полета входила стыковка двух кораблей, однако ее осуществить не удалось из-за перерасхода топлива.

С 1967 по 1971 г. было совершено 10 полетов космических кораблей «Союз». С 14 по 15 января 1969 г. состоялась первая стыковка космических кораблей «Союз-4», пилотируемого космонавтами В.А. Шаталовым и Б.В. Волиновым, и «Союз-5», управляемого А.С. Елисеевым и Е.В. Хруновым, причем два последних космонавта вышли в открытый космос и пересели в другой корабль. 19 апреля 1971 г. был осуществлен запуск первой в мире орбитальной космической станции «Салют-1». 23–25 апреля 1971 г. космический корабль «Союз-10» доставил на станцию первый ее экипаж в составе В.А. Шаталова, А.С. Елисеева и Н.Н. Рукавишникова. Следующая экспедиция должна была работать на станции 23 дня, что было рекордом по длительности пребывания в космосе. 6 июня 1971 г. экипаж космического корабля «Союз-11» в составе Георгия Добровольского, Владислава Волкова и Виктора Пацаева стартовал с космодрома Байконур и успешно состыковался со станцией. На космодроме перед стартом основной экипаж (Алексей Леонов, Валерий Кубасов и Петр Колодин) был заменен дублирующим (Добровольский, Волков, Пацаев). 30 июня 1971 г. при возвращении на Землю произошла разгерметизация спускаемого аппарата и экипаж погиб. С тех пор космические корабли комплектуются специальными скафандрами, в которые все члены экипажа облачаются на активных участках полёта.

Работы по созданию сверхмощной ракеты Н1 для полетов на Луну окончились неудачей. Проект получил название Н1-Л 3. Лунный орбитальный корабль Л 3 был рассчитан на 2 человек и на 13 суток полета, имел массу (с учетом топлива) 9850 кг. Масса спускаемого аппарата составляла 2804 кг. Размеры и технические характеристики всего комплекса РКК Н1-Л 3 (7Л) потрясли воображение: высота — 105, 3 м, диаметр — 16 м, масса выво-

димого полезного груза на орбиту — 90 т, стартовая масса — 2820 т, масса топлива — кислорода — 1730 т, керосина — 680 т, суммарная тяга двигателей 4615 тс. На проект были потрачены огромные средства. 21 февраля 1969 г. состоялся первый пуск Н1, однако ракета взорвалась на 70-й секунде полета. Аварийно закончился второй запуск 3 июля того же года. Третий запуск состоялся 27 июня 1971 г., а четвертый — 23 ноября 1972 г. Они также закончились неудачами. Многочисленные аварии вызвали недовольствие правителей СССР. 22 мая 1974 г. В.П. Мишин был освобожден от должности начальника ЦКБЭМ, которое было преобразовано в научно-производственное объединение (НПО) «Энергия», Генеральным конструктором и директором которого был назначен академик В.П. Глушко. Очередной пуск системы Н1-Л 3 (№ 8Л) намечался на май 1974 г., однако по решению комиссии ЦК КПСС, возглавляемой Д.Ф. Устиновым, и с молчаливого согласия Академии наук СССР, все работы по дальнейшему развитию комплекса были прекращены. Первенство в освоении космоса пилотируемыми аппаратами окончательно перешло к США, которые к этому времени развернули работы по созданию системы «Спейс-Шаттл».

Свидетельство очевидца

По воспоминаниям академика Чертока, Сергей Павлович Королев еще на рубеже 50—60-х гг. говорил, что «мы стреляем городом», так как пуск каждой из первых советских ракет стоил приблизительно столько же, сколько тратилось денежных средств на строительство нового города с населением в 30 тысяч человек.

Была и субъективная причина неудачи в лунной гонке: Главный конструктор ЦКБЭМ В.П. Мишин считал, что наиболее эффективным и безопасным является исследование поверхности Луны при помощи автоматов, и у этой точки зрения также было много сторонников. И, действительно, исследование Луны с применением спутников шло достаточно успешно. 15 сентября 1968 г. автоматическая станция «Зонд-5» после семисуточного полета, облетев Луну, возвратилась на Землю, а 10 ноября с успехом завершила полет автоматическая станция «Зонд-6». К 1970 г. было запущено 16 межпланетных автоматических станций для исследования Луны. В ноябре 1971 г. межпланетная космическая станция «Луна-17» доставила на поверхность планеты автоматический самоходный аппарат «Луноход-1», который с 17 ноября 1970 по 4 октября 1971 г. прошел по поверхности планеты 10 540 м, обследовал площадь в 80 000 кв. м, было получено более 200 панорам лунной поверхности и сделано около 20 тысяч снимков, переданных на Землю. Аппарат весом 756 килограммов провел исследование грунта планеты. 16 января 1973 г. с помощью автоматической станции «Луна-21» в район Моря Ясности на поверхности Луны был доставлен автоматический аппарат «Луно-

ход-2», который за 5 лунных дней прошел 37 километров пути и провел более детальные исследования. США к этому времени уже завершили лунную программу. Таким образом, СССР к 1974 г. отстал от США в этой области освоения космоса на 5 лет.

Этого пережить советское правительство не могло, и все силы были брошены на создание орбитальных космических станций. К началу 80-х гг. было запущено в космос 7 станций типа «Салют», осуществлены полеты международных космических экипажей, начало которым положил запуск 15–21 июля 1975 г. космического корабля «Союз-19» с экипажем в составе А. А. Леонова и В. Н. Кубасова. На орбите произошла стыковка с американским космическим кораблем «Аполлон», пилотируемым астронавтами Т. Стаффордом, В. Брандтом и Д. Слейтоном. Именно тогда было положено начало сотрудничеству двух держав в космосе. 2–10 марта 1978 г. состоялся запуск космического корабля «Союз-28», доставившего на орбитальную станцию «Салют-6» международный экипаж в составе летчика-космонавта А. А. Губарева и чехословацкого космонавта В. Ремека. В дальнейшем на орбите побывали представители всех социалистических стран.

Развитие программ по запуску орбитальных космических станций потребовало систематическую доставку грузов и топлива на орбиту. Пилотируемые космические корабли «Союз» не могли справиться с решением данной задачи. Поэтому было принято решение о создании грузового транспортного корабля «Прогресс», разработка эскизного проекта которого началась в середине 1973 г. Проектирование конструкторской и эксплуатационной документации велось в течение 1974–1976 гг., а к ноябрю 1977 г. работы по созданию транспортного корабля были завершены. Первый грузовой корабль «Прогресс-1» был запущен 20 января 1978 г. В течение двух суток велись маневры и летные испытания корабля, а в начале третьих суток полета он успешно состыковался с орбитальной станцией «Салют-6». Грузовой корабль имел массу 7020 кг, массу доставляемого груза 2300 кг, в том числе в грузовом отсеке 1300 кг, а в отсеке дозаправки — 1000 кг. С этого времени стали реальностью длительные пребывания экипажей на орбите. Время показало эффективность принятых технических решений, так как доставка грузов на орбиту при помощи «Прогрессов» оказалась приблизительно в 6 раз дешевле, нежели на кораблях многоразового использования типа «Спейс-Шаттл».

Американцы тоже осуществили запуск в космос своей орбитальной станции «Скайлэб». Это событие произошло 14 мая 1973 г. Экипаж астронавтов Ч. Конрада, Дж. Кервина и П. Вейца с 25 мая пробыл на станции 28 суток, а следующий экипаж А. Бина, О. Гэрриота и Дж. Лусма пробыл на ней два месяца. В это же время США начали уделять большое внимание созданию межпланетных автоматических станций для исследования дальнего космоса. С июля 1972 по февраль 1973 г. автоматическая станция «Пионер-10» осуществила пролет сквозь пояс астероидов Солнечной системы и 4 декабря

1973 г. приблизилась к Юпитеру. В это же время начались работы по созданию станции для посадки на спутник Сатурна Титан. В 1997 г. осуществился запуск автоматической станции, совершившей в конце 2004 г. посадку на поверхность этой планеты.

В СССР также продолжали межпланетные исследования. 19 мая 1971 г. автоматическая станция «Марс-2» достигла поверхности Марса, а 28 мая была осуществлена мягкая посадка спускаемого аппарата «Марс-3». Всеми делами в космосе сначала ведало Министерство обороны, потом часть их была выделена в гражданское ведомство — Министерство общего машиностроения.

Тем временем конструкторы атомного оружия создавали все более легкие и компактные образцы. Сверхтяжелые ракеты стали для доставки оружия не нужны. Их использовали для запуска спутников, необходимых для военной разведки, связи, картографии, наблюдения за погодой, а также для отправки зондов на Луну, Марс и Венеру.

Совершенствование атомного оружия позволило уменьшить размеры военных ракет, но требовало испытаний, число которых угрожающе нарастало и вводило в атмосферу опасные дозы радиоактивности. Об этом, помимо западных ученых, лично предупреждал Хрущёва академик Сахаров. В 1958 г. начались переговоры между СССР и США, и обе стороны 2 года воздерживались от испытаний.

Советские успехи в космосе скрыли от многих отставание СССР от США в ракетно-стратегическом состязании. 15 декабря 1959 г. было объявлено о создании нового вида вооруженных сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). В 1958—1961 гг. доля расходов на военные разработки и производство техники увеличилась с 2,9 до 5,6 процента от всего советского бюджета. Научно-конструкторское бюро **Михаила Кузьмича Янгеля** разработало несколько военных типов баллистических ракет. В 1957—1959 гг. были испытаны первые советские атомные подводные лодки, способные нести баллистические ракеты.

Но СССР отставал от США в электронике и радиотехнике, двигателях и топливе, в общей научно-технической базе, культуре и организации труда. Число советских баллистических ракет, способных достичь США, росло медленно: в 1959 г. их было 4—6, к 1962 г. их стало 20. Гигантская ракета Королёва не годилась для боевого использования. Ракеты Янгеля были на жидком топливе (в то время как американские ракеты — на твердом), и их нужно было долго готовить к пуску. В октябре 1960 г., в результате спешки и нарушения всех мер техники безопасности, произошел случайный запуск двигателей ракеты Р-16 в Тюратаме (Казахстан). В адском огне сгорело 74 человека, в том числе все конструкторское бюро Янгеля, инженеры, техники, и руководитель испытаний, главком РВСН маршал М. Неделин. Сам Янгель отошел от пусковой площадки, чтобы поговорить по телефону, и только поэтому уцелел.

От русского общества скрыли эту катастрофу. Однако в США о ней узнали. С 1955 г. американский самолет-разведчик У-2 совершал облеты советской территории и фотографировал ракетные базы и другие объекты. США наращивали количественное и качественное преимущество в стратегических бомбардировщиках, ракетах средней и большой дальности, и в строительстве подводного атомного флота. С американских передовых баз в Европе и Турции американские ракеты могли поразить русские города через несколько минут после запуска.

Литература:

Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): Сборник документов / Сост. В.И. Ивкин; Г.А. Сухина. М.: РОССПЭН, 2010.

Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева. 1946–1996. М.: Изд-во РКК «Энергия», 1996.

Б.Е. Черток. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. М., 1999.

Г. Озеров. Туполевская шарага. М.: Посев, 1973.

Н.П. Каманин. Скрытый космос. 1960–1963 гг. М.: Инфортекст ИФ, 1995.

И.В. Быстрова. Советский военно-промышленный комплекс. Проблемы становления и развития (1930–1989 годы). М.: Институт российской истории РАН, 2006.

5.1.15. Автономизация восточноевропейских спутников СССР.

Внешняя политика в противостоянии с Западом.

Попытка Хрущёва принудить Запад к «разрядке». Берлинский кризис

Подавив венгерскую революцию в ноябре 1956 г., советское руководство было вынуждено пойти на значительную либерализацию контроля над внутренней и внешней политикой своих союзников по Варшавскому договору. Еще в 1956 г. был распущен Коминформ — сталинское орудие контроля над странами Восточной Европы (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 106). Одновременно, боясь падения жизненного уровня в ГДР, Чехословакии и других странах Восточной Европы, что почти неизбежно привело бы к новым народным волнениям, Кремль предоставляет странам «народной демократии» все возрастающую безвозмездную помощь — поставляет в кредит хлеб, дешевое сырье и топливо, покупает восточноевропейские товары.

На политику Кремля оказывал влияние и ускорившийся процесс западноевропейской интеграции: в 1957 г. возникло Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Москва также попыталась перестроить отношения внутри СЭВ на основах кооперации, разработать правильное соотношение валют. Но получалось это плохо, и вскоре все стороны стали считать себя «в проигрыше». На высшем уровне советские руководители договаривались с руководителями восточноевропейских стран о том, что Польша, ГДР или Чехословакия будут специализироваться на производстве определенной продукции и будут продавать ее СССР. Но эти обещания нарушались, потому

что советская экономика по-прежнему следовала сталинскому принципу «автаркии» — производить всё и вся внутри себя. В результате СССР производил точно такие же электровозы, как Венгрия, и такие же прессы, как Чехословакия, и, разумеется, не нуждался в «импорте» из этих стран. Напротив, все страны СЭВ всё больше были заинтересованы в торговле с западными странами, где они могли приобрести то, что никто из них не был способен производить или производил некачественно, и получить твёрдую валюту за свои качественные и ценимые на Западе товары.

Историческая справка

Термин

Автаркия (от греческого слова *αὐτάρκεια* — букв. самоудовлетворение), т.е. независимость, самостоятельность, наличие в себе самом достатка сил и всего необходимого.

Возникали проблемы и другого рода. Если раньше экономика ГДР и восточноевропейских стран была в значительной мере подчинена советским интересам, то начиная с 1956 г. СССР и Российская Федерация, в частности, все больше выступали в роли экономического «донора» других стран коммунистического блока. С этого времени в Президиуме ЦК стали раздаваться жалобы на перенапряжение советской экономики в связи с поставками оборудования Китаю, помощью Польше и Венгрии. Особенно значительным бременем для СССР становилось экономическое «спасение» ГДР (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 140, 944—945, 988).

Главной проблемой советской внешней политики оставались отношения с США, холодная война со странами НАТО. Министром иностранных дел после падения Шепилова с июня 1957 г. стал Андрей Андреевич Громыко. Громыко был за осторожное и постепенное продвижение к «разрядке» с Западом, с помощью накапливания сил и упорных, жестких переговоров. Но Громыко панически боялся взрывного и грубого Хрущёва и никогда ему не прекословил. Фактически Хрущёв творил внешнюю политику по своему разумению, используя МИД в качестве профессиональной obsługi.

Оставаясь убежденным большевиком, Хрущёв верил, что, только сильно напугав «империалистов» и западного «обывателя», можно принудить их к «мирному сосуществованию» и к «разрядке». Нетерпеливая натура Хрущёва-большевика часто брала верх над нуждами дипломатии, ломала её расчеты. Еще в 1957 г. Первый секретарь заявил американцам на приеме: «Мы вас похороним», — имея в виду неизбежность победы коммунистического строя над капитализмом. Этой опрометчивой фразой Хрущёв перечеркнул многолетние усилия советской дипломатии и пропаганды по размягчению в США образа СССР как врага.

Главным средством давления на западные державы в руках Хрущёва стало ракетно-ядерное оружие. Во время войны в Египте в октябре-ноябре 1956 г. советский лидер поверил в эффективность атомных ультиматумов Западу. То, что СССР сильно отставал в стратегических вооружениях от США, не смущало Хрущёва. Он рассчитывал на психологический эффект ядерных угроз, т.е. на ядерный блеф. Кроме «эффекта спутника», у СССР к началу 1960-х гг. были сотни ракет средней дальности, способных поразить Западную Европу.

Осенью 1958 г. советский лидер решил использовать ядерный блеф для разрешения германской проблемы в советских интересах. В Кремле и МИД понимали, что объединение Германии по австрийскому образцу 1955 г. будет означать исчезновение «социалистической» ГДР. Дело шло именно к этому. В 1957–1958 гг. канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, опираясь на мощный подъем западногерманской экономики, вел политику изоляции и подрыва ГДР. Западный Берлин стал форпостом западного влияния на восточных немцев, символом экономической свободы, демократии и более высокого материального уровня. Туда продолжали прибывать все новые перебежчики из советизированной Восточной Германии.

В ноябре 1958 г. Хрущёв предъявил США, Великобритании и Франции ультиматум. Он настаивал на заключении до конца года мирного договора по Германии и признании западными державами Западного Берлина в качестве «вольного города». В противном случае, грозил Хрущёв, СССР подпишет договор с ГДР, а все соглашения, которые давали западным державам доступ в Западный Берлин по суше и по воздуху, станут недействительными.

Руководители и военные США и других стран НАТО отвергли советский ультиматум и, опасаясь новой советской блокады Западного Берлина, начали готовиться к ответным мерам. Они не исключали использование силы, чтобы пробиться к Западному Берлину через территорию ГДР. Хрущёв, зная об этих планах из донесений разведки, распорядился в начале 1959 г. тайно разместить на территории Калининградской области (части Восточной Пруссии, отошедшей в 1945 г. к СССР) и Восточной Германии советские ракеты средней дальности. В Центральной Европе впервые с 1948 г. возник политический кризис, грозящий вооруженным конфликтом. Хрущёв, однако, полагал, что он всегда сможет удержаться на грани, не доводя до «горячей» войны. Хрущёв считал, что США и их союзники по НАТО не будут воевать «из-за Аденауэра», т.е. Западной Германии, и пойдут на уступки. В зарубежной печати то и дело появлялись его сенсационные заявления о том, что в случае войны Англия и другие западные страны исчезнут с лица земли.

Западные политики были обеспокоены безответственными заявлениями Хрущёва. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, президент Франции Шарль де Голль, а затем и президент США Эйзенхауэр предложили Хрущёву сесть за стол переговоров. В сентябре 1959 г. Хрущёв стал первым советским лидером, приехавшим с официальным визитом в США. После шумного пропагандистского турне по стране, Хрущёв встретился с Эйзенхауэром, и тот,

к удовольствию советского лидера, признал ситуацию в Берлине «ненормальной». Была достигнута договоренность о том, что в начале следующего года в Париже состоится встреча лидеров четырех держав по германскому вопросу. Советский руководитель вернулся в Москву в эйфории от своих дипломатических достижений.

Хрущёву показалось, что Эйзенхауэр признал СССР равноправным партнером, и германская проблема будет решена с учетом советских интересов. В декабре 1959 — январе 1960 г. Хрущёв начал готовиться к разрядке. Он рассчитывал на то, что сможет высвободить громадные средства, шедшие на военные нужды, и направить их на построение «экономики коммунизма». Этого требовал и острейший демографический кризис в СССР — растущей советской экономике катастрофически не хватало рабочих рук, а количество вступающих в рабочий возраст уменьшилось на много миллионов из-за «эха войны», нерождения миллионов детей. В январе 1960 г. было объявлено о сокращении армии на 1,2 миллиона, прежде всего за счет офицерского состава. Хрущёв заявил Президиуму ЦК, что будущее — за ракетами, а большая кадровая армия и океанский военно-морской флот будут скоро не нужны. Прекратилось строительство военно-морского флота, а почти достроенные крупные боевые надводные корабли, в том числе авианосцы и тяжелые крейсера, были списаны на металлолом.

Существенно сократилась и авиация. Тысячи молодых первоклассных военных летчиков увольнялись из армии и были вынуждены искать себе работу в гражданской и сельскохозяйственной авиации. Сокращение проводилось бездарно. Не принимались в расчет ни опыт, ни личные качества офицеров. Приспособленцы и подхалимы, обладающие низкой квалификацией, зачастую оставались в войсках, а людей независимых подводили под сокращение.

Историческая справка

Не минули сокращения и отряд космонавтов. Летчик-космонавт № 3 Григорий Нелюбов так и не полетел в космос, хотя обладал блестящими данными летчика-испытателя и был одним из лучших в отряде. Виной был его независимый характер. После полетов Гагарина и Титова лететь должен был он. Однако Хрущёв решил послать «интернациональный» экипаж Поповича и Николаева (один из космонавтов был по национальности украинцем, а второй — чувашем). Следующей полетела Валентина Терешкова — первая женщина-космонавт. Естественно, что Нелюбов не мог быть в восторге от принятых решений, о чем не раз открыто говорил товарищам. Воспользовавшись инцидентом в привокзальном ресторане, когда Григорий достаточно резко поговорил с военным комендантом, его отправили служить в воинскую часть на Дальний Восток и так и не вернули в отряд, несмотря на все ходатайства и просьбы. В 1966 г. Григорий Нелюбов погиб, бросившись под поезд.

Закон от 27 июля 1959 г. установил пенсии военнослужащим только после сорока лет службы — это значило, что уволенные из вооруженных сил офицеры оставались без средств к существованию. Негодованию военных не было предела. Маршалы и генералы в разговорах между собой ругали Хрущёва последними словами. Они считали, что СССР, вопреки пропагандистской браваде, все более отстает по боевой мощи от Соединенных Штатов.

Встреча в верхах в Париже была намечена на середину мая 1960 г. 1 мая советская ПВО сбила американский самолет-разведчик У-2 в районе Свердловска. При этом одной из ракет сбили свой же самолет-перехватчик, летчик которого погиб. Но это не омрачило ликования Хрущёва. Если бы У-2 выполнил свою миссию, США имели бы бесспорные доказательства советского ракетного отставания. К тому же летчик Г. Пауэрс, работавший по контракту ЦРУ, был пойман живым и стал давать показания. Хрущёв решил на этом сыграть, поскольку Эйзенхауэр, не подозревая о Пауэрсе, отрицал причастность американского правительства к шпионскому полету. Через неделю торжествующий Хрущёв «поймал» американцев «с поличным», предъявив американского летчика, как «говорящую улику». К удивлению советского лидера, президент США не стал валить ответственность на ЦРУ, а признал свою ответственность за полет. Эта неожиданная честность Эйзенхауэра создала Хрущёву большую проблему. Он считал, что вести переговоры с президентом США после этого — значит выказать слабость. Надо отметить, Хрущёв никогда не чувствовал себя уверенным на переговорах с западными лидерами, предпочитая громкие заявления и силовые жесты.

12 мая 1960 г. директивы Президиума ЦК для встречи в Париже были еще направлены на конструктивные переговоры с западными державами. Ожидалось, что летом 1960 г. Эйзенхауэр придет в СССР. Были даже построены коттеджи для его приема. Внезапно, перед самым отлетом в Париж, в аэропорту Внуково-2 Хрущёв сообщил коллегам по Президиуму, что вместо переговоров надо бойкотировать встречу. Те не посмели возразить. В Париже Хрущёв отказался встречаться с Эйзенхауэром, пока тот не извинится за У-2. Де Голль и Макмиллан тщетно упрашивали советского лидера передумать и сесть за стол переговоров. Хрущёв устроил пресс-конференцию и закатил на ней настоящую истерику, обвиняя Эйзенхауэра и Аденауэра, грозя всевозможным врагам зримым кулаком и невидимыми ракетами. Про американского президента он кричал: «Он не хозяин в нашей стране... Если таким наглецам спустить, то они прямо на шею сядут». Уже давно большевицкая дипломатия не представляла перед миром в таком хамском, неприглядном обличье.

Хрущёв ударился в «революционную дипломатию», походившую на большевицкие и коминтерновские акции 1920-х гг. Он искал новых союзников среди левых националистов Африки, раздавал безвозмездную помощь Алжиру, Гвинее, Египту и другим странам «третьего мира». СССР вмешался в гражданскую войну в Конго на стороне президента Патриса Лумумбы против

сепаратистов Катанги, которых поддерживали западные наемники. Когда Лумумба был убит, Хрущёв обвинил в его смерти западных «империалистов» и генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда.

Кульминацией «революционной дипломатии» была поездка Хрущёва в Нью-Йорк для участия в Генеральной сессии ООН. Единственный советский самолет Ту-104 (переоборудованный из стратегического бомбардировщика Ту-95), который мог доставить советского лидера в США, был в ремонте. В результате Хрущёв отправился туда на теплоходе, захватив с собой и лидеров восточноевропейских стран. Он пробыл в Нью-Йорке около месяца, выступая в ООН и яростно обличая «империалистов и их пособников». На одном из заседаний ООН Хрущёв снял с ноги ботинок и стучал им по трибуне во время своего выступления. Это стало мировой сенсацией, но в советской прессе эпизод с ботинком стыдливо замалчивали. 10 октября Хрущёв писал своим коллегам в Президиум из Нью-Йорка: «Уже начинаем считать часы, сколько нам осталось пробыть в этой распроклятой капиталистической стране и вернуться в свою социалистическую страну, сколько осталось пробыть в этом логове Желтого Дьявола, как образно о нем сказал Максим Горький» (Источник, 2003. № 6. С. 116—117).

Провал Парижского совещания вернул мир и Европу к худшим временам холодной войны. Сокращение Советской армии было прекращено, к удовольствию высших военных. Хуже всего была ситуация с советским форпостом в Германии. Хрущёв оставил Берлинский кризис тлеть, а между тем ГДР «таяла» на глазах: число немцев, убежавших из ГДР в Западную Германию в 1959—1960 гг., достигло полумиллиона. Советский режим нянчился с ГДР как с больным ребенком, оказывая режиму все возрастающую финансовую помощь.

Литература:

А. А. Фурсенко. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М.: Наука, 2006.

Ю. Квицинский. Время и случай: записки профессионала. М.: Олма-пресс, 1999.

5.1.16. Конфликт российского и китайского коммунистических режимов.

Развал единого коммунистического лагеря

Польское и венгерское восстания и дистанцирование от СССР югославских коммунистов явились лишь первыми симптомами того глубокого кризиса, который поразил мировое движение коммунистов после XX съезда КПСС. Коммунистическое движение лишилось главного — своего идола. Если при Сталине поддержка СССР ценой ущемления интересов других стран и народов была «догматом веры», то после развенчания Сталина лидеры по-

чти всех коммунистических режимов в целях выживания начали прибегать к националистической демагогии и демонстрировать обособление (зачастую показное, а не реальное) от Москвы. Они надеялись, что эта дистанция поможет им самим обрести в глазах своих народов образ законных национальных элит.

С начала 1960-х гг. портятся советско-румынские отношения. Румынское коммунистическое руководство начало громко заявлять, что Молдавия (Бессарабия) и уж тем более населенные румынами районы Северной Буковины (округ Герцы) должны вернуться в Румынию.

Ещё в конце 1950-х гг. начали стремительно ухудшаться и советско-китайские отношения. Мао не мог простить Хрущёву развенчания Сталина, а также того, что это было сделано без его ведома и согласия. В октябре 1956 г. руководство КПК выступило посредником между польскими коммунистами и Кремлем и приняло участие в обсуждении советской интервенции в Венгрии. Метания Хрущёва и его коллег в ходе польских и венгерских событий убедили Мао, Чжоу Эньлая и других китайских лидеров, что премники Сталина слабоваты и что пришел их черед встать во главе коммунистического мира. Мао заявлял в своем окружении, а затем и в партийной прессе, что Хрущёв совершил непростительную ошибку. Сталин, говорил он, был мечом в руках коммунистов. Теперь «советские товарищи» уронили этот меч, и его подобрали враги коммунизма.

Хрущёв лавировал. Внешне советско-китайские отношения были на подъеме. Советская помощь КНР продолжала нарастать. По объему она была соизмерима с американским планом Маршалла для Западной Европы. СССР строил для Китая танковые, артиллерийские, авиационные и кораблестроительные заводы, фактически создавал из НОАК современную армию. В 1958 г. в Пекин приехала делегация советских конструкторов ядерного оружия, которая подробно инструктировала китайских коллег. На железнодорожных путях в ядерном центре Арзамас-16 (Кремлёв) стоял состав с готовым атомным «изделием»; ждали только сигнала сверху для его отправки в Китай.

Изгнав из Президиума своих врагов (Молотова, Кагановича др.), Хрущёв вновь воспрял духом. В его речах проскальзывал тезис о том, что только СССР и США являются великими державами, от которых зависят судьбы мира. Это явно не устраивало китайцев. В конце июля 1958 г. Мао заговорил с Москвой решительным языком. В ответ на обращение советских военных с предложением построить вдоль побережья КНР станции радиолокационного слежения за флотом США и разместить в портах КНР «совместный» советско-китайский стратегический подводный флот, он обрушился на советского посла, обвиняя советское руководство в шовинизме и даже в желании «колонизовать Китай».

Хрущёв ринулся в Пекин для тайных консультаций. Переговоры были трудными. Хрущёв пытался успокоить китайского лидера, предложил ему

убрать из КНР военных советников и отказался от идеи «совместного» подводного флота. Но Мао не собирался признавать тезис Хрущёва о том, что лишь СССР и США являются сверхдержавами. В мае 1958 г. Мао начал «большой скачок» — крестьян коммунисты загоняли в коммуны, в народе проводилась тотальная военная мобилизация, в каждом дворе строили домны, где из металлолома выплавлялся металл, и т.д.

Одновременно китайская армия получила от Мао приказ начать бомбардировку прибрежных островов, удерживаемых китайской армией Чан Кайши и охранявшихся американским флотом. Москву Мао об этом не информировал. Советское руководство было в растерянности, так как конфликт на Дальнем Востоке грозил втянуть СССР в большую войну на стороне КНР. Кремлевские политики не видели или не хотели видеть, что Мао обращается с ними так, как обращался Сталин с другими компартиями в течение десятилетий. Раздраженный Хрущёв отменил посылку атомного устройства китайцам. Позже он объяснит, что ему стало просто обидно: «Нас так поносят... а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой?» Охлаждение «дружбы выше гор и глубже моря» не могло, разумеется, произойти в одночасье — десятки миллионов людей в СССР и Китае были воспитаны на идеях коммунистического сотрудничества.

Открытая идеологическая конфронтация между Пекином и Москвой началась после поездки Хрущёва в КНР в октябре 1959 г. на празднование десятилетия КНР. Советский лидер появился там после своего официального визита в США, поданного советской пропагандой как триумф его внешней политики. В то время на китайско-индийской границе вспыхнул вооруженный конфликт в Восточных Гималаях. Сама граница в горах проводилась очень приблизительно еще в XIX в. между Британской и Китайской империями. Северо-восточная пограничная территория (будущий штат Арунчал-прадеш), населенная народом *лоба* тибето-бирманской группы языков (административный центр Рианг), по старым договорам принадлежала Китаю, но сами племена лоба считались вассалами Императора Индии, то есть британского монарха. Поэтому правительство независимой Индии приняло решение взять племена лоба под свою защиту от эксцессов коммунистического режима. Индийские пограничники вошли в Рианг. К тому времени отношения двух стран и без того были напряженными из-за подавления китайцами в марте 1959 г. восстания тибетцев, требовавших предоставления независимости своей стране. Духовный лидер Тибета Далай-лама бежал тогда в Индию, переодевшись простым солдатом, и Неру выступил в его защиту. Китайско-индийский пограничный конфликт, в ходе которого один индиец был убит, а другой — ранен, был совершенно не нужен Хрущёву перед его встречей с американским президентом. Китайские коммунисты требовали от Москвы поддержать их, но Хрущёв, считая Индию важным потенциальным союзником, отказался это сделать. Напротив, он занял позицию «нейтралитета», которую Мао Цзэдун расценил как «предательство».

В Пекине Хрущёва ждал холодный душ. Запись советско-китайских переговоров, теперь опубликованная, похожа на кухонную перепалку. Хрущёв взорвался первым и бросил китайскому министру иностранных дел маршалу Чень И: «Вы, не плюйте на меня с высоты Вашего маршальского жезла! У Вас слюны не хватит. Нас нельзя запугать». Вернувшись в Москву, раздраженный и подавленный Хрущёв говорил в ближнем кругу, что от Мао пора избавиться. Но большинство советских чиновников, военных и руководителей промышленности не могло себе представить, как «коммунисты не могут договориться с коммунистами», и винили в ссоре Хрущёва, его невыдержанность.

В конце апреля 1960 г. китайская пресса обвинила КПСС в отходе от ленинизма. Поводом послужило празднование как в СССР, так и в КНР девяностолетней годовщины со дня рождения Ленина (22 апреля). К этой дате теоретический журнал КПК «Хунци» опубликовал обширную редакционную статью «Да здравствует ленинизм!», которая была непосредственно заострена против КПСС, а особенно против хрущёвской политики «мирного сосуществования двух систем» и его же тезиса о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму».

В середине июля 1960 г. на съезде Румынской коммунистической партии Хрущёв схлестнулся с главой китайской делегации Пэн Чжэнем — заместителем Генерального секретаря ЦК КПК и мэром Пекина. Вернувшись в Москву, он принял решение отозвать из Китая всех советских специалистов. За полтора месяца из КНР на родину выехали 1390 советских инженеров и техников, ученых, конструкторов и других экспертов. С собой они вывезли всю научную документацию, проекты и чертежи. Многие стройки оказались законсервированы, научные проекты — свернуты.

Эмоциональное и спонтанное решение Хрущёва осложнило и без того глубокий кризис в китайской экономике, вызванный провалом «большого скачка». Мао решил сплотить вокруг себя коммунистов на платформе конфронтации со «старшим братом», Советским Союзом. И это в тот момент, когда советская помощь хлебом могла спасти жизнь миллионам китайцев, умиравших от голода в результате безумной экономической политики китайских коммунистов. Для Мао, однако, было гораздо важнее подорвать власть Хрущёва и стать в глазах мирового коммунизма «истинным ленинцем», чем спасти жизнь десятков миллионов собственных граждан. Китайцы обвиняли вождя КПСС в «социал-демократизме», а советские коммунисты кричали об «ультралевизне» лидеров КПК.

В 1963 г. у Хрущёва вновь не выдержали нервы. В ответ на очередное письмо ЦК КПК Центральный комитет КПСС обратился с открытым посланием ко всем коммунистам Советского Союза. В нем было заявлено о «пагубности курса» китайской компартии, о «вопиющем противоречии» действий китайского руководства «не только с принципами взаимоотношений между социалистическими странами, но в ряде случаев и с общепризнанными правилами и нормами, которых должны придерживаться все государства».

На это органы ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» и журнал «Хунци» разра- зились редакционной статьей, в которой «хрущёвские ревизионисты» были объявлены «предателями марксизма-ленинизма и пролетарского интернаци- онализма». В мае 1964-го на одном из заседаний китайского руководства Мао, уже не сдерживая эмоции, заявил: «Сейчас в Советском Союзе диктату- ра буржуазии, диктатура крупной буржуазии, немецко-фашистская диктатура гитлеровского типа. Это шайка бандитов, которые хуже, чем де Голль».

От амбиций коммунистических лидеров пострадали миллионы людей, прежде всего это те, кто умер от массового голода в Китае. Тысячи китай- ских студентов, обучавшихся в российских университетах, вначале исполь- зовались как идеологическая «пятая колонна» в Москве и других крупных городах, а впоследствии были отозваны в КНР (или высланы советскими властями). Когда коммунистический вождь Албании Энвер Ходжа встал на сторону Пекина и выдворил советские военные корабли с базы на Влере, Хрущёв прекратил экономическую помощь албанцам. Две коммунистические верхушки тратили многие миллионы долларов, субсидируя десятки ради- кальных режимов в Африке и Юго-Восточной Азии только для того, чтобы на партийных съездах можно было рапортовать о росте числа «их» сателли- тов и показать своему населению, что «их ленинизм» распространяется по всему миру быстрее ленинизма соперника.

Китайское руководство подняло болезненный территориальный вопрос. Оно заявило, что русские в XIX в. захватили у Китая Дальний Восток и дру- гие прилегающие территории. В 1962 г. Москва согласилась на секретные пограничные переговоры с Пекином. Они начались в феврале 1964-го. В ок- тябре, однако, Хрущёв прервал их, считая требования китайцев абсурдными. Территориальный вопрос на долгие годы стал главной темой, эксплуатиро- вавшейся и китайскими и советскими коммунистами. В 1969 г. он привел к кровавым столкновениям на границе на острове Даманском (см. **5.1.33**). Лишь в правление Горбачева начались переговоры, которые завершились успешно после краха коммунистического режима в СССР.

Советская партийно-государственная элита долго еще испытывала тоску по дружбе с китайским гигантом. Ссора с КНР была вменена в вину Хрущё- ву и была одной из многочисленных причин, которые привели к его сме- щению в октябре 1964 г. Чжоу Эньлай приехал в Москву на празднование 7 ноября 1964 г. Мао ожидал, что Москва признает его правоту и отменит решения XX и XXII съездов о развенчании Сталина. Многие из кремлевской верхушки были не прочь действовать в этом направлении. Но это означало бы уступить китайцам руководящую роль в коммунистическом мире. На это Президиум пойти не мог. После торжественного заседания в Кремле изрядно подвыпивший маршал Малиновский, обращаясь к Чжоу Эньлаю, заявил: «Ну вот, мы свое дело сделали — выбросили старую галошу — Хрущёва. Теперь и вы вышвырните свою старую галошу — Мао, и тогда дела у нас пойдут». Китайский премьер покинул Москву. Дальнейшие попытки Политбюро (Ко-

сыгина, Шелепина и других сторонников советско-китайской «дружбы») договориться с КПК ни к чему не привели. В 1966 г. Мао развязал в КНР «великую пролетарскую культурную революцию», в которой образ СССР играл ту же роль, что троцкизм играл в эпоху сталинского террора.

В образованных кругах советского общества, включая небольшую группу «просвещенных» консультантов ЦК КПСС, критика безумных маоистских экспериментов стала формой завуалированной критики собственных сталинистов. «Просвещенные» консультанты пытались внушить членам Политбюро, что вместо тщетных попыток примирения с Пекином следует пойти на отказ от жестких идеологических установок и вести дело к «разрядке напряженности» с западными демократиями.

В народе, особенно среди русских, широкое распространение получили расистские взгляды, подкрепляемые тезисом об «исторической Желтой Опасности» и «панмонголизме». Одновременно в 1960-е гг. в обществе рос страх перед «миллиардной китайской массой», которая может затопить «всю Россию», несмотря на мощь советского ядерного оружия. Тема — «захватят ли нас китайцы» на целых полтора десятка лет стала одной из любимых в «кухонных салонах» русской интеллигенции.

Литература:

А. В. Панцов. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007.

А. Д. Воскресенский. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

5.1.17. XXII съезд КПСС и новая атака Хрущёва на Сталина

Единоличная власть развращала Хрущёва. Бесконтрольность обостряла худшие черты его характера. Он все чаще принимал важные решения без совета со специалистами, под влиянием эмоций. Так же грубо, по-хамски он обращался с министрами, партийными аппаратчиками, военными, писателями и учеными. Эти черты проявились и в его «дипломатии», и в разрыве с китайскими лидерами.

Вместе с тем, Хрущёв оставался главным двигателем «десталинизации» сверху, т.е. официальной политики развенчания Сталина и его преступлений. Далеко не один Хрущёв начал раскачку сталинского монолита. Большинство сталинских подручных, начиная с Берии, было заинтересовано в отходе от террора, сталинской мобилизационной экономики, агрессивной внешней политики. Но после того как из всех из них у власти остался один Хрущёв, политический импульс десталинизации не усилился, а ослабел. Большинство партийного аппарата и военных продолжало боготворить Сталина, несмотря на его преступления, за его победу в войне и построение могучей империи, а также потому, что были «повязаны» сотрудничеством со Сталиным.

Импульсивный и говорливый Хрущёв, живой контраст Сталину, порождал в партийном аппарате тайную ностальгию по «мудрому Вождю».

У Хрущёва не было другого инструмента власти кроме партийного аппарата и госбезопасности, где его славословили, а за глаза все больше обливали помоями. Хрущёв, скорее всего, сознавал ненадежность этой опоры. Во всяком случае, он постоянно пытался перетасовать аппарат, меняя его структуру, омолаживая кадры. 9 января 1959 г. председателем КГБ вместо Серова стал **Александр Николаевич Шелепин** (1918—1994). Уроженец Воронежа, выпускник элитного московского Института философии, литературы и истории, он сделал карьеру в комсомоле. Шелепин возобновил чистку госбезопасности от старых кадров, заменяя их комсомольскими работниками. Всего было смещено до 20 000 офицеров КГБ. 13 января 1960 г. Хрущёв упразднил МВД и общесоюзное управление лагерей, а вместо него были созданы республиканские ведомства, в Российской Федерации — Министерство охраны общественного порядка.

Став главой правительства, Хрущёв начал вольно или невольно ущемлять всевластие партаппарата — прежде всего могущественных секретарей обкомов. В апреле 1960 г. по постановлению Совета Министров СССР директора крупных предприятий и строки начали входить в руководство совнархозов. Это означало, что хозяйственники могли действовать более независимо от обкомов партии. В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС был принят новый Устав партии, предусматривавший систематическое обновление партийных органов. Низшие организации на каждых выборах должны были обновляться наполовину, обкомы и республиканские органы — на треть, а ЦК и его Президиум — на одну четверть. Было записано, что один человек не может быть избран несколько раз в один и тот же орган. Хрущёв немедленно испробовал нововведение, обновив состав Секретариата. Оттуда были исключены Екатерина Алексеевна Фурцева и грузинский партийный лидер В. С. Мжеванадзе, и включен Шелепин. Фурцева, узнав о своем исключении из Секретариата лишь на съезде, была в таком шоке, что пыталась покончить с собой.

На XXII съезде Хрущёв выступил с новыми разоблачениями Сталина и, на этот раз, его «пособников», Молотова, Кагановича и Маленкова. Возвращаясь к первоначальному сценарию XX съезда, он дал слово «старым большевикам», которые заклеили сталинские преступления. Тут же, по предложению одной из выступавших, съезд принял решение убрать тело Сталина из ленинского мавзолея. Еще съезд не завершил работу, а труп «Вождя» был спущен в вырытую у кремлевской стены яму. Сверху был налит из самосвала цементный раствор. Слово «Сталин» исчезло с мавзолея. По всей стране уничтожались портреты и статуи «Вождя». Его гигантские изваяния пришлось взрывать тротилом, срывать с пьедесталов вертолетами и тягачами. Множество городов, улиц и предприятий, названных именем Сталина, было быстро переименовано. Сталинград стал Волгоградом, Сталинабад — Душанбе, Сталинири — Цхинвали, Сталино — Донецком. Пик Сталина на Памире превратился в пик Коммуниз-

ма. Заодно Молотов снова стал Пермью, Чкалов — Оренбургом, и даже город Каганович превратился просто в «поселок Каширской ГРЭС».

Вторичная атака на сталинизм проходила на фоне разрыва с Китаем и была своеобразным ответом Хрущёва на китайские упреки в «ревизионизме». Также это был ответ на стремительное падение авторитета Первого секретаря в народе и номенклатуре на фоне нарастающего кризиса с довольствием, сокращений в армии и других реформ. Не случайно Хрущёв воспользовался съездом, чтобы окончательно «добить» своих бывших товарищей по руководству. Молотов, занимавший тогда должность постоянного представителя Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене, критиковал новую программу КПСС и политику Хрущёва в отношении Китая. Он был отправлен в отставку и позже исключен из партии. Маленкова и Кагановича также исключили из партии и запретили им проживание в Москве.

Новые разоблачения сталинских преступлений были важны для тех, кто хотел верить в необратимость десталинизации. В то же время они не вызвали таких общественных потрясений, как в 1956 г. Сложилось неустойчивое равновесие между консервативным, просталинским большинством в аппарате и «либеральным» меньшинством — сторонниками «возврата к Ленину» и построения «социализма с человеческим лицом». Омоложение руководства и аппарата не ослабило позиций сталинистов. Шелепин (прозванный среди интеллигенции «железный Шурик»), к примеру, восхищался Сталиным и активизировал борьбу КГБ с «разлагающими влияниями» среди молодежи и творческих элит. Руководство комсомолом перешло к В. Семичастному, а затем В. Павлову, которые стояли на таких же позициях.

5.1.18. Вторая «оттепель». Пределы хрущёвской «либерализации»

Кратковременный энтузиазм конца 1950-х гг. стал спадать, и пронизательные умы уже видели идеологический тупик хрущёвской «либерализации». Сквозь иллюзии «оттепели» проступали все те же черты партийно-государственного деспотизма.

Свидетельство очевидца

Профессор С. С. Дмитриев записал в своем дневнике 29 марта 1961 г.: «Хрущёв всем надоел. Его поездки и бессодержательно-многословные словоизвержения приобрели вполне законченное идиотское звучание. Вообще всё чаще чувствуется в общественно-политической атмосфере какая-то совершенная прострация, сгущающаяся пустота, топтанье в пределах всё того же давно выбитого пятачка, круга... Лица неподвижны, мыслей и движения нет...» — Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история.. 2000. № 5. С. 176.

В печати появлялось некоторое количество искренних, честных произведений литературы. В то же время не были отменены репрессивные сталинско-ждановские постановления 1946—1948 гг. о «социалистическом реализме» и «партийности» в искусстве. Не ослабевала цензура и произвол партийных чиновников в области культуры на всех уровнях.

Историческая справка

В декабре 1960 г. Василий Гроссман отнёс в журнал «Знамя» свой новый роман «Жизнь и судьба». Рукопись была обсуждена и осуждена в отсутствие автора и передана главным редактором журнала В. Кожевниковым в КГБ. 14 февраля 1961 г. агенты КГБ провели обыск на квартире Гроссмана, изъяли все экземпляры рукописи, черновики, рукописные наброски и даже листы копировальной бумаги, которые использовались при печатании романа на машинке. Суслов ответил решительным отказом на просьбу писателя, обращенную к Н. С. Хрущёву, вернуть ему арестованную рукопись романа и в личном разговоре заметил Гроссману, что такой роман в СССР сможет быть напечатан лет через 200—300. Гроссман, пережив тяжкое потрясение, умер от рака в сентябре 1964 г. Рукопись романа, восстановленная по копиям, заблаговременно розданным друзьям, была напечатана в 1980 г. в Лозанне, а в 1988 г. — в России журналом «Октябрь». — С. Липкин. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990; F. Ellis. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Providence, R.I.: Berg, 1994.

В 1961 г. комсомольские дружинники и КГБ разогнали «островок свободы» у памятника Маяковскому в Москве, где молодежь читала свои стихи, знакомилась и обменивалась мыслями о происходящих событиях.

Мнение историка:

«Поэты стали символом российской молодежи, принадлежавшей к тому же самому поколению. Поэтические выступления, всегда пользовавшиеся популярностью в России, стали массовым явлением. Тысячи людей выходили на улицы, чтобы читать свои стихи в Дни поэзии, и их выступления собирали на стадионах аудитории в 30—40 тысяч человек» — The Soviet Union: The Fifty Years. / Ed. H. Salisbury. P. 127.

И все же период с весны 1960 г. вошел в историю под названием «вторая оттепель». Он был связан, прежде всего, с выходом на общественно-культурную арену новых талантов, которые не могли до этого открыто заявить о себе. В общественно-культурном авангарде принимали участие и молодые, и ветераны-фронтовики, и даже люди более старших поколений, стремив-

шие сбросить с себя груз молчания, неискренности и сотрудничества с террористическим режимом. Поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Юнна Мориц собирали громадные аудитории восторженных слушателей. Их запрещенные к публикации стихи расходились в тысячах копий и читались равно в студенческих «общагах» и в салонах просвещенной коммунистической знати, позволявшей себе отклонение на несколько градусов от «линии партии». Вышел альманах «Тарусские страницы» с рассказами Константина Паустовского, Булата Окуджавы, стихами Марины Цветаевой, Давида Самойлова.

19 сентября 1961 г. в «Литературной газете» была напечатана поэма Евтушенко «Бабий Яр» об истреблении евреев Киева нацистами в 1941 г. В журнале «Юность» появились повести В. Аксенова и А. Гладиллина о «сердитой» молодежи, недовольной окружающим ее лицемерием. Журнал «Новый мир», вновь под руководством Твардовского, стал флагманом «искренней» литературы, где начали печататься Борис Можаев, Виктор Астафьев, Владимир Войнович, Георгий Владимов и др. Рязанский учитель и бывший «зэк» Александр Исаевич Солженицын направил в «Новый мир» свои первые рассказы. В кинематографе работали над фильмами о современниках Г. Чухрай, М. Хуциев, Михаил Ромм, выросли новые таланты (Арсений Тарковский, Андрей Кончаловский, Георгий Данелия, Леонид Гайдай, Эльдар Рязанов). В живописи, скульптуре, музыке происходила проба новых форм и стилей, раздвигались границы «социалистического реализма». Начал распространяться самиздат — литература, публицистика, религиозные сочинения — в рукописных списках или перепечатанные «под копирку» на пишущих машинках.

СССР называли самой читающей страной в мире, ссылаясь на астрономические тиражи книг. Но советское книгоиздательство в большой мере работало на выпуск макулатуры: «классиков» марксизма, сборников партийных решений, «классиков» советской литературы — то есть писателей, чьи книги вышли тиражом более 1 млн. экземпляров.

Большинство людей стремилось достать произведения русской и мировой классики, интересных современных писателей, мыслителей. Такие книги были в дефиците. Поэтому еще в 1950-е гг. возникли книжные барахолки, где люди покупали или обменивали интересующие их книги. Там можно было купить и запрещенную литературу, в том числе изъятую при обысках. Показателем спроса была цена. В 1970 г. издававшийся НТС журнал «Посев», нелегально ввозимый в СССР, стоил 25 руб., книги издательства «Посев» от 30 до 50 руб., а Библия, которую нельзя было приобрести в храме, в начале 1980-х поднялась в цене до 65–70 руб. (0,7 средней месячной зарплаты). В магазине один том собрания сочинений Ленина стоил 55 коп. Но спросом он не пользовался.

Помимо книжных барахолок были и музыкальные, где продавались западные пластинки (с запрещенной рок-музыкой) или их копии, сделан-

ные на рентгеновской пленке, а также магнитофонные ленты с записями отечественных бардов (Визбора, Галича, Городницкого, Высоцкого, Кима, Окуджавы). Магнитофонная кассета, очень дефицитный товар, стоила 4 рубля по госцене и 7—15 рублей у продавца-«фарцовщика». Милиционеры разгоняли такого рода частную торговлю, но барахолки неизменно возникали вновь.

Число людей, охваченных этим общественно-культурным подъемом, было невелико — прежде всего, столичные литературные кружки, образованные слои крупных городов, университеты, основные научно-технические центры. Но ясно ощущались страшные последствия культурной катастрофы 1920—1940-х гг. — подавляющее большинство этих людей были преданы «социалистическому выбору», были воинствующими атеистами и искренне верили, что большевицкий переворот открыл новую светлую эпоху в жизни России и мира. Вместе с тем, можно говорить о появлении — впервые со времен войны — общественных и культурных сил, которые внутри России стремились освободиться от государственно-партийной диктатуры, изменить господствующий режим.

В стране говорили об утверждении «социалистической законности». В 1960 г. вступил в силу новый уголовный кодекс РСФСР, из которого исключались сталинские репрессивные статьи. В то же время в лагерях сидели тысячи политзаключенных, а в 1960—1961 гг. КГБ арестовал по политическим мотивам около 500 человек.

Хрущёвский режим строго преследовал «тунеядцев» (нигде не работающих людей), «фарцовщиков» (подпольных торговцев) и особенно «валютчиков» (торговцев иностранной валютой). В 1959 г. международным скандалом закончился процесс по делу Яна Рокотова и его сообщников. Рокотов — молодой подпольный финансист и предприниматель, организовал целую сеть по продаже валюты и «дефицитных» западных товаров. Он и его товарищи были арестованы. Им грозили большие сроки заключения — 10—15 лет. Тут вмешался Хрущёв: «Это что же, когда они выйдут на свободу, у нас уже будет коммунизм? Нельзя таких в коммунизм с большой ложкой и вилкой пускать». Был принят новый закон, о смертной казни за финансовые преступления в особо крупных размерах. Ему придали обратную силу — Рокотова и его товарищей осудили и убили по советскому суду. Правозащитники и юристы во всем мире были возмущены таким вопиющим нарушением норм юриспруденции. Но Хрущёву на это было наплевать.

Литература:

- Л. Поликовская.* Мы предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского 1958—1965. М.: Звенья, 1997.
У. Таубман. Хрущёв. М.: Молодая гвардия, 2005.
Э. Кулевиг. Народный протест в хрущёвскую эпоху. М.: АИРО-XXI, 2009.

5.1.19. Русская Православная Церковь при Хрущёве

Первое постановление, направленное против религии и Церкви в годы нахождения Н. С. Хрущёва у власти, увидело свет 7 июля 1954 г. и было посвящено анализу «крупных недостатков в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению». Советский народ информировался о том, что с пассивностью в отношении религии необходимо покончить, что необходимо «с научных позиций» разоблачать сущность религии, в том числе православия. Подчеркивалось, что воспитательную работу среди учащихся необходимо вести в духе воинствующего материализма. Для советских педагогов, выросших и сформировавшихся в сталинские годы, слова о *воинствующем материализме* могли ассоциироваться только с декларациями *воинствующих безбожников* 1920–1930-х гг. Казалось, что прежняя терминология вновь становится востребованной коммунистическими идеологами.

Однако власти довольно скоро поняли, что поторопились. Некоторые сталинские соратники — Молотов, Маленков, Ворошилов — полагали, что новая конфронтация с Церковью, осуществлявшаяся под демагогическими лозунгами улучшения научно-атеистической работы, может повредить престижу Советского Союза за рубежом, а также вызвать нездоровую реакцию внутри страны. Их позиция — позиция прагматиков, заботившихся вовсе не о благе верующих, а о стабильности созданной Сталиным политической системы, в которой Православная Церковь занимала свое место и использовалась по мере надобности во внешнеполитических целях. В результате 10 ноября 1954 г. появилось новое постановление Центрального Комитета КПСС, пояснявшее, что борьба против религиозных предрассудков — это идеологическая борьба научного (материалистического) мировоззрения против антинаучного (религиозного), в которой нельзя допускать оскорбления религиозных чувств верующих и клириков. Тем самым косвенно доказывалось, что такого рода оскорбления допускались, и постановление от 7 июля лишь стимулировало их.

Уже то, что в течение нескольких месяцев коммунистическая партия дважды поднимала вопрос, связанный с атеистической пропагандой, показательно. В 1954 г. перспективы развития коммунистической системы были еще не ясны. Они проявлялись по мере укрепления позиций Н. С. Хрущёва, на что ушло несколько лет. Поэтому неслучайно, что период между 1954 и 1958 г. оказался самым благоприятным для Русской Православной Церкви после 1947 г. С 1954 по 1957 г. (включительно) число храмов и молитвенных домов Русской Православной Церкви не уменьшилось, оставаясь приблизительно на одном уровне: если в 1954 г. их было 13422, то в 1957 г. — 13430. То же самое можно сказать о состоянии монастырей и численности монашествующих — в 1954 г. было 59 монастырей с 4481 иноком и инокиней (монахинь было значительно больше, чем монахов), а в 1957-м — 57 с 4661 иноком и инокиней. Год от года росло число учащихся восьми духовных семинарий

и двух духовных академий. Более того, с 1955 г. православные иерархи стали присутствовать на приемах в Верховном Совете СССР и в зарубежных посольствах. Тогда же впервые в СССР разрешили напечатать Библию и Евангелие тиражом 50 тысяч экземпляров. После разоблачения «культы личности» Сталина в 1956 г. из лагерей вернулись уцелевшие клирики, многие из них снова стали служить.

Для Русской Православной Церкви тяжелые времена наступили в 1958 г., после победы Хрущёва в 1957 г. над «антипартийной группой Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова». Давление на Церковь осуществлялось двумя способами: посредством финансового гнета и политически. 16 октября 1958 г. Совет Министров СССР выпустил два постановления — «О свечном налоге» и «О монастырях». Постановления были приняты в соответствии с требованием ЦК КПСС развернуть наступление на религию и связывались единой задачей: подорвать материальное положение Православной Церкви и максимально сократить численность монастырей. Вполне понятно, что уменьшение средств напрямую влияло на возможности Церкви содержать монастыри: постановление запрещало монастырям применять наемный труд и предусматривало сокращение арендуемой у государства земли. К тому же повышение налогов на землю делало нерентабельным труд насельников, «естественным» образом приводило обитель к экономическому упадку. К такому же упадку приводило приходы резкое повышение налога на свечи. До 1959 г. Церковь платила за свечи годовой налог в сумме чуть более 1 млн рублей, а в 1959 г. — 71 154 038 рублей.

Кроме того, советские власти активно боролись за сокращение сети духовных учебных заведений. С этой целью предпринимались всевозможные меры по уменьшению (и даже полному прекращению) приема в духовные школы. Под нажимом властей был ликвидирован заочный сектор в ленинградских духовных школах, прекращен прием лиц с высшим и средним светским образованием, выдвинуто требование принимать только тех, кто отслужил в Вооруженных силах СССР, и т.д. Принимались меры к закрытию трех из восьми духовных семинарий. И, действительно, в 1960 г. были закрыты Ставропольская и Киевская семинарии; затем — Саратовская. После 1963 г. прекратила свое существование Минская семинария. За период с 1958/59 по 1964/65 учебные годы число студентов духовных школ сократилось более, чем в 4 раза. С сентября 1959 г. стал выходить атеистический журнал «Наука и религия», на долгие годы превратившийся в идеологический рупор борцов с религией и Церковью. Возможности вести с атеистами полемику РПЦ не имела, хотя и продолжала издавать ежемесячный «Журнал Московской Патриархии», подвергавшийся строжайшей цензуре.

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах», подключавшее к обеспечению «контроля» местные органы власти.

ДОКУМЕНТ

Журнал «Наука и религия» в апреле 1961 г. разъяснил своим читателям, что значит нарушение клириками советских законов о культах: *«Церковники и сектантские проповедники злоупотребляют весьма чутким, деликатным отношением нашей партии к религиозным чувствам трудящихся верующих... С нарушениями советского законодательства о культах мириться дальше нельзя, их нужно пресекать. Это — одно из условий освобождения наших верующих из-под духовной опеки церковников, одно из условий полного и окончательного преодоления религиозных пережитков в нашей стране».*

В апреле 1961 г. власти сумели навязать Синоду РПЦ постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни». В июле оно было утверждено Архиерейским собором. В результате клирики отстранялись от руководства приходами, которыми с тех пор стали руководить приходские советы. Священнослужитель оказался в положении наемного работника, привлекаемого общиной для совершения религиозных служб. Советские власти получили право отвода членов приходских советов, назначения проверенных ими людей и т.п. Староста же, в отличие от священника, оказался «главным человеком» на приходе, что было в интересах коммунистического режима, так как подбор старост находился в его руках. Сильным ударом по Церкви стало и введение к лету 1962 г. регистрационных книг, в которых на основе паспортных данных должно было отмечаться, кто заказывал совершение крещений, венчаний, отпеваний. На основании этих данных власти могли теперь усилить контроль над верующими. Зарегистрированное крещение, венчание или отпевание тут же становилось темой рассмотрения на партийном или комсомольском собрании или, если человек был беспартийным, — на собрании профсоюзном. Такое рассмотрение неизбежно приводило к неприятностям — увольнению с работы, прекращению карьерного роста, отказу в предоставлении путевок и иных «льгот».

Председатель Отдела внешних сношений митрополит Николай (Ярушевич) одним из первых выступил против начатой Хрущёвым в октябре 1958 г. антирелигиозной кампании. Передавалась легенда, что, выйдя как-то на церковный амвон, он поднял газету «Правда», в которой была напечатана статья с нападками на Церковь, и сказал церковному народу — вот видите, газета носит имя «Правда», а в ней — всё ложь. Под нажимом КГБ митрополит Николай был отправлен в отставку («на покой») и в декабре 1961 г. при странных обстоятельствах умер в больнице.

Принятые в июне 1961 г. изменения приходского устава, резко ограничившие права духовенства и мирян, вызвали новые протесты. В 1965 г. ар-

хи епископ Калужский Ермоген (Голубев) написал резкое письмо Патриарху Алексию с требованием отменить новый приходской устав. К письму присоединились 4 архиепископа и 3 епископа. Вскоре Ермогена тоже отправили «на покой». В том же 1965 г. с протестами против наступления на Церковь выступили священники Н. Эшлиман и Г. Якунин. Их открытые письма распространялись в самиздате.

В истории хрущёвских гонений на Церковь особое место занимает XXII съезд КПСС. На съезде, проходившем в октябре 1961 г., была рассмотрена и принята новая Программа КПСС, внесены изменения в Устав КПСС. Если XXI съезд выработал экономический план строительства нового общества, то XXII съезд занимался по преимуществу идеологической работой, вырабатывая основные морально-нравственные принципы бесклассового строя. В этих условиях формирование «научного мировоззрения» стало одной из первостепенных задач. Под научным мировоззрением понималась система философских, экономических и социально-политических взглядов. Разумеется, предполагалось, что в такой системе не будет места религиозным «пережиткам» — так как претворяемая в жизнь теория станет зримым примером всемогущества человека, без всякой помощи «свыше» построившего новый коммунистический мир.

Правда, говоря о научно-атеистической пропаганде, новая Программа также не забыла указать на необходимость терпеливого разъяснения верующим несостоятельности религиозных верований, «возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений». Из сказанного следовало, что верующие просто не видят (в силу различных причин) подлинных корней религии, слабо разбираются в естествознании и обществоведении. Получалось, что именно это — главная причина существования религиозных «пережитков». А такую причину можно ликвидировать методами просвещения и агитации.

В новой Программе КПСС нашел место *моральный кодекс строителя коммунизма*, включавший в себя, среди прочих, такие нравственные принципы, как добросовестный труд (с характерным пояснением «кто не работает, тот не ест»); коллективизм и взаимопомощь; гуманные отношения между людьми (так как «человек человеку — друг, товарищ и брат»); честность, нравственная чистота, скромность; взаимное уважение в семье; непримиримость к несправедливости, тунеядству и стяжательству; нетерпимость к национальной и расовой неприязни и т.п. Намного позднее составители этого кодекса из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, смеясь, признавались, что просто списали его с десяти заповедей Моисея и Нагорной проповеди Христа, «подправив где что нужно».

Смысл морального кодекса очевидно прост: доказать, что коммунистическое общество — прежде всего общество нравственное. А так как оно должно быть в основном построено в ближайшее двадцатилетие (т.е. к началу 1980-х

гг.), то и на формирование нового атеистического человека отводится короткое время. Преодоление религиозности в СССР стало программной задачей компартии, ибо научный атеизм считался одним из обязательных условий общества будущего. Как только был опубликован проект новой Программы КПСС, журнал «Наука и религия» включился в идеологическую полемику, называя религию тормозом на пути построения гуманного общества. Журнал заранее предрекал полное торжество атеизма, «ибо к этому ведет сама... жизнь». А уже в ноябре 1961 г. руководство журнала, совместно с кафедрой теории атеизма Московского государственного университета и Научно-методическим советом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, провело конференцию, обсудившую задачи научно-атеистического воспитания трудящихся.

Стремясь в максимально короткие сроки покончить с религией, что на практике означало и организационный разгром Церкви, атеисты сделали весьма характерный вывод *о необходимости усиления научно-атеистической пропаганды по мере приближения коммунистического общества*. Это был явный перифраз сталинского положения об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма. Тем самым Церковь и ее служители недвусмысленно выставлялись идейными врагами строившегося общества — со всеми вытекающими отсюда последствиями (хотя речь и не шла о физическом устранении «врагов», — акцент делался на контроле за церковными кадрами).

В хрущёвский период «верховным распорядителем» Русской Церкви оставался регулирующий государственно-церковные отношения Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР, созданный еще в 1943 г. Реальной властью на местах пользовались уполномоченные Совета, с которыми архиереи должны были согласовывать все свои решения, в том числе и назначения священников на приходы. Кроме того, Совет позволял епископские хиротонии, а уполномоченные — священнические и диаконские рукоположения. Патриарх Алексий (Симанский) в конце своей жизни с горечью говорил: *«В начале моего патриаршества из десяти кандидатов в епископы я выбирал девять, а они [советские органы] — одного, теперь они дают девять, а я подбираю одного»*. Понятно, что руководство КПСС «продвигало» в епископы или убежденных атеистов — сотрудников КГБ, или лиц нравственно неустойчивых, разложившихся, которые будут растлевать и разрушать Церковь, управляя ею.

Стремясь дискредитировать православное духовенство, власти всячески поощряли вероотступничество. Различными мерами в конце 1950-х — начале 1960-х гг. им удалось добиться заявления о разрыве с религией от почти двухсот священнослужителей. Кроме того, за 1958–1964 гг. число приходов Русской Православной Церкви уменьшилось на 5863 (на 1 января 1966 г. РПЦ имела 7523 храма и 16 монастырей).

Впрочем, развалить Церковь изнутри не удалось, не помог и всеобъемлющий кадровый контроль. Одна из причин этого — внешнеполитическая

деятельность Русской Православной Церкви, которая коммунистическим правителям была весьма необходима. Коммунистические руководители проявляли заинтересованность в православной критике западных «религиозных антисоветчиков», в бойкоте РПЦ работ Второго Ватиканского собора (чего не получилось), в том, чтобы Русская Церковь стала объединяющим центром всех православных поместных церквей.

Парадокс государственно-церковных отношений в том и заключался, что власти пытались решать две взаимоисключающие проблемы: стремясь окончательно уничтожить (как заявлялось, «идеологическими средствами») религию и Церковь, — с одной стороны, они хотели использовать авторитет РПЦ в своих политических целях, — с другой. Более того, коммунистические руководители тех лет проявляли откровенную заинтересованность в нормализации отношений с крупными религиозными исповеданиями и, прежде всего, с Католической Церковью. Хрущёв, например, вел переписку с Папой Римским Иоанном XXIII.

Выдающийся церковный деятель второй половины XX в. митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) (1929—1978) в начале 1960-х гг. активно использовал эту политико-идеологическую двусмысленность, но и он не сумел остановить воинственный напор антирелигиозной пропаганды. Помощь коммунистическому государству в деле «борьбы за мир» и участие, по воле руководства КПСС, в международном экуменическом движении не спасало Церковь от грубых атеистических нападок, ибо *использование Церкви для коммунистической власти было делом тактики, стратегическая же задача ее уничтожения оставалась неизменной*.

Заключительным аккордом публичной антирелигиозной деятельности эпохи Хрущёва стало расширенное заседание Идеологической комиссии при ЦК КПСС в ноябре 1963 г., посвященное обсуждению вопроса атеистического воспитания населения. Следующий — 1964 год — прошел под знаком реализации принятых решений.

На заседании был заслушан доклад Л.Ф. Ильичева, стремившегося играть роль главного советского идеолога. Его доклад — развернутая программа тотального наступления на религию и Православную Церковь в СССР. Впрочем, не стоит считать этот доклад лишь «памятником идеологической мысли» тех лет. Некоторые наблюдения Ильичева вполне заслуживают внимания. В частности, замечание об изменении облика верующего, об усилившейся активности деятелей Церкви и т.п. Показательно, что Ильичев не забыл заявить о противоположности морального кодекса строителей коммунизма и религиозных ценностей. Разумеется, он должен был отдать дань и «чистой» идеологии, напомнив, что время поборников «церковникам» кончилось и что именно в последние годы были восстановлены положения ленинского декрета о свободе совести. Не забыл Ильичев и о «крайностях» в отношениях к Церкви, т.е. о грубом администрировании, напомнив также, что *«наш атеизм является последовательным и принципиальным, глубоко воинствующим»*.